

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 19 • 2026 •

АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 2 • Volume 19 • 2026 •
APRIL – JUNE

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия);

Есакова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия);

Керо Хервилья Энрико Ф., доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Ли-Янке Ханнелоре, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Миронова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Пан КёЁн, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Форстнер Мартин, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovskiy, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Elefterios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolauti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mikhail N. Marusenko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Методология перевода

- Бубенчикова А.В., Фролова А.И. Ограничения автоматического перевода речи в деловой коммуникации и риски его применения 9
- Косар С.А., Халида С.Э. Трудности художественного перевода с русского языка на персидский. Лингвокультурологический и типологический аспекты (на материале рассказов К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева)..... 23
- Цыганская О.Г., Пахаренко С.В., Павлюковец М.А. Переводческие стратегии к анализу феномена языковой игры средствами адаптивного перевода и онлайн-платформ в англоязычных газетах (на материалах таблоидов “The Observer” и “The Sun”) 39

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Бойко Б.Л. Много, очень много снега в русском лесу (перечитывая страницы рассказа Вольфганга Борхерта “Der viele viele Schnee” в оригинале и переводе) 55
- Голубева-Монаткина Н.И., Кукушкина О.В. Представители второго поколения первой «волны» русской эмиграции о русском языке 72
- Сычева Е.С. Выражение любви в аниме: лингвокультурологический аспект 91
- Чэнь Чжу, Чжан Дун. Исследование стратегий перевода китайских культурно-маркированных слов в художественных текстах в контексте межкультурной коммуникации (на примере русского перевода произведений Мо Яня)..... 108

Слово молодым

- Савостьянов В.О., Жидков М.В., Инякина Д.Р., ЧуGUNкина А.В. Межагентная оценка качества машинного перевода в предметных областях: сравнительный анализ Google Translate, Yandex Translate и DeepL 131

У Вэньхуэй, Политова А.А. Эволюция перевода «говорящих имён» русской литературы в китайской переводческой практике: от традиций к инновациям	157
--	-----

Хроника научной жизни

Мешкова Е.М., Тетенкова М.А. Теория, история и методология перевода на XXXIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов».....	180
---	-----

CONTENTS

Translation Methodology

<i>Bubenchikova A.V., Frolova A.I.</i> Limitations of automatic speech translation in business communication and risks of its application	9
<i>Kosar S.A., Khalida S.E.</i> Challenges of literary translation from Russian into Persian: linguoculturological and typological aspects (based on the stories of K.G. Paustovsky and V.V. Veresaev)	23
<i>Tsyganskaya O.G., Pakharensko S.V., Pavlyukovets M.A.</i> Translation strategies for analyzing the language game phenomenon by means of adaptive translation and online platforms in English-language newspapers (on the materials of the tabloids “The Observer” and “The Sun”)	39

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Boyko B.L.</i> Much, very much snow in the Russian forest (rereading the pages of Wolfgang Borchert’s story “Der viele viele Schnee” in the original and in translation)	55
<i>Golubeva-Monatkina N.I., Kukushkina O.V.</i> Representatives of the second generation of the first wave of Russian emigration about the Russian language.	72
<i>Sycheva E.S.</i> Expressing Love in Anime: Linguacultural Aspect	91
<i>Chen Zhu, Zhang Dong.</i> Translation Strategies of Chinese Culturally Marked Words in Literary Texts in the Context of Intercultural Communication.	108

Young Voices

<i>Savostyanov V.O., Zhidkov M.V., Inyakina D.R., Chugunkina A.V.</i> Multi-Agent Assessment of Machine Translation Quality Across Subject Domains: A Comparative Analysis of Google Translate, Yandex Translate and DeepL	131
--	-----

Wu Wenhui, Politova A.A. The Evolution of Russian Literary <i>Speaking Names</i> Translation in Chinese Translation Practice: From Tradition to Innovation	157
--	-----

Chronicles of Scientific Life

Meshkova E.M., Tetenova M.A. Theory, history, and methodology of translation at the 33d international scientific conference of students, postgraduates and young scientists.	180
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'255.2, 821.111, 82-121

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И РИСКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Анастасия Вадимовна Бубенчикова
Алена Игоревна Фролова

Высшая школа социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Для контактов: mishka030110@yandex.ru, bubenchikova.av@rea.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию ограничений систем автоматического перевода речи в контексте деловой коммуникации и анализу рисков их практического применения. Теоретическую основу исследования составляют труды в области переводоведения, компьютерной лингвистики, когнитивной теории перевода и психологии. Эмпирическую базу формируют результаты сравнительного анализа качества перевода систем DeepL и Google Translate, а также данные рецензируемых исследований по разным языковым парам. В работе применяется комбинированная методология, включающая сопоставительный анализ, классификацию ошибок и элементы количественной оценки. Установлено, что современные нейросетевые системы демонстрируют устойчивые лексико-семантические, синтаксические, прагматические и культурно-специфические ошибки, которые в деловой коммуникации трансформируются в юридические, репутационные и финансовые риски. Ключевое различие между профессиональным устным переводом и автоматическим переводом речи заключается в способности человека к *когнитивно-ответственной интерпретации* — интеграции смысловых, эмоциональных, культурных и стратегических параметров коммуникации с осознанием последствий принимаемых решений. Для минимизации рисков необходимо внедрение стандартов постредактирования, развитие

у пользователей навыков машинной переводческой грамотности, а также формирование гибридных моделей.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматический перевод речи, деловая коммуникация, когнитивно-ответственная интерпретация, риски перевода, качество перевода, постредактирование

Для цитирования: Бубенчикова А.В., Фролова А.И. Ограничения автоматического перевода речи в деловой коммуникации и риски его применения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 9–22. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

Статья поступила в редакцию 31.03.2026;
одобрена после рецензирования 19.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

LIMITATIONS OF AUTOMATIC SPEECH TRANSLATION IN BUSINESS COMMUNICATION AND RISKS OF ITS APPLICATION

Anastasia V. Bubenchikova
Alena I. Frolova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

For contacts: mishka030110@yandex.ru, bubenchikova.av@rea.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the limitations of automatic speech translation systems in business communication and examines the risks associated with their use. The theoretical framework is based on translation studies, computational linguistics, cognitive approaches to translation, and psychology. The empirical basis includes comparative studies of machine translation quality, particularly error analysis of DeepL and Google Translate, as well as data from peer-reviewed studies across different language pairs. The study employs a combined methodology including comparative analysis, error classification, and quantitative assessment. It is established that modern neural network systems exhibit consistent lexico-semantic, syntactic, pragmatic, and culture-specific errors, which in business communication translate into legal, reputational, and financial risks. The key difference between professional interpreting and automatic speech translation lies in the human capacity for *cognitively responsible interpretation* — the integration of semantic, emotional, cultural, and strategic parameters of communication with awareness of the con-

sequences of decisions made. To minimize risks, it is necessary to introduce post-editing standards, develop users' machine translation literacy, and form hybrid models.

Keywords: machine translation, automatic speech translation, business communication, *cognitively responsible interpretation*, translation risks, translation quality, post-editing

For citation: Bubenchikova A. V., Frolova A. I. (2026) Limitations of automatic speech translation in business communication and risks of its application. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 9–22. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

The article was received on March 31, 2026;
approved after reviewing on April 19, 2026;
accepted for publication on April, 2026.

Введение

Современная деловая коммуникация развивается в условиях глобализации и цифровизации, что обуславливает рост потребности в оперативном межъязыковом взаимодействии и широкое распространение систем автоматического перевода. Развитие нейросетевых технологий существенно повысило качество машинного перевода, однако, как отмечается в ряде исследований (Koehn, 2020: 245–247; Hutchins, 2005: 115–118), даже современные модели сохраняют ограничения, связанные с вероятностным характером обработки языка. Данный факт приобретает особую значимость в деловой коммуникации, где, согласно положениям теории перевода (Комиссаров, 2000: 56–60; Бархударов, 1975: 102–105), ключевую роль играет не только формальная эквивалентность, но и функционально-прагматическая адекватность.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Повсеместное внедрение автоматического перевода в корпоративную среду опережает формирование нормативных и этических рамок его использования. Комплексный анализ ограничений именно в контексте деловой коммуникации представлен фрагментарно. Недостаточно изучены риски, связанные с использованием автоматического перевода в устной речи (например, в переговорных процессах, конференц-связи). Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для выработки рекомендаций по внедрению систем автоматического

перевода в деловую практику с минимизацией сопутствующих рисков.

Теоретические основания исследования

В отечественной науке основы теории перевода заложены в трудах А.В. Фёдорова (Фёдоров, 1983: 18–22), В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2000: 56–60), Л.К. Латышева (Латышев, Северова, 2025: 102–105), Р.К. Миньяра-Белоручева (Миньяр-Белоручев, 1980: 33–35), которые рассматривали перевод как интерпретационный процесс, включённый в конкретный коммуникативный контекст. Современные системы машинного перевода, основанные на нейросетевых архитектурах, представляют собой принципиально иной тип обработки информации. Согласно исследованиям В.Л. Литвинова и В.В. Полозова (Литвинов, Полозов, 2020: 288), достижения нейросетевых моделей в повышении плавности и связности перевода не исключают проблемы их подверженности специфическим ошибкам, в частности «галлюцинациям» и неверному разрешению многозначности.

В современной науке выделяются два основных подхода к оценке качества перевода: автоматические метрики (BLEU, TER, METEOR) и ручная оценка с участием профессиональных переводчиков. Автоматические метрики фиксируют формальную близость перевода к эталонному образцу, но их показатели не всегда согласуются с критериями адекватности и прагматической уместности. В.С. Корнилов с коллегами (Корнилов и др., 2017: 104–106) обосновывают необходимость применения комбинированных методов, включающих анализ нечётких дубликатов и привлечение экспертов. Как подчеркивает Л.М. Спыну (Спыну, 2025: 118–119), в эпоху цифровизации переводчик должен обладать новыми компетенциями, позволяющими эффективно взаимодействовать с технологиями.

В работах по анализу ошибок машинного перевода (Борун, 2024: 223–225; Злобина и др., 2025: 435–436; Корнилов и др., 2017: 108) выделяются следующие основные категории: лексические ошибки, синтаксические, морфологические, прагматические, культурно-специфические. Особую сложность для машинного перевода представляют идиоматические выражения. Как отмечает Ж. Немиккене (Nemickienė, 2014: 7–8), в деловом контексте более половины идиом переводятся системами не идиоматически, а с помощью парафразы, что приводит к потере стилистической окраски и смысловым искажениям.

Деловая коммуникация характеризуется формализованностью, стремлением к однозначности, использованием стандартных клише и терминологии, а также высокой ценой коммуникативной неудачи. Как подчеркивает Н.Ю. Сороколетова (Сороколетова, 2024: 48–50), бизнес-дискурс отличается высокой степенью целенаправленности, статусной маркированностью и ориентацией на будущее действие. Д.С. Храмченко (Храмченко, 2013: 208–209) выделяет коммуникативные стратегии и тактики, используемые в английском деловом дискурсе, которые требуют от переводчика не только языковой, но и стратегической компетенции. В свою очередь, К.Б. Пригожина (Пригожина, 2014: 113–114) обосновывает необходимость формирования межкультурной компетенции у специалистов, участвующих в международных коммерческих переговорах. В отличие от алгоритма, оперирующего вербальной последовательностью, профессиональный переводчик работает со смыслами, понимая интенцию говорящего и передавая истинное значение высказывания с учётом ситуации общения.

Современные исследования в области когнитивных механизмов перевода выделяют последовательные фазы обработки информации: *внимание* → *восприятие* → *понимание* → *интерпретация* → *генерация*, которые реализуются нелинейно, отражая гибкость когнитивной системы переводчика (Буров, Балаганов, 2024: 48–50). Важным дополнением к когнитивному подходу является понятие *метакогнитивных стратегий* — способности осознавать, регулировать и оценивать собственные познавательные процессы (Швецова, Перевалова, 2022: 195–198). Предлагаемое в настоящем исследовании понятие «*когнитивно-ответственная интерпретация*» надстраивается над этими моделями, вводя в когнитивные и метакогнитивные процессы перевода компонент осознания ответственности за последствия принимаемых решений.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили шесть фрагментов деловой корреспонденции и юридических конструкций на английском языке, отобранные для иллюстрации типичных коммуникативных ситуаций: запрос информации, предложение условий, уточнение сроков, выражение отказа, формулировка гарантийных обязательств и вежливое напоминание. Переводы выполнены с помощью систем Google Translate и DeepL. Каждый перевод оценивался по трём критериям: точность передачи лексико-семантических оттенков, соответствие синтаксическим нормам русского языка,

адекватность с точки зрения прагматики. Методологическая основа включает сопоставительный анализ переводов, классификацию ошибок по выделенным типам, а также элементы количественной оценки.

Результаты

Анализ переводов выявил три основные группы ошибок, систематически воспроизводящихся обеими системами.

Наиболее частым типом стало искажение модальности и стилистической тональности. В предложении “We would appreciate it if you could provide the updated financial statements by the end of the week” Google Translate дал вариант, утративший сослагательный оттенок вежливости, а DeepL внёс излишнюю экспрессивность («замечательно»). В юридическом контексте конструкция “The Buyer shall be entitled to terminate the Agreement in the event of a material breach by the Seller” была переведена обеими системами без передачи долженствования (shall). Идиоматическое выражение “to meet someone halfway” Google Translate передал буквально, DeepL — более адекватно, но в обоих случаях утрачен оттенок взаимности.

Второй группой ошибок стали синтаксические рассогласования. В предложении с придаточным условия “Provided that the delivery is completed within the agreed timeframe, the remaining payment shall be released within five business days” Google Translate использовал форму прошедшего времени, меняя временную перспективу; DeepL сохранил будущее время. Однако ни один из переводов не передал сослагательного оттенка, заложенного в конструкции *provided that*.

Третьим случаем стала передача имплицитного смысла. В предложении “We trust this clarifies our position and look forward to a mutually beneficial resolution” Google Translate перевел «надеемся», исказив интенцию (trust — уверенность). DeepL дал более точный вариант («полагаем»), но ни один из вариантов не сохранил деликатную намеренность английской конструкции.

Проведённый анализ позволяет выделить три устойчивых типа недостатков: систематические сбои при передаче модальных значений; склонность к буквальному воспроизведению идиоматических конструкций; упрощение или утрата прагматической составляющей высказывания. Анализ исследований на разных языковых парах подтверждает системный характер выявленных ограничений (Alkatheery, 2023: 212; Злобина и др., 2025: 435; Sudoh et al., 2011: 420–422).

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с данными более ранних исследований. Высокая частотность лексико-семантических ошибок (в нашем материале — около 40%) коррелирует с выводами Э.Р. Алькатири (Alkatheery, 2023: 212) и Ю.И. Злобиной с соавторами (Злобина и др., 2025: 435). Синтаксические несоответствия при передаче сложных условных конструкций перекликаются с выводами К. Судо и его коллег (Sudoh et al., 2011: 420–422).

Неспособность систем передавать прагматические параметры делового общения оказалась наиболее серьёзной проблемой. Вежливость, императивность, имплицитные смыслы, согласно данным Х. Тугоса и его коллег (Tougas et al., 2022: e39556), переводятся автоматическими системами точно лишь в 30% случаев против 52% у профессионального переводчика. В деловой среде данные показатели становятся критичными.

Выявленные недостатки порождают несколько групп рисков. Юридические связаны с искажением модальности и правовых терминов (Alkatheery, 2023: 214). Репутационные возникают из-за публикации некачественно переведённых материалов. Коммуникативные проявляются в недопонимании между участниками переговоров, вплоть до срыва сделки (Кильмашкина, 2017: 154–156). Риски утечки данных обусловлены передачей коммерчески чувствительной информации через бесплатные онлайн-сервисы. Риски для языковой и культурной идентичности (Петрова, 2019: 165–166) заключаются в деформации языковых норм.

Формирование навыков «машинной переводческой грамотности» (machine translation literacy) — умения оценить целесообразность использования МП, модифицировать исходный текст, критически анализировать выходной текст и выполнять постредактирование — становится важной задачей для современного образования.

Когнитивно-ответственная интерпретация как ключевое отличие профессионального переводчика

Когнитивно-ответственная интерпретация может быть операционализирована через четыре взаимосвязанных компонента:

1. Осознание стратегической цели высказывания. Переводчик различает иллокутивную силу реплики и стремится сохранить её в переводе, что связано с *децентрацией* (Швецова, Перевалова, 2022: 196).

2. Интерпретация эмоционального фона. Переводчик определяет эмоциональную окраску высказывания и воспроизводит её, опираясь на эмпатию (Еныгин и др., 2018: 114–115) и учёт этнопсихологических особенностей (Иовенко, 2024: 118–120).

3. Коррекция формулировок с учётом статуса и культурного контекста. Переводчик подстраивает высказывание под культурные нормы и статусные ожидания, не искажая исходного намерения.

4. Рефлексия возможных последствий. Переводчик осознаёт, что его решение может повлиять на эмоциональный климат переговоров, деловую стратегию или юридические последствия, что соответствует высокому уровню метакогнитивных стратегий (Швецова, Перевалова, 2022: 197–198).

Когнитивно-ответственная интерпретация осуществляется в режиме реального времени, в условиях высокой когнитивной нагрузки. Она требует не только языковой компетенции, но и аналитического мышления, эмоционального интеллекта, межкультурной чувствительности и профессиональной ответственности. Ни один из этих компонентов не реализуется в алгоритмической логике AST.

В контексте деловой коммуникации ответственность переводчика приобретает юридический характер. Профессиональный переводчик выступает в качестве стороны договорных отношений: он заключает контракт, берёт на себя обязательства по обеспечению качества перевода и несёт ответственность за ненадлежащее исполнение этих обязательств. Искусственный интеллект, в отличие от человека, не наделён правосубъектностью. В случае ошибки при использовании AST ответственность переходит к лицу или организации, которые приняли решение применять данную систему без надлежащего контроля.

Способность к стратегической адаптации является ещё одним ключевым различием. Профессиональный переводчик может запросить уточнение, предупредить о культурных рисках, сгладить резкие формулировки, способствовать созданию атмосферы доверия. AST-система лишена подобной коммуникативной агентности.

Заключение

Современные автоматизированные системы перевода речи имеют принципиальные ограничения, связанные с вероятностной природой обработки языка. Наиболее уязвимыми зонами остаются

ся передача модальности, идиоматических выражений, сложных синтаксических конструкций и прагматических параметров высказывания.

В деловой среде указанные недостатки трансформируются в юридические, репутационные, коммуникативные риски, а также риски утечки конфиденциальной информации и деформации языковых норм.

Ключевое различие между профессиональным устным переводом и автоматическим переводом речи заключается в способности человека к когнитивно-ответственной интерпретации, операциональная структура которой включает осознание стратегической цели высказывания, интерпретацию эмоционального фона, коррекцию формулировок с учётом статуса и культурного контекста, а также рефлексию возможных последствий.

На основе выявленных ограничений и рисков представляется необходимым функциональное разграничение сфер применения автоматического и человеческого перевода. AST может эффективно использоваться в бытовых ситуациях, при черновой обработке информации, где приоритетом является скорость. Сферами безусловного сохранения человеческого участия являются стратегические переговоры, юридически значимая коммуникация, кризисная коммуникация, мероприятия высокого протокольного уровня.

Для минимизации рисков необходимо внедрение стандартов постредактирования, развитие у пользователей навыков машинной переводческой грамотности, а также формирование гибридных моделей, сочетающих автоматизированные инструменты с участием квалифицированного переводчика-редактора.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Борунов И.А. NMT-перевод — основные модели, оценка качества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2024. Т. 30. № 4. С. 220–227. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-220-227.

Буров А.А., Балаганов Д.В. Система когнитивных механизмов в переводе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2024. № 4. С. 45–58. DOI: 10.37482/2687-1505-V459.

Еныгин Д.В., Фоминых Н.Ю., Бубенчикова А.В. О ценностях в основе мультикультурной образовательной среды профессиональной подготовки будущего специалиста // Гуманитарно-педагогическое образование, 2018. Т. 4. № 2. С. 113–116.

Злобина Ю.И., Сорокина М.О., Титова М.В. Ошибки при машинном переводе художественного текста с китайского на русский язык (на основе веб-сервисов Яндекс Переводчик и Google Переводчик) // Мир науки, культуры, образования, 2025. № 4 (113). С. 433–437. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-433-437.

Иовенко В.А. Онтологические и философские основания каузального статуса этнопсихологической идиосинкразии в переводе // Филологические науки в МГИМО, 2024. Т. 10. № 2. С. 112–124. DOI: 10.24833/2410-2427-2024-2-30-112-124.

Кильмашикина Т.Н. Конфликтология. Социальные конфликты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 287 с.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. 132 с.

Корнилов В.С., Глушань В.М., Лозовой А.Ю. Оценка качества машинного перевода текста с использованием метода анализа нечётких дубликатов // Известия ЮФУ. Технические науки, 2017. № 7 (192). С. 102–111. DOI: 10.23683/2311-3103-2017-7-102-111.

Латышев Л.К., Северова Н.Ю. Технология перевода. М.: Юрайт, 2025. 263 с.

Литвинов В.Л., Полозов В.В. Исследование нейросетевых архитектур в задачах анализа естественного языка // Региональная информатика (РИ-2020): материалы конференции в 2 ч. Ч. 2. Санкт-Петербург: СПбОИВТС, 2020. С. 288–289.

Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.

Петрова О.В. Почему автоматический переводчик опасен для языка, мышления и устойчивости геополитического кода // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2019. Т. 25. № 1. С. 161–167.

Пригожина К.Б. Методика формирования межкультурной компетенции для иноязычной подготовки специалистов-участников международных коммерческих переговоров // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2014. № 12(698). С. 110–116.

Сороколетова Н.Ю. Лингвопрагматика интерактивности в жанре бизнес-презентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2024. Т. 23, № 3. С. 44–54. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.4.

Спыну Л.М. Роль переводчика в эпоху цифровизации: новые требования и компетенции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 4. С. 112–122.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Храмченко Д.С. Коммуникативные стратегии и тактики в английском деловом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 12 (30). Ч. 2. С. 207–211.

Швецова Ю.О., Перевалова А.В. Опыт экспериментального исследования метакогнитивных стратегий в устной переводческой деятель-

ности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, 2022. № 4 (60). С. 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207.

Alkathery E.R. (2023) Google Translate Errors in Legal Texts: Machine Translation Quality Assessment. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*. Vol. 7. No. 1, pp. 208–219. DOI: 10.24093/awejtls/vol7no1.16.

Hutchins W.J. (2005) The History of Machine Translation in a Nutshell. *Machine Translation*. Vol. 19. No. 2, pp. 111–130. DOI: 10.1007/s10590-006-9010-1.

Koehn P. (2020) *Neural Machine Translation*. Cambridge: Cambridge University Press, 432 p.

Nemickienė Ž. (2014) Some Peculiar Differences of Business Idiom Translation. *Studies About Languages*. No. 24, pp. 1–10. DOI: 10.5755/j01.sal.0.24.8002.

Sudoh K., Duh K., Tsukada H., Hirao T., Nagata M. (2011) Divide and Translate: Improving Long Distance Reordering in Statistical Machine Translation. *Proceedings of the 6th Workshop on Statistical Machine Translation*. Association for Computational Linguistics, pp. 418–427.

Tougas H., Chan S., Shahrvini T., Gonzalez A., Chun Reyes R., Burke Parish M., Yellowlees P. (2022) The Use of Automated Machine Translation to Translate Figurative Language in a Clinical Setting // *JMIR Mental Health*. Vol. 9. No. 9, e39556. DOI: 10.2196/39556.

References

Alkathery E.R. (2023) Google Translate Errors in Legal Texts: Machine Translation Quality Assessment. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*. Vol. 7, no. 1, pp. 208–219. DOI: 10.24093/awejtls/vol7no1.16.

Barkhudarov L.S. (1975) *Iazyk i perevod [Language and Translation]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 240 p. (In Russian).

Borunov I.A. (2024) NMT-perevod — osnovnye modeli, otsenka kachestva = NMT Translation: Basic Models, Quality Assessment. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*. Vol. 30. No. 4, pp. 220–227. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-220-227 (In Russian).

Burov A.A., Balaganov D.V. (2024) Sistema kognitivnykh mekhanizmov v perevode = System of Cognitive Mechanisms in Translation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No. 4, pp. 45–58. DOI: 10.37482/2687-1505-V459 (In Russian).

Enygin D.V., Fominykh N.Yu., Bubenichikova A.V. (2018) O tsennostyakh v osnove multikulturnoy obrazovatelnoy sredy professionalnoy podgotovki budushchego spetsialista = On Values Underlying the Multicultural Educational Environment of Professional Training of a Future Specialist. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. Vol. 4. No. 2, pp. 113–116 (In Russian).

Fedorov A.V. (1983) *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of General Translation Theory (Linguistic Problems)*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ. 303 p. (In Russian).

Hutchins W.J. (2005) The History of Machine Translation in a Nutshell. Machine Translation. Vol. 19. No. 2, pp. 111–130. DOI: 10.1007/s10590-006-9010-1.

Iovenko V.A. (2024) Ontologicheskie i filosofskie osnovaniia kauzalnogo statusa etnopsikologicheskoi idiosinkrazii v perevode = Ontological and Philosophical Foundations of the Causal Status of Ethnopsychological Idiosyncrasy in Translation. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. Vol. 10. No. 2, pp. 112–124. DOI: 10.24833/2410-2427-2024-2-30-112-124 (In Russian).

Khrumchenko D.S. (2013) Kommunikativnye strategii i taktiki v angliiskom delovom diskurse = Communicative Strategies and Tactics in English Business Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (30), part 2, pp. 207–211 (In Russian)

Kil'mashkina T.N. (2017) Konfliktologiya. Sotsialnye konflikty = Conflictology. Social Conflicts. Moscow: UNITI-DANA Publ. 287 p. (In Russian).

Koehn P. (2020) Neural Machine Translation. Cambridge: Cambridge University Press, 432 p.

Komissarov V.N. (2000) Obshchaia teoriia perevoda = General Theory of Translation. Moscow: CheRo Publ., Iurait Publ. 132 p. (In Russian).

Kornilov V.S., Glushan' V.M., Lozovoi A.Yu. (2017) Otsenka kachestva mashinnogo perevoda teksta s ispolzovaniem metoda analiza nechetkikh dubliatov = Quality Assessment of Machine Translation Text Using Fuzzy Duplicate Analysis. *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki*. No. 7(192), pp. 102–111. DOI: 10.23683/2311-3103-2017-7-102-111. (In Russian).

Latyshev L.K., Severova N.Yu. (2025) Tekhnologiya perevoda = Translation Technology. Moscow: Yurayt Publ. 263 p. (In Russian).

Litvinov V.L., Polozov V.V. (2020) Issledovanie neirosetevykh arkhitektur v zadachakh analiza estestvennogo iazyka = Study of Neural Network Architectures in Natural Language Processing Tasks]. Regionalnaia informatika (RI-2020). In 2 parts. Part 2. St. Petersburg: SPbOIVTS Publ., pp. 288–289 (In Russian).

Min'yar-Beloruchev R.K. (1980) Obshchaia teoriia perevoda i ustnyi perevod = General Theory of Translation and Interpreting. Moscow: Voenizdat Publ. 237 p. (In Russian).

Nemickienė Ž. (2014) Some Peculiar Differences of Business Idiom Translation. Studies About Languages. No. 24, pp. 1–10. DOI: 10.5755/j01.sal.0.24.8002.

Petrova O.V. (2019) Pochemu avtomaticheskii perevodchik opasen dlia iazyka, myshleniia i ustoichivosti geopoliticheskogo koda = Why Automatic Translation Is Harmful for Language, Thinking and Stability of Geopolitical Code. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*. Vol. 25. No. 1, pp. 161–167 (In Russian)

Prigozhina K.B. (2014) Metodika formirovaniia mezhkulturnoi kompetentsii dlia inoiazychnoi podgotovki spetsialistov-uchastnikov mezhdunarodnykh kommercheskikh peregovorov [Methodology for Developing Intercultural Competence in Foreign Language Training of Specialists Participating in

International Business Negotiations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 12 (698), pp. 110–116 (In Russian).

Shvetsova Yu.O., Perevalova A.V. (2022) Opyt eksperimentalnogo issledovaniia metakognitivnykh strategii v ustnoi perevodcheskoi deiatelnosti = An Experimental Study of Metacognitive Strategies in Interpreting. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N.A. Dobroliubova*. No. 4(60), pp. 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207 (In Russian)

Sorokoletova N.Yu. (2024) Lingvopragmatika interaktivnosti v zhanre biznes-prezentatsii = Linguopragmatics of Interactivity in the Business Presentation Genre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 23. No. 3, pp. 44–54. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.4 (In Russian).

Spynu L.M. (2025) Rol perevodchika v epokhu tsifrovizatsii: novye trebovaniia i kompetentsii = The Role of the Translator in the Digital Age: New Requirements and Competencies. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 18. No. 4, pp. 112–122 (In Russian).

Sudoh K., Duh K., Tsukada H., Hirao T., Nagata M. (2011) Divide and Translate: Improving Long Distance Reordering in Statistical Machine Translation. *Proceedings of the 6th Workshop on Statistical Machine Translation. Association for Computational Linguistics*, pp. 418–427.

Tougas H., Chan S., Shahrvini T., Gonzalez A., Chun Reyes R., Burke Parish M., Yellowlees P. (2022) The Use of Automated Machine Translation to Translate Figurative Language in a Clinical Setting. *JMIR Mental Health*. Vol. 9. No. 9, e39556. DOI: 10.2196/39556.

Zlobina Yu.I., Sorokina M.O., Titova M.V. (2025) Oshibki pri mashinnom perevode khudozhestvennogo teksta s kitaiskogo na russkii iazyk (na osnove veb-servisov Yandeks Perevodchik i Google Perevodchik) = Errors in Machine Translation of Literary Text from Chinese into Russian (Based on Yandex.Translate and Google Translate Web Services). *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*. No. 4 (113), pp. 433–437. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-433-437 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бубенчикова Анастасия Вадимовна — старший преподаватель Высшей школы социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36, Россия; bubenchikova.av@rea.ru, ORCID: 0009-0008-0571-536X; SPIN-код: 3375-3352.

Фролова Алена Игоревна — студент программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36, Россия; mishka030110@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8914-5028; SPIN-код: 4889-05.

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Bubenchikova — Senior Lecturer, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bubenchikova.av@rea.ru, ORCID: 0009-0008-0571-536X; SPIN-code: 3375-3352.

Alyona I. Frolova — Student, Professional Retraining Program “Translator in the Field of Professional Communication”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; mishka030110@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8914-5028; SPIN-code: 4889-05.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'22

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-23-38

ТРУДНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ К.Г. ПАУСТОВСКОГО И В.В. ВЕРЕСАЕВА)

**Салими Абдолмалеки Косар
Сиями Эйдлак Халида**

Боджнордский университет, Г. Боджнорд, Иран

Для контактов: k.salimi@ub.ac.ir

Аннотация. Цель. Работа направлена на комплексное изучение лингвокультурологических и типологических трудностей, возникающих при переводе русскоязычной прозы на персидский язык. Исследование сфокусировано на анализе стратегий преодоления межъязыковой асимметрии в процессе перевода рассказов К.Г. Паустовского «Снег» и В.В. Вересаева «Состязание», характеризующихся контрастными идиостилиями.

Методы. В основу исследования лег сопоставительно-типологический метод, позволивший выявить расхождения между флексивным строем русского языка и аналитизмом персидского синтаксиса. Также применялись методы трансформационного анализа по Л.С. Бархударову и лингвокультурологической интерпретации. Эмпирическая часть базируется на результатах педагогического эксперимента, проведённого среди иранских студентов-русистов (28 человек), что позволило классифицировать типичные интерферентные ошибки.

Результаты. Установлено, что выбор переводческих трансформаций детерминирован системными различиями языков. В работе детально описаны механизмы грамматической реструктуризации (номинализация, синтаксическая компрессия) и лексической модуляции. Выявлено, что при переводе метафорической прозы Паустовского преобладают стилистические замены, тогда как психологизм Вересаева требует прагматической

адаптации и экспликации культурных кодов. Особое внимание уделено оформлению прямой речи и адаптации фразеологических единиц («лавровый венок» → «تاج افتخار»), где переводчик выступает в роли культурного медиатора.

Выводы. Доказано, что достижение эквивалентности при переводе с русского на персидский язык невозможно без учёта типологической асимметрии и сохранения эстетического потенциала идиостиля автора. Результаты исследования систематизируют стратегии компенсации лингвокультурологических лакун и могут быть использованы при разработке учебных курсов по теории перевода и сопоставительной лингвистике для иранской аудитории.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвокультурология, сопоставительная типология, идиостиль, переводческая трансформация, К.Г. Паустовский, В.В. Вересаев, персидский язык

Для цитирования: Косар С.А., Халида С.Э. Трудности художественного перевода с русского языка на персидский лингвокультурологический и типологический аспекты (на материале рассказов К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 23–38. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-23-38

Статья поступила в редакцию 21.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

LINGUACULTURAL AND TYPOLOGICAL ASPECTS OF THE CHALLENGES OF LITERARY TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO PERSIAN BASED ON THE SHORT STORIES BY K.G. PAUSTOVSKY AND V.V. VERESAEV

Salimi Abdolmaleki Kosar
Siyami Eidlak Khalida

University of Bojnord, Bojnord, Iran

For contacts: k.salimi@ub.ac.ir

Abstract. Object. The study addresses the complex linguacultural and typological challenges inherent in the artistic translation of Russian prose into Persian. It focuses on the translation of two stylistically distinct works: K.G. Paustovsky's "Snow" and V.V. Veresaev's "The Contest". The primary objective is to systematize the strategies used to overcome interlinguistic asymmetry when translating from

© Kosar S.A., Khalida S.E., 2026

a synthetic (Russian) to an analytical (Persian) language, while preserving the author's unique "idiostyle" and aesthetic impact.

Methods. The methodological framework integrates a comparative-typological approach with transformational analysis based on the theories of L.S. Barkhudarov and V.N. Komissarov. To identify practical translation difficulties, a linguistic experiment was conducted at Bojnourd University involving 28 senior Persian-speaking students. The qualitative and quantitative analysis of their translations served as the empirical basis for identifying interference errors and verifying the effectiveness of various translational transformations.

Findings. The analysis reveals that structural differences between the languages — such as word order (SOV in Persian vs. free order in Russian) and the absence of a case system in Persian — necessitate extensive grammatical restructuring. Key findings indicate that translating Paustovsky's lyrical prose requires sophisticated stylistic substitutions and syntactic compression to maintain "lyrical atmosphere." In contrast, Veresaev's realistic style demands pragmatic adaptation and lexical modulation to ensure ethical and psychological clarity for the Persian reader. The study provides a detailed account of specific adaptations, including the "explicitization" of historical contexts (e.g., the autumn of 1941) and the functional substitution of cultural symbols (e.g., replacing the "laurel wreath" with the Persian concept of "crown of glory"). It is shown that direct literal translation often leads to semantic lacunae, which must be filled through descriptive translation or modulation.

Conclusions. The research concludes that successful literary translation from Russian to Persian is a cognitive-hermeneutic process rather than a mere substitution of lexical units. Effective translation strategies are determined by both linguistic typology and the specific cultural codes of the target audience. The findings offer a significant contribution to the field of comparative linguistics and provide a scientific foundation for improving translation pedagogy in Iranian universities.

Keywords: literary translation, linguacultural studies, comparative typology, idiostyle, translational transformation, K.G. Paustovsky, V.V. Veresaev, Persian language

For citation: Kosar S.A., Khalida S.E. (2026) Linguacultural and typological aspects of the challenges of literary translation from Russian into Persian based on the short stories by K.G. Paustovsky and V.V. Veresaev. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 2. P. 23–38. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-23-38

The article was received on October 10, 2025;
approved after reviewing on May 05, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

В современной лингвистической парадигме художественный текст рассматривается не просто как последовательность языковых единиц, а как сложное единство, включающее в себя национальный культурный код и индивидуально-авторское видение мира. Язык и литература, функционируя в неразрывном единстве, выступают механизмом трансляции ментальных установок этноса. В этой связи перевод художественной прозы с русского языка на персидский приобретает особую актуальность, представляя собой процесс «межязыковой и межкультурной ретрансляции» (Комиссаров, 1990), где целью является не только достижение семантической близости, но и сохранение эстетического воздействия на реципиента.

Специфика данной статьи заключается в анализе лингвокультурологических и типологических трудностей, возникающих при соприкосновении двух фундаментально различных языковых систем: флективного русского и аналитического персидского. Особое внимание уделяется передаче идиостилей К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева, чьи художественные миры представляют собой полярные стилистические системы, что требует от переводчика применения различных переводческих стратегий.

Литературный обзор

Теоретико-методологическую базу исследования формируют фундаментальные положения современного переводоведения. В частности, ключевое значение имеет тезис А. Лиловой о том, что дихотомия художественного и научного текстов проявляется не только в их формально-структурной организации, но и в глубоком содержательном своеобразии, которое и определяет вариативность стратегий трансляции эстетических смыслов (Лилова, 1985). Специфика художественного перевода в данной языковой паре детерминирована существенной асимметрией между русской и персидской языковыми картинами мира.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные принципы отечественного переводоведения, заложенные в трудах А.В. Федорова, по мнению которого, «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» (Федоров, 2002), и Л.С. Бархударова, разработавшего системную классификацию переводческих трансформаций (Бархударов, 1975). Методологическое своеобразие данного исследования обусловлено необходимостью синтеза сопоставительной типоло-

гии и лингвокультурологии. Типологический фундамент работы опирается на труды В.Д. Аракина, чья концепция сравнительного анализа разноструктурных языков позволяет научно обосновать системные расхождения между флексивным строем русского языка и аналитизмом персидского (Аракин, 1989). Лингвокультурологический аспект исследования базируется на теоретических установках В.В. Воробьева, определившего «лингвокультурему» как сложную межуровневую единицу описания языка и культуры в их взаимодействии (Воробьев, 1997), а также на подходе В.А. Масловой, рассматривающей художественный текст как «конденсат» национальной культуры, требующий при переводе глубокой дешифровки культурных кодов (Маслова, 2001). В совокупности с теорией уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 1990), данные подходы обеспечивают комплексный инструментарий для оценки адекватности перевода идиостилей К. Паустовского и В. Вересаева.

Проблематика перевода в языковой паре «русский язык — персидский язык» в последние годы активно изучается как российскими, так и иранскими лингвистами. Вопросы лексико-грамматической адаптации и передачи безэквивалентной лексики освещались в работах М. Искандари (Искандари, Абдоллахи, 2019), Д.А. Моллаахмади (Моллаахмади, 2014), М.А. Амири (Амири, 2019), Э.Х. Сиями и А. К. Салими (Сиями, Салими, 2023), В.А. Шарипова (Шарипов, 2025). Однако, несмотря на значительный вклад указанных авторов, вопрос сопоставительного анализа переводов авторов с контрастными художественными методами — романтическим, метафоричным письмом К.Г. Паустовского и психологическим реализмом В.В. Вересаева — до сих пор не получил комплексного освещения.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена развитием российско-иранского культурного диалога и необходимостью научного осмысления стратегий художественного перевода в условиях значительной типологической дистанции между флексивным русским и аналитическим персидским языками. Потребность в сохранении идиостиля автора и эстетической информации оригинала требует глубокого анализа механизмов преодоления межязыковой асимметрии. Обращение к контрастной прозе К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева позволяет выявить эффективные трансформационные модели, что имеет решающее значение для повышения качества

художественного перевода и совершенствования профессиональной компетенции переводчиков-русистов в Иране.

Научная новизна исследования определяется попыткой систематизировать переводческие решения при столкновении с «лирическим подтекстом» Паустовского и «этической лапидарностью» Вересаева. Автор статьи отходит от простого описания замен, предлагая глубокий анализ того, как типологические различия языков (например, категория вида глагола или отсутствие падежной системы в персидском) детерминируют выбор конкретных лингвокультурологических стратегий в переводе.

Материалы и методы исследования

Методологический аппарат исследования носит комплексный характер и базируется на сочетании общенаучных и специальных лингвистических методов. В качестве ведущего метода используется **сопоставительно-типологический анализ**, позволяющий выявить структурно-семантические расхождения между русским и персидским языками. Также применялся **метод лингвокультурологического анализа** (по В.В. Воробьеву) для дешифровки национально-маркированных единиц в текстах К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева. Для классификации переводческих решений использовался **трансформационный анализ**, опирающийся на концепцию Л.С. Бархударова.

Эмпирическую базу исследования составили репрезентативные выборки из рассказов К.Г. Паустовского «Снег» и В.В. Вересаева «Состязание». Выбор данных авторов продиктован контрастностью их идиостилей: метафорическая экспрессивность Паустовского противопоставляется лапидарному психологизму Вересаева, что создает широкий спектр переводческих трудностей. Особую значимость исследованию придает тот факт, что в творчестве Паустовского «персидский вектор» занимает важное место, формируя специфическую пространственную картину мира (Сивова, 2019), что делает задачу адекватного перевода его прозы на персидский язык лингвистически приоритетной.

Практическая часть исследования была реализована в формате лингвопереводческого эксперимента на базе кафедры русского языка Боджнордского университета. В эксперименте приняли участие 28 студентов 4-го курса бакалавриата (направление «Перевод художественной литературы»). В ходе эксперимента был применён **метод качественного и количественного анализа** студенческих

переводов. Это позволило не только зафиксировать типичные интерферентные ошибки, возникающие под влиянием родного (персидского) языка, но и верифицировать эффективность различных видов переводческих трансформаций (лексических, грамматических и стилистических) при работе с высокохудожественным текстом.

Результаты и дискуссия

В ходе проведённого анализа было установлено, что перевод произведений К. Паустовского и В. Вересаева на персидский язык требует системного применения переводческих трансформаций, классифицированных в российском лингвопереводоведении Л.С. Бархударовым и В.Н. Комиссаровым. Основная трудность обусловлена радикальным типологическим расхождением: русский язык как язык флективно-синтетического строя вступает в противоречие с персидским — языком аналитическим.

1. Грамматические трансформации: от синтетизма к аналитизму

Как показывает эмпирический материал, наиболее частотной трансформацией является **морфологическая замена**, вызванная отсутствием в персидском языке категорий причастия и деепричастия в их русском функциональном объеме.

Номинализация предикатов. В рассказе К. Паустовского «Снег» при переводе фразы *«Город даже начал ей нравиться, особенно когда пришла зима и выпал снег»*, студенты обоснованно прибегают к замене глагольных форм отглагольными именами. Согласно теории **В.Н. Комиссарова**, это переход на уровень эквивалентности «сохранения цели коммуникации» при изменении синтаксической структуры. В персидской языковой картине мира описание природных явлений через именные конструкции («с началом зимы») *با شروع زمستان* является стилистически более маркированным и естественным.

Синтаксическая компрессия и реструктуризация. На материале рассказа «Снег» выявлено, что при переводе предложения *«Татьяна Петровна знала, что у Потапова есть сын, который сейчас где-то на фронте, он моряк»* сложная синтаксическая конструкция была подвергнута компрессии. Перенос атрибутивной характеристики «моряк» в состав субстантивной группы «сын-моряк» *پسر ملوانی* демонстрирует стремление к экономии языковых

средств, характерное для персидского синтаксиса. Здесь проявляется фундаментальное типологическое различие: если русский язык допускает многочленную предикацию и цепочки придаточных предложений, то персидский язык тяготеет к компактным изафетным конструкциям, позволяющим интегрировать качественную характеристику непосредственно в именную группу.

Трансформация деепричастных и глагольных конструкций: В предложении из рассказа «Снег» — «*Когда я закрываю глаза, я вижу наши сад...*» — мы наблюдаем **синтаксическую замену** придаточного временного предложения предложно-именной конструкцией с отглагольным существительным «при закрытии глаз» *با بستن چشمان*. Согласно классификации Л.С. Бархударова, это пример морфологической замены, продиктованной аналитическим строем персидского языка, где использование инфинитивных оборотов является более естественным для передачи сопутствующего действия. Кроме того, замена атрибуции «белый от снега» на образное «в одежде, покрытой снегом» *با لباسی پوشیده از برف* представляет собой стилистическую компенсацию, направленную на сохранение метафоричности идиостиля Паустовского в условиях иной языковой эстетики.

Категориальная замена (предикат → субъект состояния): При переводе фразы из рассказа «Состязание» — «*Старый художник перестал волноваться*» — глагольное сказуемое заменяется именной конструкцией с существительным «волнение» «не чувствовал волнения» *احساس نگرانی نکرد*. Такая морфологическая трансформация обусловлена широким распространением в персидском языке сложных глаголов (сочетание имени и вспомогательного глагола). С точки зрения В.Н. Комиссарова, это позволяет достичь эквивалентности на уровне описания ситуации, смещая акцент с процесса действия на психологическое состояние субъекта, что критически важно для передачи реализма В. Вересаева.

Замена кратких форм прилагательных: В реплике «*Твоя невеста очень мила*» (рассказ «Состязание») переводчик сталкивается с морфологической лакунарностью: в персидском языке отсутствует грамматическая категория кратких прилагательных. Для компенсации этого расхождения используется замена краткой формы полной формой или оценочным синонимом «привлекательная» *جذاب*. Здесь проявляется типологическая асимметрия: специфическая для русского языка функция краткой формы как предиката в персидском языке реализуется лексическими средствами, что требует от

переводчика подбора контекстуального эквивалента, сохраняющего модальность оригинала.

Эмфатические конструкции и экспрессивный синтаксис: В эмоциональном восклицании «Да, та самая! Не может быть красоты выше красоты моей Зорьки!» исходная сравнительная конструкция в персидском переводе трансформируется в превосходную степень прилагательного «самая красивая» زیباترین. Использование лексического повтора («Да! Да!») آری آری служит инструментом прагматической адаптации по методике Л.С. Бархударова. Такая реструктуризация оправдана нормами персидской риторики, где для усиления утвердительной модальности и передачи высшей степени эстетического восхищения эффективнее использовать суперлатив (превосходную степень), нежели отрицательное сравнение.

2. Лексико-семантические трансформации и модуляция

Данный вид трансформаций в исследуемых текстах обусловлен несовпадением объёмов семантических полей лексических единиц и различиями в правилах лексической сочетаемости (валентности) в русском и персидском языках. Согласно классификации Л.С. Бархударова, переводчик прибегает к смысловому развитию и логической дедукции для достижения прагматической эквивалентности (Бархударов, 1975).

Контекстуальная синонимия и узуальная замена (К. Паустовский, «Снег»): Замена глагола «остаться» глаголом со значением «жить» زندگی می کردند в предложении «Теперь в доме остались только она...» продиктована требованиями лексико-семантической валентности в персидском языке. В то время как русский глагол акцентирует внимание на факте физического присутствия, персидский узус для описания длительного пребывания в жилом пространстве требует использования глаголов со значением жизнедеятельности. Данная трансформация подтверждает тезис В.В. Воробьева о необходимости учёта лингвокультурологического контекста при поиске соответствий в разноструктурных языках.

Смысловое развитие и метонимические переносы:

- **Синекдоха.** Использование конструкции «в доме тепло» است خانه گرم в рассказе «Снег» вместо оригинала «в комнатах тепло» представляет собой перенос значения с части на целое. Данный приём усиливает целостность художественного образа домашнего пространства, характерную для идиостиля К. Паустовского.

- **Модуляция прагматического потенциала.** Фразеологизированная конструкция «Если бы ты знал, как...» модулирована с помощью слова категории состояния «жаль» حیف. Такая семантическая модуляция, по классификации В.Н. Комиссарова, необходима для адекватной передачи эмоциональной доминанты текста. Прямой перевод данной конструкции не позволил бы в полной мере эксплицировать чувство ностальгии и сожаления, заложенное автором.

Адаптация метафорических образов (К. Паустовский, «Снег»): Трансформация метафоры «жил в лёгком сне» в сравнительную конструкцию «был как лёгкий сон» مانند یک رویا بود демонстрирует стратегию стилистической компенсации. Для сохранения эстетического воздействия по А.В. Федорову (Федоров, 2002) переводчик отходит от абстрактного глагольного образа в пользу более конкретного сравнения, что делает художественный образ доступным для восприятия носителем персидской лингвокультуры.

Логическое развитие и прагматическая адаптация (В. Вересаев, «Состязание»):

- **Концептуальная модуляция:** Замена фразы «не заметил ничего особенного» в предложении «Старый художник с удивлением смотрел на девушку и не заметил в ней ничего особенного» выражением «не увидел никакой красоты» زیبایی خاصی ندید является примером логического развития смысла. В художественной системе В. Вересаева категория «особенного» имплицитно тождественна категории «прекрасного». Подобная лексическая замена предотвращает возникновение семантической лакуны и обеспечивает когнитивную связность текста перевода.
- **Конкретизация значения:** Замена существительного «борьба» в предложении «Я знаю, что борьба будет трудной. Ведь бороться придётся с тобой, учитель» в рассказе «Состязание» словом «соперник» حریف во второй части предложения направлена на уточнение агенса действия и избежание стилистической тавтологии. Данная лексическая трансформация способствует гармонизации текста согласно нормам персидской риторики.

Статистические показатели. Количественный анализ подтверждает высокую частотность лексико-семантических трансформаций: в рассказе «Снег» выявлено семь случаев, в то время как в рассказе «Состязание» — их двенадцать. Преобладание дан-

ных трансформаций в тексте В. Вересаева объясняется спецификой его психологического реализма, требующего более прецизионной лексической настройки при передаче этико-эстетических концептов.

3. Прагматическая адаптация и лингвокультурологический аспект

Особое внимание заслуживает преодоление лингвоэтнического барьера через стратегии экспликации (добавления).

- **Культурологическая экспликация.** В рассказе «Снег» введение уточнения «в разгар Великой Отечественной войны» در بحبوحه جنگ جهانی دوم при упоминании «осени 1941 года» является классическим примером компенсации фоновых знаний. Для иранского реципиента дата «1941» не обладает той же ассоциативной нагрузкой, что для носителя русского языка. Это действие переводчика соответствует концепции лингвокультуры В.В. Воробьева, где перевод выступает как мост между двумя историческими памятьями.
- **Адаптация фразеологизмов.** Замена «лаврового венка» на تاج افتخار (корону славы) в рассказе Вересаева демонстрирует отказ от буквализма в пользу сохранения культурного концепта «триумфа», который в персидской традиции передается через образ короны/венца, а не конкретного растения.

4. Синтаксическая интеграция и оформление прямой речи

Типологический анализ эмпирического материала показал, что при переводе прозы К. Паустовского иранские переводчики интуитивно стремятся к синтаксической интеграции парцеллированных конструкций. Русская «рубленая» проза, характеризующаяся намеренным дроблением высказывания для усиления экспрессии, при прямом (буквальном) переносе в персидский текст воспринимается как стилистическая ошибка. Таким образом, объединение нескольких коротких предложений в одно сложное представляет собой стилистическую компенсацию, направленную на сохранение мелодичности и плавности (просодики) персидской речи.

Пример синтаксической интеграции: В рассказе «Снег» мы наблюдаем три самостоятельных предложения: *«Может быть, через месяц я выпишусь из госпиталя и приеду дня на два домой. Но точно ничего не знаю. Лучшие не жди...»*. В персидском переводе данные единицы объединяются в единую сложносочиненную

структуру с использованием пунктуационных и союзных средств: «*Может быть, через месяц я выпишусь из госпиталя и приеду дня на два домой, но точно ничего не знаю, лучше не жди...*»

شاید یک ماه دیگر از بیمارستان مرخص شوم و یکی دو روزی به خانه آمدم،
اما دقیق نمی‌دانم، بهتر است منتظر نمانی.

Такая трансформация обеспечивает логическую связность и мелодичность, свойственную персидской повествовательной традиции, и предотвращает когнитивный диссонанс у носителя языка перевода (ПЯ).

Оформление прямой речи: нормативная адаптация. Важнейшим типологическим различием является порядок расположения слов автора по отношению к прямой речи. Если в русском языке позиция авторских слов вариативна (препозиция, интерпозиция, постпозиция), то в персидском языке оформление диалога подчинено строгому грамматическому императиву — слова автора (вводящая конструкция) должны находиться исключительно в препозиции.

Пример трансформации порядка слов. В исходном тексте рассказа «Снег» используется интерпозиция слов автора: «*Зачем ты трогаешь чужие вещи? — сказала матери Варя. — Мне не разрешаешь, а сама трогаешь?*». При переводе на персидский язык обязательным условием является перенос авторской ремарки в начало высказывания: «*Варя сказала матери: «Зачем ты трогаешь чужие вещи? Мне не разрешаешь, а сама трогаешь?»*»

واریا به مادرش گفت: برای چه به وسایل دیگران دست می‌زنی؟ به من اجازه نمی‌دهی اما خودت دست می‌زنی؟

Игнорирование данного типологического правила и механическое сохранение русской пунктуационной структуры ведут к грубому нарушению грамматических и стилистических норм персидского языка. Это подтверждает тезис Л.С. Бархударова о доминирующей роли структуры принимающего языка при достижении адекватности перевода (Бархударов, 1975). Сходная тенденция наблюдается и в рассказе В. Вересаева «Состязание», где дистанция между автором и речью персонажа нивелируется посредством обязательной препозиции вводного глагола.

Заключение

Проведённое комплексное исследование процесса перевода рассказов К.Г. Паустовского и В.В. Вересаева на персидский язык

позволяет подвести итоги, выходящие за рамки простого сопоставительного описания, и сформулировать следующие концептуальные выводы:

- **Детерминированность переводческих стратегий типологической асимметрией.** Подтверждено, что фундаментальное различие между синтетическим строем русского языка и аналитическим строем персидского является первичным фактором, обуславливающим выбор трансформаций. Переход от русских флективных конструкций к персидским изафетным цепям и фиксированному порядку слов (SOV) не является факультативным решением переводчика, а представляет собой объективную необходимость для сохранения грамматической правильности и естественности текста на языке перевода (ПЯ).
- **Идиостиль как доминанта перевода.** Выявлено, что выбор переводческих приёмов напрямую зависит от художественного метода автора.

При переводе К.Г. Паустовского преобладают стилистические и синтаксические трансформации (объединение предложений, номинализация), направленные на воссоздание «лирической атмосферы» и компенсацию утраченных при переводе русских частных оборотов.

В случае с В.В. Вересаевым доминируют лексико-семантические модуляции и конкретизация, что продиктовано необходимостью передать этическую и психологическую точность его прозы в рамках иной культурно-языковой парадигмы.

- **Лингвокультурологическая герменевтика.** Установлено, что успешный межкультурный трансфер требует не просто замены знаков, а экспликации фоновых знаний. Применение стратегии дополнения (например, уточнение исторического контекста осени 1941 года) и функциональной аналогии (замена культурных символов, таких как «лавровый венок») подтверждает тезис о том, что переводчик выступает в роли «культурного интерпретатора», устраняющего лакуны в восприятии иранского реципиента.
- **Теоретическая и практическая значимость.** В научный оборот введён сравнительный анализ переводов авторов с полярными идиостильями, что углубляет понимание частной теории перевода в паре «русский язык — персидский язык». Выявленные в ходе эксперимента типичные интерферентные ошибки студентов-иранцев (нарушение порядка

слов в прямой речи, буквализм в переводе метафор) позволяют разработать научно обоснованные методические рекомендации для высшей школы, базирующиеся на концепции уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении динамики «переводческих потерь» при передаче более сложных лингвофилософских концептов в русской классической прозе, а также в разработке сопоставительной типологии идиостилей для оптимизации подготовки профессиональных переводчиков-русистов в Иране.

Список литературы

Амири М.А. Проблемы персидско-русского юридического перевода на примере брачного договора // Филологические науки в МГИМО. № 17, 2019. С. 49–54.

Аракин В.Д. Сравнительная типология русского и английского языков. М.: Высшая школа, 1989. 157 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы: монография. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Искандари М., Абдоллахи, М. Поэтический перевод: проблемы, способы и случаи невозможности с персидского языка на русский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики Серия: Гуманитарные науки. № 6, 2019. С. 124–128.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М.: Высшая школа, 1985. 256 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

Моллаахмади Д.А. Теории и практики перевода персоязычной прозы на русский язык // Studia Linguistica. № 8, 2014. С. 520–523.

Сивова Т.В. Персия в художественной картине мира К.Г. Паустовского. Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, № 7 (1), 2019. С. 155–172. <https://doi.org/10.29252/iarll.13.155>

Сиями Э.Х., Салими А.К. Принципы и методы перевода. Боджнорд: Боджнордский университет, 2023. 82 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. Пособие. СПб.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.

Шарипов В.А. К вопросу об актуальных проблемах теории художественного перевода // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. № 2, 2025. С. 148–164.

Reference

Amiri M.A. (2019) Problemy persidsko-russkogo yuridicheskogo perevoda na primere brachnogo dogovora = Problems of Persian-Russian legal translation: the example of a marriage contract. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*. No. 17, pp. 49–54 (In Russian).

Arakin V.D. (1989) Sravnitel'naya tipologiya russkogo i angliyskogo yazykov = Comparative typology of Russian and English languages. Moscow: Vysshaya shkola, 157 p. (In Russian).

Barkhudarov L.S. (1975) YAzyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda = Language and Translation: Issues of General and Specific Theory of Translation. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 240 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (2002) Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy): Ucheb. Posobiye = Fundamentals of the General Theory of Translation (linguistic problems): Textbook. Manual. St. Petersburg: FILOLOGIYA TRI, 416 p. (In Russian).

Iskandari M., Abdollahi M. (2019) Poeticheskiy perevod: problemy, sposoby i sluchai nevozmozhnosti s persidskogo yazyka na russkiy = Poetic Translation: Problems, Methods, and Impossibilities from Persian into Russian. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki Seriya: Gumanitarnyye nauki*. No. 6, pp. 124–128. (In Russian).

Komissarov V.N. (1990) Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. = Translation Theory (linguistic aspects): Textbook for institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaya shkola, 253 p. (In Russian).

Lilova A. (1985) Vvedeniye v obshchuyu teoriyu perevoda = Introduction to the general theory of translation). Moscow: Vishaya shkola. 256 p. (In Russian).

Maslova V.A. (2001) Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy = Linguocultural Studies: Textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Akademiya, 208 p. (In Russian).

Mollaakhmadi D.A. (2014) Teorii i praktiki perevoda persoiizychnoy prozy na russkiy yazyk = Theories and practices of translating Persian-language prose into Russian. *Studia Linguistica*, No. 8, pp. 520–523. (In Russian).

Sivova T.V. (2019) Persia in the K. Pautovsky's Artistic Picture of the World. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*. No. 7 (1), pp. 155–172. <https://doi.org/10.29252/iarll.13.155>

Siyami I.Kh., Salimi A.K. (2023) Printsipy i metody perevoda = Principles and methods of translation). Bojnord: Bodzhnordskiy universitet, 82 p. (In Russian & Persian).

Sharipov V.A. (2025) Voprosu ob aktual'nykh problemakh teorii khudozhestvennogo perevoda = On the issue of current problems of the theory of literary translation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 148–164 (In Russian).

Vorobyev V.V. (1997) Lingvokul'turologiya: teoriya i metody: monografiya = Lingvoculturology: theory and methods: monograph. Moscow: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 331 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Салими Абдолмалеки Косар — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка, Боджнордский университет, 9453155111, Иран, Хорасан Шомали, г. Боджнорд; k.salimi@ub.ac.ir, ORCID — <https://orcid.org/0000-0001-4446-0524>

Сиями Эйдлак Халида — кандидат филологических наук, ассистент профессора, доцент, преподаватель кафедры русского языка, Боджнордский университет, 9453155111, Иран, Хорасан Шомали, г. Боджнорд; kh.siyami@ub.ac.ir, ORCID — <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

ABOUT THE AUTHORS:

Salimi Abdolmaleki Kosar — Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor of Russian, University of Bojnord, Iran, Khorasan Shomali, Bojnord; 9453155111; k.salimi@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-4446-0524>

Siyami Eidlak Khalida — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of Russian, University of Bojnord, Iran, Khorasan Shomali, Bojnord; 9453155111; kh.siyami@ub.ac.ir, ORCID — <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25 : 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-39-54

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ:
К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНА ЯЗЫКОВОЙ
ИГРЫ СРЕДСТВАМИ АДАПТИВНОГО
ПЕРЕВОДА И ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТАХ
(НА МАТЕРИАЛАХ ТАБЛОИДОВ
“THE OBSERVER” И “THE SUN”)**

**Оксана Геннадьевна Цыганская
Сабина Витальевна Пахаренко
Марина Алексеевна Павлюковец**

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Для контактов: gypsyroks@yandex.ru, spakharenko@ncfu.ru,
Marina190983@mail.ru

Аннотация. В данной статье приводится анализ переводческих стратегий и средств адаптивного перевода, направленных на реконструкцию текста британских периодических изданий. В качестве основных инструментов избраны платформы “DeepL” и “Reverso Context”, позволяющие внедрить средства полуавтоматического перевода при работе над художественно-публицистическим текстом. Цель исследования — анализ принципов определения наиболее эффективной переводческой стратегии к анализу языковой игры в тексте англоязычной британской газеты-таблоида с помощью интеграции средств онлайн-платформ и методов классического адаптивного перевода. Центральным объектом исследования, который наиболее ярко демонстрирует все аспекты перевода, является переводческая информация, ретранслируемая средствами британских газет “The Observer” и “The Sun”). В ходе исследования авторы обращаются к заголовкам и текстам статей 2019–2025 гг., преимущественно главной издательской колонки. Методология исследования построена

на принципах адаптивного и комплексного перевода, ориентированных на трансформацию текста с учётом спецификации, социальных реалий и языковых форм, а также стиля речи журналиста газеты. При выборе переводческой стратегии авторы отдают предпочтение функционализму. Результатом исследования стало определение практик перевода в художественно-публицистическом стиле речи с опорой на названные платформы, а также уточнение принципов работы в области лингвокреативного моделирования, глоссирования, поиска, анализа и интерпретации языковой игры, полуавтоматического перевода и редактирования для создания терминологических баз данных или корректировки автоматического перевода с помощью искусственного интеллекта. Авторами сделан вывод о необходимости дополнительной методической работы: в области моделирования дискурсов разной модальности переводчику следует чаще обращать внимание на то, как онлайн-платформа адаптируется под аудиторию конкретного издательства; в области концептуализации переводчик должен использовать максимально разнообразные средства адаптивного перевода, чтобы упростить процесс моделирования для ИИ-помощника на онлайн-платформе (в частности, предлагаются следующие средства: постредактирование, деконструкция текстов, кейсы, генерализация).

Ключевые слова: языковая игра, принципы перевода, переводческая стратегия и тактика, адаптивный перевод, каламбур, ирония, метафора.

Для цитирования: Цыганская О.Г., Пахаренко С.В., Павлюковец М.А. Переводческие стратегии к анализу феномена языковой игры средствами адаптивного перевода и онлайн-платформ в англоязычных газетах (на материалах таблоидов “The Observer” и “The Sun”) // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 39–54. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-39-54

Статья поступила в редакцию 27.02.2026;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 08.05.2026.

**TRANSLATION STRATEGIES FOR ANALYZING
THE LANGUAGE GAME PHENOMENON
BY MEANS OF ADAPTIVE TRANSLATION
AND ONLINE PLATFORMS
IN ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPERS
(ON THE MATERIALS OF THE TABLOIDS
“THE OBSERVER” AND “THE SUN”)**

Oksana G. Tsyganskaya

Sabina V. Pakharenko

Marina A. Pavlyukovets

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

For contacts: gypsyroks@yandex.ru, spakharenko@ncfu.ru,

Marina190983@mail.ru

Abstract. This article analyzes translation strategies and adaptive tools used in rendering texts from British periodicals. The primary tools employed in the study are the DeepL and Reverso Context platforms, which support semi-automatic translation workflows for both literary and journalistic texts. The aim of the study is to determine the most effective translation strategies for rendering wordplay in British tabloid newspapers through the integration of online platforms and traditional adaptive translation methods. The corpus analyzed in this study consists of texts published in *The Observer* and *The Sun*, which most clearly demonstrate key aspects of translation practice. The material includes headlines and articles published between 2019 and 2025, primarily from editorial sections. The methodological framework is based on adaptive and comprehensive translation approaches, focusing on text transformation with regard to cultural specifics, social realities, linguistic features, and journalistic style. When selecting translation strategies, the authors adopt a functionalist approach grounded in Skopos theory. The study identifies translation practices in literary and journalistic discourse based on the above-mentioned platforms, and clarifies approaches to linguistic creativity, glossing, searching, analysis, and interpretation of wordplay, as well as semi-automatic translation and post-editing for the development of terminology databases and the refinement of machine translation outputs using artificial intelligence tools. The authors conclude that further methodological development is required in modeling different types of discourse (publisher, journalist, and audience perspectives) in the translation process. In addition to online platforms, this requires supplementary adaptive translation tools, including post-editing, text deconstruction, case studies, and generalization.

Keywords: language play, translation principles, translation strategy and tactics, adaptive translation, pun, irony, metaphor

For citation: *Tsyganskaya O.G., Pakhareno S.V., Pavlyukovets M.A.* (2026) Translation strategies for analyzing the language game phenomenon by means of adaptive translation and online platforms in English-language newspapers (on the materials of the tabloids “The Observer” and “The Sun”). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 2. P. 39–54. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-39-54

The article was submitted on October 30, 2025;
approved after reviewing on May 05, 2026;
accepted for publication on May 08, 2026.

Введение

Актуальность настоящего исследования определена концептуальностью англоязычной периодики традиционных издательств Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в частности, таких именитых газет как “The Observer” и “The Sun”. В историко-культурном смысле британскую периодику всегда отличал смешанный художественно-публицистический текст, насыщенный сложными авторскими приемами. Такой подход в условиях поляризации авторских взглядов обусловил формирование уникальных стратегий и тактик перевода, однако, строгая традиционность не отрезала путь для новаций. Так, с появлением самообучающихся ИИ-помощников нового поколения, журналисты стали всё чаще включать в таблоиды “The Observer” и “The Sun” контент, произведённый на онлайн-платформах. Отсюда возникает потребность переводчика в обращении к тем же средствам, которая имеет два утилитарных основания. Первое — улучшение адаптивности переводимого текста. Второе — повышение эффективности перевода при работе с большим массивом данных.

Следует особенно отметить важный профессиональный факт: в условиях полной загруженности перед переводчиком возникает необходимость использования полуавтоматического перевода, в этой ситуации решается большинство проблем, исключая те, что плохо поддаются машинному переводу. Например, языковая игра как набор сложноорганизованных литературных приёмов не может быть адекватно переведён путём использования большинства ИИ-помощников. Это неизбежно приводит к рутинизации рабочего процесса, когда переводчик вынужден придерживаться интегрированного подхода, применяя в своей практике и интерактивные методы, и укоренившиеся традиции. Настоящее исследование при-

звано решить данную проблему и минимизировать трудозатраты при анализе современных британских газет, базирующихся на смешении публицистического и художественного стилей речи.

Подчеркнём, что для анализа языковой игры нельзя использовать машинный перевод: приоритет отдаётся человеческому фактору. Действительно, приоритет при работе с текстом следует отдавать переводческой стратегии — продуманной последовательности действий, позволяющей выделить конкретные тактики перевода (трансформацию, замену названий, дословный перевод и т.д.), многие из которых рассчитаны либо на автоматический, либо на последовательный письменный перевод.

Как следствие, анализ текстов с элементами языковой игры сводится к поиску наименее формального и наиболее эффективного метода — с автоматизацией или деконструкцией текста и последующим постредактированием.

Новизна данного исследования отражена в его академических и методических разработках, а именно в апробации методики работы с популярными онлайн-платформами “spaCy”, “ResearchGate”, “TensorFlow”, “Connected Papers” для полуавтоматического перевода языковых игр, с учётом предварительного выбора правильной стратегии и набора приёмов. На примере “The Observer” и “The Sun” авторы предлагают готовую модель, включающую примеры стратегий, которые позволят правильно передать культурные особенности языка-оригинала.

Цели статьи

Целью данного исследования является определение переводческой стратегии к анализу языковой игры в тексте британской газеты-таблоида с помощью интеграции средств ИИ (онлайн-платформ) и методов классического адаптивного перевода.

Задачи исследования включают в себя:

- 1) подбор существующих переводческих стратегий к анализу феномена языковой игры и конкретизация тех, что подходят для перевода британских газет с их культурной спецификой;
- 2) выявление принципов адаптивного перевода при работе над текстом англоязычной газеты-таблоида;
- 3) определение переводческих стратегий и тактик при анализе языковой игры в таблоидах “The Observer” и “The Sun”.

Источниками исследования послужили материалы британских газет и официальные сайты “The Observer. News, culture and style” /

<https://observer.co.uk/> (accessed: 28.10.2025) и “The Sun: News, sport, celebrities and gossip” / <https://www.thesun.co.uk/> (accessed: 28.10.2025)

Анализ и перевод некоторых частей текста осуществляется с опорой на платформы “spaCy”, “ResearchGate”, “TensorFlow”, “Connected Papers” (“DeepL” и “Reverso Context” выступают в качестве вспомогательных средств).

В рамках изучения публицистических источников используются общенаучные и лингвистические методы, главными из которых являются: структурный метод, типологизация, сопоставление, компонентный анализ и контекстный метод.

Выбор материалов обоснован одинаковым подходом журналистов главной колонки к использованию языковой игры в своих статьях, что проявляется, прежде всего, в сопровождающих игру литературных приемах и характерных стилистических особенностях.

1. Переводческие стратегии и тактики в адаптации текста

В лингвистике под переводческой стратегией понимается общий план действий переводчика при работе с текстом, однако, в практике перевода даётся другое определение — это последовательность действий, включающая не только план, но и методы и приёмы перевода.

Современное определение понятия «переводческая стратегия» подразумевает несколько трактовок.

В широком смысле под переводческой стратегией понимается общий план действий переводчика при работе с текстом, а в узком — последовательность действий, методы и приёмы перевода. В рамках данного исследования авторы будут придерживаться второй трактовки, так как она нагляднее демонстрирует необходимые условия к анализу языковой игры. При этом под тактикой перевода понимается набор приемов, методов и средств перевода, реализуемых с опорой на определённую переводческую стратегию (Гарбовский, 2007). Так, специалист, работающий на цифровом сервисе, актуализирующим его переводческими новациями и инструментами, должен учитывать специфику языка-оригинала, исходного текста и адаптировать полученный материал под нужды российского читателя.

Рассмотрим основные стратегии и тактики, которые можно включить в полуавтоматический перевод концептуализированных британских таблоидов.

1. Стратегия систематизации текста (ССТ), включающая автоматический, машинный анализ текста в рамках реализации методов корпусов. Такой анализ позволяет относительно просто разворачивать терминологическую базу, выделить характерные стилистические особенности текста и определить динамику языковой игры. Таким образом, роль переводчика сводится к постредактированию (Wu, 2016: 57).

2. Фрагментарная стратегия (ФС), рассчитанная на технологию (“Natural Language Processing”). В рамках функционала NLP цифровой сервис позволяет улучшить качество постредактирования за счёт маркирования (цветом, специальными символами) тех фрагментов текста, которые ИИ посчитает некорректными и подлежащими исправлению (Wenming, 2019: 3515).

3. Корпусная стратегия (КС) предполагает выделение корпусов и больших объемов концептуального текста для сопоставительного анализа. В этой практике главным методом является деконструкция текста. Несколько ИИ, например, разные модели “ChatGPT” организуют «мозговой штурм» для анализа «белых пятен» текста, которые не понятны для ИИ. Приёмы языковой игры — это то, что лексико-семантический анализатор обычно определяет как белые пятна, в ином случае они считаются элементом заспамленности текста. Таким образом, заметно повышается шанс правильно перевести сложные специальные термины (Wu, 2016: 58).

4. Стратегия рационализации текста (СРТ). Данная стратегия основана на использовании цифровых сервисом и системы “Digital Signature Standard” (DSS). Программы DSS позволяют переводчикам на разных этапах делать правильных выбор в области формирования терминологической базы, перевода специальных терминов и оптимизации своего фирменного подхода под стиль конкретного журналиста (например, если двое журналистов используют разные типы языковых игр, но избирают общую тематику) (Чистова, 2024: 109).

5. Стратегия оценивания и структурирования текста (СО-иСТ). Программы оценивания ИИ могут, используя эволюционирующие метрики, дать справедливую оценку переведённому тексту даже в случае, если некоторые «белые пятна» текста не понятны для конкретной программы. В итоге на плечи переводчика ложится ответственность только за анализ языковых игр и пр. сложных лингвокультурных особенностей текста, зависящих либо от стиля журналиста, либо от специфики языка-оригинала (Wenming, 2019: 3516).

6. Дифференцированная стратегия (ДС). Некоторые онлайн-платформы, такие, как “arXiv”, позволяют адаптировать процесс перевода при взаимодействии «живого» переводчика и ИИ для предоставления обратной связи, а также создавать кейсы для удобной проверки и постредактирования текстов. Например, проекты “Connected Papers” (Wenming, 2019: 3517).

Чтобы понять, в чём заключается сложность выбора переводческой стратегии, важно также обратиться к понятию языковая игра.

Языковая игра в общем смысле — это двусмысленность, используемая для усиления выразительности, что достигается благодаря нарушениям норм языка. В рамках структурализма этот термин включает как философский концепт, так и сознательное нарушение норм речевого поведения с целью шутки и эмоциональной окраски (Wu, 2016: 56). Как правило, языковая игра опирается на многие фигуры речи, стилистические приёмы и свойства текста. Приведём некоторые из них: игра слов и каламбур, ирония и сарказм, силлепс, сложная метафора и металепсис, ослышка, пантограмма, многозначность, омонимия и анноминация, неперево-димость — «неперево-димост» — это не языковая игра, а онтологическое свойство текстов, в том числе с элементами языковых игр! (см.: Мишкуров, Новикова: 2024, 2026) и т.д.

Замечательно, что Э.Н. Мишкуров описал такое явление как неперево-димост, но в тексте оно и не приравнивается к языковой игре, сказано: языковая игра ОПИРАЕТСЯ на неперево-димост, нет ни слова о том, что неперево-димост является разновидностью языковой игры и т.д. Это просто один из способов её реализации в тексте, как ирония или сарказм, но мы же не будем определять сарказм как форму языковой игры, правильно?

Важно отметить, что нынешний подход к определению переводческой стратегии является достаточно консервативным по отношению к повышению эффективности перевода за счёт выявления закономерностей в практике ведущих специалистов страны, однако, и он подразумевает обращение к средствам полуавтоматического перевода, например, к системам принятия решений или заполнения «белых пятен» (Колмогорова, 2023: 5). Именно поэтому — в эпоху стремительного развития технологий — адаптивный перевод постепенно становится единственным инструментом для интеграции средств ИИ в переводческую деятельность. Гибкость уступает адаптивности, и это неизбежно приводит к бо-

лее прямолинейной и доступной расшифровке текста (Гуреева, 2021: 41).

Однако адаптивность, так же как и гибкость, может помочь сохранить эмоциональные, культурные особенности оригинального текста, он будет всё так же релевантен для читателя, как и оригинал. По крайней мере, это касается научного стиля речи, позволяющего точно объяснить читателю смысл текста при локализации материала в конкретной стране, иноязычном регионе и пр. (Пим, 2018: 192).

Например, переводя ресурсы британской газеты с английского на русский, автоматические переводчики в последние годы стали гораздо лучше понимать контекст и языковые нюансы отдельно взятых газет и журналистов (Wenming, 2019: 3518). Системы автоматизированного перевода (CAT) комбинируют средства ИИ и постредактирование человеком, что находит отражение в научной сфере, а также в области бизнеса и межкультурной коммуникации (Wu, 2016: 59).

Адаптивный перевод комплексных и смешанных по своей сути текстов газет “The Observer” и “The Sun” предполагает выбор конкретной переводческой стратегии. В рамках работы с художественно-публицистическим текстом адаптивный перевод с использованием средств ИИ требует «...репрезентации содержания оригинала на переводящий язык, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала» (Елькин, 2021: 96).

В сумме данные положения предполагают построение перевода на анализе реальных ситуаций (контекстуальность), сохранении динамики (функциональность) и актуальности продукта перевода (релевантность). Получается, что скопос перевода требует решения множества проблем, включая высокий порог для работы с самообучающимся ИИ (Киосе, 2020: 42).

2. Языковая игра в британских газетах-таблоидах

Языковая игра сегодня считается излюбленным приемом британских журналистов для концептуализации таблоидов художественно-публицистическими элементами, особенно — в заголовках, поэтому основной акцент при анализе был сделан именно на этой составляющей.

За основу полуавтоматического перевода в рамках эксперимента была взята последовательность действий популярных он-

лайн-платформ spaCy, ResearchGate, TensorFlow, Connected Papers и других.

Журналисты главной колонки “The Sun” Д. Вуттон, В. Мерфи и Р. Бинстед (The Sun, 2025) часто используют языковую игру как в заголовках разделов, так и в тексте таблоида.

Они славятся «острым» языком и любовью к разного рода каламбурам, скрытой иронией. Бульварная газета «The Sun» является консервативной, а весь подобранный для статей материал служит, прежде всего, средством формирования общественного мнения, а не только развлечения. Основная аудитория газеты — мужчины и женщины от 30 лет и старше (Зыкова, 2023: 21).

“The Observer” (The Observer, 2025) — напротив, рупор либеральной мысли, опирается на более молодую аудиторию до 25 лет.

Журналисты К. Вейнер, А. Джентли и С. Дженкинс подбирают материал, прежде всего, чтобы заинтересовать читателей, сохраняя надежную репутацию издательства, а уже затем апеллируют к повестке. Итак, разберем крупные и более локальные примеры языковой игры в этих двух газетах (Чистова, 2024: 112).

“Freddy Starr ate my hamster” — самый яркий пример языковой игры из старого выпуска “The Sun” 2019 г. Журналист использовал в языковой игре слово «hamster», чтобы смягчить для фантов описание ситуации, когда известный британский комик погиб из-за болезни сердца во время ланча, а его домашний хомяк вымазался в масле. В данном случае вместо существительного был использован глагол, означающий «накапливать», «поглощать», «хомячить» (разг.). Получается, что “ate my hamster” означает «съел все мои припасы». Шутка сводилась к тому, что комик умер из-за переедания, но читатели подумали, что он съел хомяка. Близкая подруга Фредди модель Луиза Фокс по этому поводу высказала следующее: «У него в сэндвиче был хомяк, но никто никогда не говорил, что он его ел. Он просто пошёл и взял два больших куса хлеба, дверные упоры, намазал их маслом, а когда сел на диван, между ними оказался хомяк»). С учётом культурных особенностей и контекста, единственные варианты коротких заголовков на русском сводятся либо к разговорному каламбуру «Фредди Старр перехомячил», либо к информативному описанию «Фредди Старр съел моего хомячка». Стратегия оценивания и структурирования текста в данном случае является наилучшей.

Приведём схожие каламбуры.

“Wayne’s World!” («Мир Уэйна!») — каламбур и игра слов с популярным фильмом, которые использует журналист для рассказа

о скандалах с футболистом Уэйном Руни, ежегодно дающем множество интервью (созвучие “world” и “word”). В них Уэйн заверяет, что займётся тренировкой к предстоящей игре, но вместо этого то и дело попадает в очередной скандал.

“Brexit means Brexit” («Брексит значит Брексит») — журналист использовал лозунг, подтверждающий намерение правительства выполнить результат референдума. Каламбур достигается благодаря апострофу — где апостроф? — немного выше: решение правительства зависит от него самого, то есть, оно может его как выполнить, так и не выполнить. “Liz Trussed Up” — каламбур с фамилией бывшего премьер-министра Великобритании Лиз Трасс («загнана в угол»).

Другой интересный пример языковой игры находит отражение в заголовке “Labour bigwig called coronavirus a ‘great opportunity’”. Журналист Д. Вуттон на начальном этапе коронавирусной эпидемии организовал подкаст, чтобы привлечь внимание общественности на этот деликатный вопрос. В итоге он столкнулся с непониманием со стороны лейбористской партии, прежде всего, её видного деятеля Я. Лейвери, который считал COVID-19 темой не достойной для обсуждения на политической арене, скорее идеей для какого-нибудь бизнес-проекта: это объясняет ироничность заголовка: слово “bigwig” («верхушка», «важная персона») в политическом дискурсе может означать не только «большая шишка» — русскоязычный аналог — но и бизнесмена-дельца, не уделяющего достаточное внимание обсуждаемым в обществе вопросам. Это скорее сленговое выражение, для перевода которого подойдут эмоциональные концепты «воротила», «пройдоха» или более нейтральные слова «делец», «коммерсант», «биржевик», являющиеся актуальными в современной прессе по вопросам российского бизнеса. Ирония оригинального заголовка состоит в том, что Я. Лейвери накануне своего заявления ударился головой и получил характерную шишку.

Но и этот факт имплицитно указывает главный подтекст, скрытый во второй половине заголовка — фраза “great opportunity” в художественной речи может использоваться для описания выгодной сделки, источника прибыли или в качестве аналога «убийственного предложения» (“killer deal”). Именно пренебрежение человеческой жизнью и побудило переводчика прибегнуть к такой сложной языковой игре. В качестве возможного перевода можно предложить «Лейбористская шишка назвала коронавирус “стоящим делом”», —

название иронично-нравоучительного характера. Другой вариант — «Верхушка лейбористов назвала коронавирус “прекрасной возможностью”», — незавершённость фразы напоминает нотацию и имеет сходства со стилем Д. Вуттона. Дифференцированная стратегия — лучший выбор при переводе языковой игры, основанной на иронии.

Приведём схожие примеры использования иронии посредством языковой игры.

“Ecuador? I barely know him!” («Эквадор? Я с ней едва знаком!») — тонкая ирония об особенностях произношения некоторых слов британцами в контексте. Здесь имеется в виду одно из личных имён — Эдвард, Элвин или Эдгар. Вместе с названием страны Эквадор достигается созвучность слов в предложении. Примерно так может выглядеть фраза из контекста разговора: “I’m Edgar, you know?” («Я Эдгар? Мы знакомы?»). Если британец проговорит фразу как скороговорку, то получится исходное название.

Есть более наглядные примеры из массовой культуры: “May the Force be with you” («Да пребудет с тобой Сила»). Один из журналистов газеты придумал такой заголовок по поводу проливного дождя 4 мая 2025 г., в день неофициального праздника «Звёздных войн», когда фанаты вынуждены были ждать открытия косплей-фестиваля “May the Fourth be with you” («Да пребудет с тобой Четвёртое [мая]»).

“Dan Ballard: The rock of Sunderland” — актуальная статья из мира спорта. Ирландский футболист Д. Баллард недавно получил травму, но в интервью с британскими репортёрами заявил о том, что она не мешает ему вернуться в «большую игру», и даже поделился историей из жизни: «Когда я играл за «Блэкпул» в Первой лиге, я был просто благодарен за возможность там оказаться. Я даже не мечтал о премьер-лиге, не думал, что это возможно. Поэтому приятно оглядываться назад и думать, что всё могло сложиться совсем иначе. Если бы мне не позвонил Андрис [Йонкер], возможно, я бы вообще не играл в футбол или играл бы вне лиги»). Отсюда — название заголовка, содержащее металепис. Ирландская фамилия Баллард означает «храбрый», «твёрдый» и «каменный» в более старой лексике, а выражение “rock of Sunderland” содержит скрытое сравнение и метафору «скала Расколотого мира», от “sunder” и “land”, образующих игру слов. Столь сложное сочетание приёмов и непереводаемых культурных концептов оставляет для нас только две возможности — выделение фрагментов — пафосный вариант с титуляцией «Несокрушимый Дэн Баллард из Сандерлен-

да» и дословный перевод «Дэн Баллард: Скала Сандерленда». Таким образом, в данном случае подойдёт фрагментарная стратегия.

Метафоры и металепсисы часто используются в газете “The Observer”.

Например, в сентябре 2025 г. крупная рыболовецкая компания “UK Fisheries” потерпела крах и была близка к закрытию. Дело было в недальновидном бухгалтере. В итоге журналист выпустил статью с заголовком “F[i]sh with no eyes” — простая, но эффективная метафора и заодно игра слов. “Fsh” — «безглазая рыба», где буква “i” символизирует отсутствие глаз.

“Green tactics under scrutiny” («Зелёная тактика под пристальным вниманием») — статья о резком росте экологических проблем в Великобритании. Под словом “green” подразумевается “greenwash”, форма пиара экологической продукции.

Заключение

Итак, среди представленных заголовков и фрагментов газеты присутствуют в основном каламбуры и сложная игра слов, добавляющие «остроты» повествованию. Журналисты обращаются к культурным концептам, которые достаточно сложно поддаются переводу, исходные выражения можно адаптировать, но при этом порой невозможно достичь гибкости и сохранить культурные особенности. Метафоры и ирония целостно вплетаются в новостные статьи и колонки, им так же легко находить аналоги, как и многозначным терминам в интервью со звёздами спорта и различных телешоу. К сожалению, некоторые заголовки и фрагменты текста непереводимы. При помощи онлайн-платформ для них можно подобрать аналогичные пословицы, устойчивые выражения и даже выбрать удачный дословный перевод, но сохранить специфику оригинала уже не получится. В отличие от британской прессы, в русскоязычных газетах значительную часть языковой игры, к сожалению, составляют полужаргонные словоупотребления. Однако, для высокой речи с характерной для неё торжественностью, значительностью, такой подход использовать нельзя, поэтому адаптивный перевод, на наш взгляд, должен включать более «утонченные» приемы и фигуры речи, включая метафоры, каламбуры, а также различные синонимы, составляющие понятный для читателя параллелизм. Важно уметь хорошо балансировать между точностью и контекстом передаваемой информации. Это позволит создать условия для правильного восприятия текста.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. С. 205.

Гуреева А.А. Перевод юмора: принципы определения и специфика передачи // *Nomo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии*, 2021. № 14. С. 36–56.

Елькин В.В. Транскреация как творческий перевод и результат межъязыкового и межкультурного взаимодействия // *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*, 2021. № 2–1. С. 92–100.

Зыкова И.В. Лингвокреативное моделирование дискурсов разной модальности // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2023. № 3. С. 16–30. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-16-30.

Киосе М.И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*, 2020. № 2. С. 37–47.

Колмогорова А.В., Чистова Е.В. Эвристический потенциал метода экокognитивного моделирования в теории перевода // *Didactica translantica*, 2023. № 1. С. 4–8.

Мишкuroв Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводимость: Былое и думы... М.: Флинта: 1-е изд. 2024, 2-е изд. 2026.

Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 256 с.

Чистова Е.В. Переводческий дизайн как профессиональная когнитивно-коммуникативная деятельность, метод исследования и дидактическая практика (на материале аудиовизуальных произведений). Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2024. № 2 (58). С. 106–122.

The Observer / British newspaper // URL: <http://observer.guardian.co.uk> (accessed: 28.10.2025).

The Sun / British newspaper // URL: <http://www.thesun.co.uk/sol> (accessed: 28.10.2025).

Wenming Z., Erwen Z. (2019) Application of neural network machine translation in College Translation Teaching. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. № 14 (19), pp. 3514–3522.

Wu Y., Schuster M., Chen Z., Le QV., Norouzi M., Macherey W. et al. (2016) Google's neural machine translation system: Bridging the gap between human and machine translation. *arXiv preprint arXiv:160908144*. 2016, pp. 55–62.

References:

Chistova E. V. (2024) *Perevodcheskij dizajn kak professional'naya kognitivnokommunikativnaya deyatel'nost', metod issledovaniya i didakticheskaya praktika (na materiale audiovizual'nyh proizvedenij)* = Translation design as

a professional cognitive and communicative activity, a research method, and a didactic practice (based on audiovisual works). Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. No. 2 (58), pp. 106–122 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) Teoriya perevoda = Translation theory: textbook. 2nd ed. Moscow: Moscow University Press. 207 p. (In Russian).

Gureeva A.A. (2021) Perevod yumora: principy opredeleniya i specifika peredachi = Translation of humor: principles of definition and specifics of transmission. *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii*. No. 14, pp. 36–56 (In Russian).

El'kin V.V. (2021) Transkreaciya kak tvorcheskij perevod i rezul'tat mezh'yazykovogo i mezhkul'turnogo vzaimodejstviya = Transcreation as a creative translation and the result of interlingual and intercultural interaction. *Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya*. No. 2–1, pp. 92–100 (In Russian).

Kiose M.I. (2020) Kognitivno-semioticheskie osnovaniya lingvokreativnosti diskursa: metodika analiza = Cognitive and semiotic foundations of linguistic creativity in discourse: methodology for analysis. *Ural'skij fi logicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 37–47 (In Russian).

Kolmogorova A.V. (2020) Kognitivnyj mekhanizm porozhdeniya kreativnyh reshenij v perevodcheskoj deyatel'nosti = The cognitive mechanism of generating creative solutions in translation activities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. Vol. 19. No. 3, pp. 59–71 (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2024, 2026) Perevodimost' — neperevodimost': By'loe i dymy'... = Translatability — untranslatability: Past and Thoughts... Moscow: Flinta. (In Russian).

Pim E. (2018) Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii: SanktPeterburgskij gosudarstvennyj universitet = Theoretical Paradigms in Translation Studies. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 256 p. (In Russian).

The Observer. British newspaper. URL: <http://observer.guardian.co.uk> (accessed: 28.10.2025).

The Sun. British newspaper. URL: <http://www.thesun.co.uk/sol> (accessed: 28.10.2025).

Wenming Z., Erwen Z. (2019) Application of neural network machine translation in College Translation Teaching. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. No. 14 (19), pp. 3514–3522.

Wu Y., Schuster M., Chen Z., Le QV., Norouzi M., Macherey W. et al. (2016) Google's neural machine translation system: Bridging the gap between human and machine translation. arXiv preprint arXiv: 160908144, pp. 55–62.

Zykova I.V. (2023) Lingvokreativnoe modelirovanie diskursov raznoj modal'nosti = Linguocreative modeling of discourses of different modalities. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. No. 3, pp. 16–30 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цыганская Оксана Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; gypsyroks@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-1469-590X

Пахаренко Сабина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; spakharenko@ncfu.ru, ORCID ID: 0009-0004-6304-3988

Павлюковец Марина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; Marina190983@mail.ru, ORCID ID: 0009-0001-4330-101X

ABOUT THE AUTHORS:

Oksana G. Tsyganskaya — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Teacher (English) at North Caucasus Federal University; 1, Pushkin St., Stavropol, Russia; gypsyroks@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-1469-590X

Sabina V. Pakharenko — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Teacher (English) at North Caucasus Federal University; 1, Pushkin St. Stavropol, Russia; spakharenko@ncfu.ru, ORCID ID: 0009-0004-6304-3988

Marina A. Pavlyukovets — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Teacher (English) at North Caucasus Federal University; 1, Pushkin St., Stavropol, Russia; Marina190983@mail.ru, ORCID ID: 0009-0001-4330-101X

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'255

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-55-71

МНОГО, ОЧЕНЬ МНОГО СНЕГА В РУССКОМ ЛЕСУ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ СТРАНИЦЫ РАССКАЗА ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА “DER VIELE VIELE SCHNEE” В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ)¹

Борис Леонидович Бойко

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства
обороны РФ, Москва, Россия

Для контактов: boikojargon@yandex.ru

Аннотация. Основные позиции подразделения, от которого на передовой пост выставлен немецкий солдат-пулемётчик, где-то позади, а здесь в безлюдном русском лесу только он один и много, очень много снега. Шорохи изредка там и сям падающего с деревьев снега воспринимаются солдатом как осторожное сдерживаемое дыхание крадущегося врага. Пытаясь подавить свой страх, часовой принимается петь рождественские песни, хотя уже февраль и немецкое рождество по времени далеко позади. Увидев спешащего к нему фельдфебеля, солдат перестает петь и решает, что за пение на посту его расстреляют. Однако фельдфебель, не менее солдата испытывающий страх перед невидимыми затаившимися в лесу врагами, не связывает пение рождественских песен с часовым, ему кажется, что это галлюцинация и что он сходит с ума. Подбежав к солдату, фельдфебель хватается за него и, озираясь по сторонам, торопливо

¹ Общее содержание статьи озвучивалось её автором в выступлении на IV Ежегодной научно-практической конференции Библиотеки иностранной литературы и МГЛУ «Роль библиотеки в развитии Российской школы перевода. История советской школы перевода 1939–1947 гг. Вклад переводчиков в Победу» 15 сентября 2025 г.

сообщает ему о своих страхах. Сюжет рассказа основан на личных впечатлениях автора, который будучи солдатом вермахта, однажды оказался не по своей воле в одиночестве в русском заснеженном лесу под Тверью зимой 1941–1942 гг. В статье приводятся фрагменты переводов рассказа на русский и английский языки, предпринятые переводчиками различного уровня мастерства.

Ключевые слова: снег, русский лес, фельдфебель, страх, рождественские песни

Для цитирования: Бойко Б.Л. Много, очень много снега в русском лесу (перечитывая страницы рассказа Вольфганга Борхерта “Der viele viele Schnee” в оригинале и переводе) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 55–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-55-71

Статья поступила в редакцию 07.04.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

MUCH, VERY MUCH SNOW IN THE RUSSIAN FOREST (REREADING THE PAGES OF WOLFGANG BORCHERT’S STORY “DER VIELE VIELE SCHNEE” IN THE ORIGINAL AND IN TRANSLATION)

Boris L. Boyko

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Для контактов: boikojargon@yandex.ru

Abstract. The main positions of the unit to which the German machine-gunner belongs are somewhere behind him on the forward outpost. Here, in the deserted forest, he is completely alone — just him and a great deal of snow. The occasional rustle of snow falling from the trees is perceived by the soldier as the cautious, stifled breathing of a creeping enemy. Trying to suppress his fear, the sentry begins to sing Christmas carols — even though it is already February, and German Christmas is long past. Seeing the feldwebel hurrying towards him, the soldier stops singing and decides that now he will be shot for singing on guard duty. However, the feldwebel, who is no less afraid than the soldier of the invisible enemies lurking in the forest, does not connect the singing of Christmas carols with the sentry. To him, it seems like a hallucination and that he is going mad. Running up to the soldier, the feldwebel grabs hold of him and, glancing around

© Boyko B.L., 2026

nervously, hastily confides his fears. The plot of the story is based on the author's personal experiences: as a Wehrmacht soldier, he once found himself, against his will, alone in a snowy Russian forest near Tver in the winter of 1941–1942. The article presents fragments of translations of the story into Russian and English, undertaken by translators of varying skill levels and executed at different levels of mastery.

Keywords: snow, Russian forest, feldwebel, fear, Christmas carols

For citation: *Boyko B.L. (2026) Much, very much snow in the Russian forest (rereading the pages of Wolfgang Borchert's story "Der viele viele Schnee" in the original and in translation). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 55–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-55-71*

The article was received on April 04, 2026;
approved after reviewing received on April 20, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

Основные позиции подразделения, от которого на передовой пост выставлен немецкий солдат-пулемётчик, где-то позади, а здесь в безлюдном лесу солдат один, и ему очень страшно. Пытаясь подавить свой страх, часовой принимается петь рождественские песни, хотя немецкое рождество по времени далеко позади. Увидев бегущего к нему фельдфебеля, солдат решает, что за пение на посту он будет расстрелян. Но фельдфебель, спешащий проверить, как солдат несёт службу на одиночном посту, не менее солдата испытывает страх перед затаившимися в лесу врагами: он принимает пение часового за собственные галлюцинации. Утратив строгость начальника, перепуганный фельдфебель хватается за солдата и, озираясь по сторонам, торопливо сообщает ему о своих страхах. В основу сюжета рассказа положены личные впечатления автора, однажды оказавшегося в одиночестве в лесу под Тверью зимой 1941–1942 гг. (Алексеев-Негреба, эл. ресурс).

На немецком языке рассказ назван Вольфгангом Борхертом "Der viele viele Schnee". Обращает на себя внимание отсутствие запятой между повторяющимся определением *vielle*. Возможно, это намеренное неиспользование автором рассказа запятой, стало причиной поиска переводчиками вариантов, которые бы привлекали внимание потенциальных читателей. В русском переводе Наталии Ман заголовок рассказа передан тремя повторяющимися суще-

ствительными: «Снег, снег, снег». В других источниках — переводах и литературоведческих публикациях — находим иные варианты наименования рассказа. В частности, в монографии литературоведа Н.И. Платицыной этот рассказ именуется «Много-много снега» (Платицына, 2009: 75; Платицына, 2010: 110–114). Это же название использует в своём переводе Евгений Каменной (Борхерт, эл. ресурс). В переводе на английский язык Дэйв Мурс предлагает иной вариант наименования рассказа — “So much snow” (Borchert, эл. ресурс).

Материал и методы

Материалом для анализа служит рассказ немецкого писателя-антифашиста Вольфганга Борхерта (1921–1947) “Der viele viele Schnee”. На русский язык рассказ переводили:

- опытейшая российская переводчица Наталия Ман (Наталия Семеновна Вильям-Вильмонт (1908–1984). В её переводе рассказ Вольфганга Борхерта опубликован под названием «Снег, снег и снег» и включён в состав сборника «Избранное» (М.: «Художественная литература», 1977);
- переводчик Евгений Каменной предложил свой перевод под названием «Много-много снега»²;
- фрагменты перевода рассказа находим в монографии литературоведа Н.И. Платицыной «Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта (2009);
- фрагменты рассказа в переводе на английский язык принадлежат перу Дэйва Мурса (Dave Moores)³.

Метод исследования — сопоставительный анализ оригинала и названных переводов.

1. Композиция рассказа

Чтобы понять художественное мастерство немецкого писателя Вольфганга Борхерта, особенности замысла и его реализацию на немецком языке, с одной стороны, и трудности, с какими сталкивается переводчик, — с другой, необходимо оценить синтаксическое и лексическое своеобразие подлинника и существующих переводов.

² Опубликован на портале «Проза.ру» в 2017 году, см. <https://proza.ru/2017/01/28/153>

³ Перевод рассказа Вольфганга Борхерта на английский язык выполнил Дэйв Мурс (Dave Moors). См.: <https://quick-brown-fox-canada.blogspot.com/2023/02/so-much-snow.html>

Начальная и заключительная части рассказа содержат описание заснеженного русского леса.

Первый эпизод рассказа — советы бывалого солдата, сдающего пост новичку, о том, как ему, впервые заступившему на пост, сохранить пулемёт в рабочем состоянии в условиях сорокоградусных морозов. Бывалый солдат советует изредка постреливать по укрытым снегом кустам — и пулемёт удастся сохранить в «рабочем» состоянии, и неведомого крадущегося противника подстрелить...

В центральной части повествования описывается паническое состояние оставшегося на посту молодого неопытного солдата, принимающего шорохи падающего с ветвей и стволов деревьев снега за осторожные шаги врагов. Чтобы умерить свой страх, солдат начинает петь рождественские песни, хотя рождество уже давно позади.

Заключительный эпизод рассказа содержит монолог охваченного страхом фельдфебеля, уверяющего молодого солдата в том, что он, фельдфебель, видимо, повредился рассудком в этом таинственном русском лесу, где ему в феврале слышатся немецкие рождественские песни.

2. Анализ содержания и языка рассказа

Начальный абзац в оригинале включает десять предложений. Время повествования — классический немецкий имперфект. В составе предложений, образующих первый абзац, простые, сложносочинённые и сложноподчинённые. Между полными предложениями располагаются эллиптические:

Schnee hing im Astwerk. Der Maschinengewehrschütze sang. Er stand in einem russischen Wald auf weit vorgeschobenem Posten. Er sang Weihnachtslieder und dabei war es schon Anfang Februar. Aber das kam, weil Schnee meterhoch lag. Schnee zwischen den schwarzen Stämmen. Schnee auf den schwarzgrünen Zweigen. Im Astwerk hängen geblieben, auf Büsche geweht, wattig, und an schwarze Stämme gebackt. Viel viel Schnee. Und der Maschinengewehrschütze sang Weihnachtslieder, obgleich es schon Februar war.

Обращает на себя внимание многократно повторяющийся шипящий звук [ʃ] в словах Schnee, Maschinengewehrschütze, stehen, schon, vorgeschoben, schwarz и др.

В профессиональном переводе на русский язык, выполненном Наталией Ман, начальный абзац содержит те же десять предложений. Простые перемежаются сложными, часть предложений, как

и в оригинале, представляют собой обособления, время повествования — прошедшее:

Снег виснул на сучьях. Автоматчик пел. Он стоял в русском лесу, его пост был выдвинут далеко вперед. Он пел рождественские песни, а было уже начало февраля. Но пел он оттого, что снег лежал вышиною в метр. Снег меж чёрных стволов. Снег на чёрно-зелёных ветках. Застравиший в сучьях, осыпавший кусты, ватными хлопьями прилипший к чёрным стволам. Много, очень много снегу. И автоматчик пел рождественские песни, хотя уже был февраль.

Единственная неточность в переводе Наталии Ман, замеченная как литературоведами, так и профессиональными переводчиками, состоит в том, что для перевода немецкого *Maschinengewehrschütze* (пулемётчик), использовано в качестве эквивалента русское «автоматчик». Эту неточность упоминает в своей монографии и литературовед Н.И. Платицына (Платицына, 2009).

Второй абзац анализируемого текста рассказа содержит пересказ рекомендаций, какие сдавший пост явно опытный солдат даёт новичку. Наставления опытного солдата от начала до конца изложены средствами косвенной речи. По коротким, обрывистым фразам говорящего читатель может судить о своеобразии немецкой разговорной монологической речи: здесь и короткие предложения, содержащие советы бывалого солдата новичку, и ссылки на требования начальства, несмотря на мороз, не закрывать уши — «иначе ничего не услышишь», хотя в этом лесу никого нет. И время от времени постреливать из пулемёта по кустам, поскольку это успокаивает...

Hin und wieder musst du mal ein paar Schüsse loslassen. Sonst friert das Ding ein. Einfach geradeaus ins Dunkle halten. Damit es nicht einfriert. Schieß man auf die Büsche da. Ja, die da, dann weißt du gleich, dass da keiner drinsitzt. Das beruhigt. Kannst ruhig alle Viertelstunde mal eine Serie loslassen. Das beruhigt. Sonst friert das Ding ein. Dann ist es auch nicht so still, wenn man hin und wieder mal schießt. Das hatte der gesagt, den er abgelöst hatte. Und dazu noch: Du musst den Kopfschützer von den Ohren machen: Befehl vom Regiment. Auf Posten muss man den Kopfschützer von den Ohren machen. Sonst hört man ja nichts. Das ist Befehl. Aber man hört sowieso nichts. Es ist alles still. Kein Mucks. Die ganzen Wochen schon. Kein Mucks. Na, also dann. Schieß man hin und wieder mal. Das beruhigt.

Вольфганг Борхерт не выделяет в тексте фрагменты прямой речи кавычками. Это делают переводчики. Например, в переводе Наталии Ман часть советов, какие опытный солдат даёт новичку,

оформлены в форме пересказа, другая часть — в форме прямой речи:

Изредка надо стрелять. Иначе эта штука замёрзнет. Целиться прямо в темноту. Чтобы автомат не замёрз. Можно в кусты стрелять. Вон в те, по крайней мере, знаешь, что там никого нет. Это успокаивает. Спокойно можно выпустить очередь раз в четверть часа. Это успокаивает. Иначе автомат замёрзнет. Да и не так тихо, если стреляешь. Это ему сказал тот, которого он сменил. И ещё добавил: «Подилемник с ушей сдвинь. Приказ по полку. На посту не положено закрывать уши подилемником. Ничего не услышишь. Приказ. Но здесь всё равно ничего не услышишь. Тишина кругом. Ни звука. Месяцами ни звука. Вот и всё. Значит, нет-нет да стреляй. Это успокаивает» (Борхерт, 1977: 139–141).

Тот же приём оформления кавычками второй части рекомендаций опытного солдата молодому используют в переводе на русский язык Евгений Каменной и в переводе на английский язык Дэйв Мурс:

Ещё он сказал: «Ты должен надеть платок на голову, чтобы уши не замёрзли. Приказ из полка. На посту ты должен снимать платок с ушей, или ты ничего не услышишь. Это приказ. Но ты здесь всё равно ничего не услышишь. Все тихо. Ни писка. Всю неделю. Поэтому и постреливаешь. Это успокаивает». (Перевод Евгения Каменного).

That's what they'd told him when he came on duty. "And something else, keep your earmuffs off your ears. Orders from the Regiment. On post you've got to keep your earmuffs off your ears. Otherwise, you'll hear nothing. Orders are orders but you'll hear nothing anyway, everything is still. No Ivans. For weeks now, no Ivans. So there you go, shoot now and then. Calm your nerves". That's what they told him. (Перевод Дэйва Мурса).⁴

Обращает на себя внимание наименование одного из элементов головного убора солдата — Kopfschützer и его различная интерпретация в текстах переводчиков на русском и английском языках. Конструктивно Kopfschützer представлял собой бесшовную трубу из плотной шерстяной ткани. При надевании он плотно облегал голову и шею, оставляя открытым только лицо, но закрывая волосы и шею от мороза. В условиях суровых зим 1941–1942 и 1942–1943 годов солдаты вермахта нередко прибегали к дополнительному уте-

⁴ "So Much Snow". Translated from the German, "Der Viele, Viele Schnee" by Wolfgang Borchert (1921–1947) by Dave Moores. <https://quick-brown-fox-canada.blogspot.com/2023/02/so-much-snow.html>

плению: надевали на себя сразу два подшлемника — один на голову (под каску), а второй — на шею, используя его как тёплый воротник или шейную повязку.

В переводе Наталии Ман лексема *Kopfschützer* интерпретируется как *подшлемник*, тот же предмет, которым немецкий солдат защищает голову от мороза, когда надевает в зимнее время стальную каску, в переводе Евгения Каменной именуется *платком*, Дэйв Мурс предлагает читателю в качестве эквивалента слово *earmuffs* (наушники):

Наталия Ман:

И ещё добавил: «*Подшлемник* с ушей сдвинь. Приказ по полку. На посту не положено закрывать уши *подшлемником*. Ничего не услышишь. Приказ. Но здесь всё равно ничего не слышишь. Тишина кругом. Ни звука. Месяцами ни звука...

Евгений Каменной:

Ещё он сказал: «Ты должен надеть *платок* на голову, чтобы уши не замёрзли. Приказ из полка. На посту ты должен снимать *платок* с ушей, или ты ничего не услышишь. Это приказ. Но ты здесь всё равно ничего не услышишь. Все тихо. Ни писка...

Дэйв Мурс:

“And something else, keep your *earmuffs* off your ears. Orders from the Regiment. On post you’ve got to keep your *earmuffs* off your ears. Otherwise, you’ll hear nothing. Orders are orders but you’ll hear nothing anyway, everything is still...”

Из трёх вариантов Наталия Ман даёт наиболее удачный вариант перевода исходного немецкого слова — «подшлемник». Этот предмет снаряжения известен ещё со времён рыцарей. Евгений Каменной назвал тот же предмет «платком» (допустимо в быту, но вряд ли приемлемо с точки зрения военной терминологии), Дэйв Мурс использовал *earmuffs* («наушники»), что передаёт лишь часть функции предмета обмундирования (защита ушей).

Наряду с термином *Kopfschützer* в немецких вооружённых силах (в вермахте, а затем и в Национальной народной армии ГДР) для обозначения подобного подшлемника использовалось слово *toque*⁵, заимствованное, по-видимому, из французского языка. Оно встречается и в других языках (например, в английском). Реконструкторы на военно-исторических форумах переводят *Kopfschützer* словом «ток».⁶

⁵ См.: <https://festung.net/wehrmacht-toques-kopfschutzer/>

⁶ См.: <https://feldwebel.ru/id/tok-seryy-zimniy-podshlemnik-626.html>

Кроме того, в настоящее время возможен перевод Kopfschützer и как «балаклава» — слово, вошедшее в русский язык в эпоху Крымских войн середины XIX века и применявшееся к предмету одежды, который использовали солдаты Русской императорской армии для защиты от холода. Это слово вернулось в русский язык применительно к подшлемнику в конце XX века.

Однако возвратимся к анализу исходного текста, написанного автором по его личным впечатлениям от пребывания в зимнем заснеженном русском лесу зимой 1941 года. Содержание третьей части рассказа составляет описание страхов, которые немецкий солдат испытывает, оставшись в одиночестве в зимнем лесу. Заваленный снегом и кажущийся безлюдным лес наполнен тревожными звуками. Шорохи изредка падающего с ветвей снега легко принять за осторожные шаги врагов. Приведём фрагменты, содержащие описание страхов немецкого солдата, оставшегося наедине с лесом и его таинственными пугающими звуками:

Und der Schnee, in dem er stand, machte die Gefahr so leise. So weit ab. Und sie konnte schon hinter einem stehen. Er verschwieг sie. Und der Schnee, in dem er stand, allein stand in der Nacht, zum erstenmal allein stand, er machte die Nähe der andern so leise. So weit ab machte er sie. Er verschwieг sie, denn er machte alles so leise, dass das eigene Blut in den Ohren laut wurde, so laut wurde, dass man ihm nicht mehr entgegen konnte. So verschwieг der Schnee (Borchert, 1977: 140).

В переводе Наталии Ман этот фрагмент немецкого текста воссоздан следующим образом:

И снег, в котором он стоял, делал опасность совсем неслышной. Очень далёкой. А она, возможно, уже была за плечами. Снег её замалчивал. Снег, в котором он стоял, один стоял в ночи, в первый раз стоял один, делал опасность неслышной. Далёкой делал её. Замалчивал её, всё заволакивал такой тишиной, что собственная кровь громко стучала, рокотала в ушах, очень громко. Так всё замалчивал снег. (Борхерт, 1977: 139).

Точный перевод. Эквивалентный на уровне языковых средств. Адекватный в плане описания напряженного эмоционального состояния солдата. Сложные предложения чередуются с простыми. Многословные с краткими. Обособления в форме словосочетания “so weit ab” и короткого простого предложения “So weit ab machte er sie” выполняют функцию повторов и одновременно контрастируют с многословным предложением, заключающим абзац и объединяющим в одном предложении компоненты сложносочинённого и сложноподчинённого предложений.

В переводе Евгения Каменного на этом месте находим скорее пересказ, нежели перевод, главное, в качестве эквивалента немецкому *Gefahr* (опасность) предлагается существительное противник в форме множественного числа — *противники* (sic!), что свидетельствует об отсутствии у переводчика опыта работы с военными текстами на русском языке, где слово *противник*, как синоним слова *враг*, не имеет множественного числа:

И этот снег, в котором он стоял, делал перемещение **противников** (*выделено нами — Б.Б.*) таким тихим, таким далёким. Они могли быть у него за спиной. Снег скрывал их. Снег, в котором он стоял, впервые стоял один, ночью, он делал их приближение неслышным. Таким тихим, таким далёким...⁷

Сохранена авторская стилистика, чередование простых и сложных предложений, повторы слова *снег* (в немецком оригинале это слово употребляется четырежды и дополняется местоимением *он*), сочетание слов *снег* и *опасность*: в лесу столько шорохов от падающего с ветвей снега и эти шорохи могут принадлежать скрытно приближающимся врагам...

В переводе на английский язык Дэйва Мурса читаем:

And the snow he stood in made the danger feel unreal. Made it seem so far off. Yet it could be right there behind you. Hidden. And the snow he stood in, alone in the night, alone for the first time, made the threat of the enemy seem remote. Made everything so quiet that the blood pumped loud in his ears, so loud he couldn't ignore it. And the snow was silent.

Далее у Борхерта следует фрагмент, содержащий описание звуков, похожих на тяжёлое дыхание человека. Автор использует для их изображения немецкий глагол *seufzen* в значении «вздыхать, пытаться отдышаться».⁸

Da *seufzte* es. Links. Vorne. Dann rechts. Links wieder. Und hinten mit einmal. Der Maschinengewehrschütze hielt den Atem an. Da, wieder.

⁷ Борхерт Вольфганг. Много-много снега. Евгений Каменной <https://proza.ru/2017/01/28/153>

⁸ См. текст словарной статьи, посвящённой описанию значений и своеобразие оттенков значений, которые содержатся в семантике глагола *seufzen* Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 5, überarbeitete Auflage-Dudenverlag-Mannheim-Leipzig-Wien. Zürich, 2003. P. 1446. Точнее интерпретация значения глагола *seufzen* дана в пятом издании словаря Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, 2002, издание LANGENSCHIEDT, где глагол *seufzen* имеет интерпретацию: *so ausatmen, dass ein Geräusch entsteht (...wenn man leidet od. weil man erleichtert ist)*. P. 895. См. также: Немецко-русский (основной) словарь. М.: Рус. яз., 1992) предлагает в качестве эквивалента глагола *seufzen* русские эквиваленты *вздыхать; охать стонать*. См. С. 770.

Es seufzte. Das Rauschen in seinen Ohren wurde ganz groß. Da *seufzte es* wieder. Er riss sich den Mantelkragen auf. Die Finger zerrten, zitterten. Den Mantelkragen zerrten sie auf, dass er das Ohr nicht verdeckte. Da. *Es seufzte.* Der Schweiß kam kalt unter dem Helm heraus und gefror auf der Stirn. Gefror dort. Es waren zweiundvierzig Grad Kälte. Unterm Helm kam der Schweiß heraus und gefror. *Es seufzte.* Hinten. Und rechts. Weit vorne. Dann hier. Da. Da auch. (Здесь и далее курсив наш. — Б.Б.)

В приведённом фрагменте, передающем тревожное состояние солдата, Борхерт использует глагол *seufzen* в составе безличной конструкции в вариантах *es seufzte*, *seufzte es* (прямой и обратный порядок слов). Эта безличная конструкция в одном абзаце используется пять раз попеременно с указанием направлений, откуда доносятся звуки, напоминающие дыхание затаившегося или крадущегося врага. В своём переводе Наталия Ман использует в качестве эквивалентов немецкой безличной конструкции *es seufzte* существительное *вздых* и глагол *вздыхать*:

«Послышался *вздых*. Слева. Впереди. Потом справа. Опять слева. И сразу же за спиной. Автоматчик затаил дыхание. Вот опять. *Вздыхает*. Рокот у него в ушах стал грохотом. Снова *вздых*. Он тербит воротник шинели. Пальцы коченеют, дрогнут. Теребят воротник, чтобы уши не закрывал. Вот. Опять *вздыхает*. Холодный пот выступил у него под шлемом, замёрз на лбу. Было сорок два градуса мороза. Слышится *вздых*. Сзади. И справа. Далеко впереди. Здесь опять. Там. Там тоже».

В переводе Евгения Каменного этот фрагмент рассказа имеет иной вид, однако и здесь в качестве эквивалентов немецкой безличной конструкции *es seufzte* используются существительное *вздых* и глагол *вздыхать*:

«*Вздых*. Слева. Впереди. Потом справа. Снова слева. И позади. Пулемётчик задержал дыхание. Да, кто-то *вздыхал*. Шум в ушах всё заглушал. Снова кто-то *вздыхнул*. Дрожащими пальцами он опустил воротник пальто, чтобы он не закрывал уши. Вот так. Точно, кто-то *вздыхал*. Пот стекал из-под шлема на лоб и там замерзал. Было сорок два градуса мороза. Пот стекал из-под шлема и замерзал. Кто-то *вздыхнул*. Позади. И справа. Далеко впереди. Потом здесь. Здесь. Здесь тоже».

Всё точно передано, даже пулемётчик назван пулемётчиком, разве только вместо шинели, на солдате оказывается *пальто*: «... он опустил воротник *пальто*».

В переводе на английский язык Дэйв Мурс использует в качестве эквивалентов глагол *whisper* и причастие *whispering*:

From his left came a sound like a *whisper*. Now in front. Then to the right. Left again. And suddenly behind. The machine-gunner held his breath. There it was again, something *whispering*. The rush of blood in his ears got really loud. He tore open his coat collar, his fingers tugging, trembling. They tore open the collar so his ears weren't covered. ... There came the again. Sweat ran cold from under his helmet and froze on his forehead. Froze there. It was minus forty-two degrees. Something *whispered*. Behind. And to the right. Straight ahead, now here. Now over there again. The machine-gunner stood in the Russian forest. Snow hung in the branches. And the blood pumped loud in his ears, sweat froze on his forehead and trickled from under his helmet.

3. Стилистика разговорной речи

В стилистическом плане язык анализируемого рассказа Вольфганга Борхерта характеризуется, по Н.И. Платицыной, особой ритмомелодикой, многочисленными повторами, характерными для изображения сбивчивой торопливой речи, в том числе речи внутренней (Платицына, 2009: 76). Вынесенное в заголовок существительное *Schnee* — снег повторяется затем в тексте 19 раз. Местоимения, его замещающие (в том числе личные и относительные (*er* — он; *ihn, den* — его), существенно увеличивают частотность понятия *Schnee* (снег), делают его ещё одним действующим лицом. Главное действующее лицо — *Maschinengewehrschütze* (пулеметчик) — чаще скрывается за местоимением *er* и его падежными формами. Например, во фрагменте, где повествуется о том, что пулемётчик запел, чтобы не слышать пугающих его звуков леса, вместо существительного *Maschinengewehrschütze* (пулемётчик) автор восемь (sic!) раз использует местоимение *er* (он).

Da sang er. Laut sang er, daß er die Angst nicht mehr hörte. Und das Seufzen nicht mehr. Und daß der Schweiß nicht mehr fror. Er sang. Und er hörte die Angst nicht mehr. Weihnachtslieder sang er und er hörte das Seufzen nicht mehr. Laut sang er Weihnachtslieder im russischen Wald. Denn Schnee hing im schwarzblauen Astwerk im russischen Wald. Viel Schnee (Борхерт, 1970: 141).

В переводе этого фрагмента на русский язык Наталия Ман оставляет только два полных предложения, где эквивалентное русское местоимение *он* используется всего лишь дважды, личные предложения превращаются в безличные:

Тогда *он* запел. Пел громко, чтобы не слышать страха. И вздохов не слышать. Чтобы пот больше не замерзал. *Он* пел. И больше не слышал страха. Пел рождественские песни. И не слышал вздохов.

Громко пел рождественские песни в русском лесу. Потому что снег виснул на чёрно-синих сучьях в русском лесу. Снег, снег. (Борхерт, 1977: 141).

Евгений Каменной, возможно, стремясь сохранить авторскую частотность этого местоимения в своём переводе этого фрагмента, использует четыре раза местоимение *он*:

Тогда *он* запел. *Он* пел громко, и страх исчез. И никто больше не вздыхал. И пот больше не замерзал. *Он* пел. Страх исчез. *Он* пел рождественские песни, и не слышно больше вздохов. *Он* громко пел рождественские песни в русском лесу. Снег лежал на чёрно-синих ветвях в русском лесу. Много снега.

В переводе Дэйва Мурса частотность эквивалентного английского местоимения *he* увеличивается до пяти.

So *he* sang. Sang loudly so that *he* wouldn't hear the fear anymore and the whispering anymore, and so that the sweat wouldn't freeze anymore. *He* sang, and felt the fear depart. *He* sang Christmas carols and heard no more whispers. *He* sang Christmas carols loud in the Russian forest. Because snow hung in the black-blue branches. So much snow.

Видимо, внутреннее чувство носителей языка не позволяет переводчикам на русский и английский языки в своих вариантах достичь частотности эквивалентных средств немецкого местоимения *er* (*он*, *he*) в авторском тексте. Профессиональный переводчик старается видеть и оценивать свой перевод глазами требовательных образованных русскоязычных читателей.

Другая стилистическая черта разговорного синтаксиса исследуемого текста — прерывистость и насыщенность уточнениями. Это хорошо просматривается в монологе насмерть перепуганного фельдфебеля, услышавшего рождественские песни в неурочное время в засыпанном снегом, морозном, пустынном и пугающем русском лесу. Разговорный синтаксис, но уже не в пересказе прямой речи, как это было показано писателем во фрагменте, где опытный солдат поучает неопытного, как вести себя на одиночном посту, а в прямой речи фельдфебеля, пришедшего проверить часового:

Mein Gott! Halt mich fest, Mensch. Mein Gott! Mein Gott! Und dann lachte er. Flog an den Händen. Und lachte doch: Weihnachtslieder hört man schon. Weihnachtslieder in diesem verdammten russischen Wald. Weihnachtslieder. Haben wir nicht Februar? Wir haben doch schon Februar. Dabei hört man Weihnachtslieder. Das kommt von dieser furchtbaren Stille. Weihnachtslieder! Mein Gott nochmal! Mensch,

halt mich bloß fest. Sei mal still. Da! Nein. Jetzt ist es weg. Lach nicht, sagte der Feldwebel und keuchte noch und hielt den Maschinengewehr-schützen fest, lach nicht, du. Aber das kommt von der Stille. Wochenlang diese Stille. Kein Mucks! Nichts! Da hört man denn nachher schon Weihnachtslieder. Und dabei haben wir doch längst Februar. Aber das kommt von dem Schnee. Der ist so viel hier. Lach nicht, du...

В переводе Наталии Ман это место представлено читателю, как и в оригинале, в форме монолога:

— Господи, держи меня крепче, парень. Господи! Господи! — И он рассмеялся. Взмахнул руками. И всё-таки рассмеялся: — Уже и рождественские песни слышишь. Рождественские песни в этом проклятом русском лесу. Рождественские песни. Да разве сейчас не февраль на дворе? Ведь уже февраль. И вот тебе, пожалуйста, рождественские песни. Бог ты мой, опять! Парень, держи меня покрепче. Тихо! Вот! Нет! Уже прошло. «Не смейся», — сказал фельдфебель, опять громко задышал и вцепился в автоматчика. — Не смейся, понял? Ведь это же от тишины. Месяцами такая тишина. Ни звука! Ничего! Вот и слышатся рождественские песни. А уже давно февраль. Но это от снега. Много его здесь. Не смейся, парень... (Там же: 140). (Отвлекаясь от основной темы статьи, заметим, что нас, как читателя перевода немецкого текста на русский язык, не может не смущать излишняя в этом фрагменте перевода русификация речи немецкого фельдфебеля — «*февраль на дворе*», «*парень*, держи меня покрепче», «не смейся, *парень*». Здесь же отметим подмену в переводе понятий *неделями* на *месяцами*. Сравн. нем. „Wochenlang diese Stille“ — русск. «Месяцами такая тишина»).

Ознакомление с переводами этого заключительного фрагмента рассказа Вольфганга Борхерта на русский язык в варианте Евгения Каменного и на английский язык Дэйва Мурса обнаруживает черты скорее вольного пересказа, нежели перевода профессионального, ожидаемого потенциальным читателем. Попробуем сопоставить заключительный абзац в оригинале и в трёх переводах — двух на русском языке и одном на английском.

Оригинал Вольфганга Борхерта:

Manchmal bog sich ein Ast von dem Schnee. Und der rutschte dann zwischen den schwarzblauen Zweigen zu Boden. Und seufzte dabei. Ganz leise. Vorne mal. Links. Dann hier. Da auch. Überall seufzte es. Denn Schnee hing am Astwerk. Der viele viele Schnee.

Перевод Наталии Ман:

Сучья иногда прогибались под снегом. И снег между чёрно-синих веток соскальзывал вниз. И вздыхал. Тихонько. То впереди. То

слева. Здесь и там. Везде слышались вздохи. Снег виснул на сучьях. Снег, снег, снег.

Перевод Евгения Каменного:

Иногда, под весом снега, ветки ломались.⁹ Тогда они падали на землю между черно-синими столбами. При этом они вздыхали. Совсем тихо. Впереди. Слева. Потом здесь. Потом справа. Повсюду вздыхали. Снег лежал на ветвях. Много-много снега.

Перевод на английский язык Дэйва Мурса:

Every so often a branch would bend under its burden of snow, and the snow slid to the ground between the blue-black boughs. And it made a sound like a whisper. Ahead at first, now on the left. Then here. So quiet. There too. Whispers everywhere. Because snow hung in the branches. So much snow.

Сравнение приведённых фрагментов трёх переводов рассказа не оставляет сомнения в том, что профессиональный перевод Наталии Ман точнее переводов Евгения Каменного и Дэйва Мурса как с точки зрения передачи общего содержания, так и в плане эквивалентности используемых переводчиками языковых средств. Главное преимущество перевода Наталии Ман состоит не только в точности передачи содержания оригинального текста, но и в сохранении авторской ритмелодики, т.е. речевой прерывистости оригинала на синтаксическом уровне, заключающейся в чередовании полных предложений и их фрагментов, вынесенных за пределы предложения и, тем не менее, не разрушающих семантическую цельность повествования.

Заключение

Подводя итоги нашим наблюдениям над стилистическими особенностями языка авторского текста и трёх его переводов, какие были созданы опытной переводчицей произведений художественной литературы с немецкого языка на русский второй половины XX века Наталией Ман, начинающим переводчиком первой четверти XXI века Евгением Каменным и канадским переводчиком Дэйвом Мурсом, отметим стремление сохранять не только содержание, но и языковые особенности оригинала.

⁹ Обратим внимание читателя на неприемлемую с нашей точки зрения подмену в русском переводе значения немецкого возвратного глагола *sich biegen* — русск. «сгибаться, прогибаться» на русск. «ломаться». Звук обламывающейся под грузом снега ветки никак не похож на тяжёлое дыхание солдата, крадущегося по глубокому снегу.

Список литературы

Алексеев-Негреба А. Вольфганг Борхерт. Голос загубленного поколения. <https://www.rewizor.ru/literature/%D1%81ulture-faces/volfgang-borhert-golos-zagublennogo-pokoleniya/>

Борхерт В. Избранное. Пер. с нем. вступит. статья И. Фрадкина. М.: «Худож. лит.», 1977. С. 139–141.

Борхерт В. Избранные произведения. На немецком языке. М.: Изд-во «Прогресс». 1970. С. 139–142.

Борхерт В. Снег, снег и снег. Перевод Н. Ман. В кн.: Борхерт В. Избранное. Пер. с нем. Вступит. статья И. Фрадкина. М.: Худож. лит., 1977. 302 с. С. 139–141.

Платицына Н.И. Человек и война в малой прозе Борхерта: монография / Н.И. Платицына; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им Г.Р. Державина» Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 280 с.

Платицына Н.И. Образ России в новелле Борхерта «Много-много снега» // Вестник гуманитарного института, 2010. № 2 (8). С. 110–114.

Borchert Wolfgang. Das Gesamtwerk. Hamburg. Rowohlt Verlag. 1956. 381 p.

Borchert Wolfgang. So much snow. Translated from the German, “Der Viele, Viele Schnee” by Wolfgang Borchert (1921–1947) by Dave Moores. In: Brian Henry’s Quick Brown Fox. February 16, 2023.

References

Alekseev-Negreba A. Vol’fgang Borhert. Golos zagublennogo pokoleniya = The voice of the lost generation. <https://www.rewizor.ru/literature/%D1%81ulture-faces/volfgang-borhert-golos-zagublennogo-pokoleniya/> (In Russian).

Borchert Wolfgang. (1956) Das Gesamtwerk. Hamburg. Rowohlt Verlag, 381 p.

Borchert Wolfgang. So much snow. Translated from the German, “Der Viele, Viele Schnee” by Wolfgang Borchert (1921–1947) by Dave Moores. In: Brian Henry’s Quick Brown Fox. February 16, 2023.

Borkhert V. (1970) Izbrannye proizvedeniya. Na nemetskom yazyke. Moscow: Izd-vo “Progress”, pp. 139–142 (In Russian).

Borkhert V. (1977) Sneg, sneg i sneg = Snow, snow and snow. Perevod N. Man. v kn.: Borkhert V. Izbrannoye. Per. s nem. Vstupit. stat’ya I. Fradkina. Moscow: Khudozh. lit., 302 p. (In Russian).

Platitsyna N.I. (2009) Chelovek i vojna v maloy proze Borkherta: monografiya = Man and War in Borchert’s Short Prose: a monograph N.I. Platitsyna; Federal’noe agentstvo po obrazovaniyu, GOUVPO “Tamb. gos. un-t im G.R. Derzhavina”: Izdatel’skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 280 p. (In Russian).

Platitsina N.I. (2010) Obraz Rossii v novelle Borkherta “Mnogo-mnogo snega” = The Image of Russia in Borchert’s Short Story “Much, much Snow”. Vestnik gumanitarnogo instituta. No. 2 (8), pp. 110–114 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бойко Борис Леонидович — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14; boikojargon@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Boris L. Boiko — Dr. Sci (Philology), Professor Honorary of Russian Higher Education; Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation. 123001. Moscow, ul. Bolshaya Sadovaya, 14; boikojargon@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина

Ольга Владимировна Кукушкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: golmonat@mail.ru, ovkukush@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — изучение рефлексии о русском языке представителей второго поколения первой «волны» русской эмиграции. во Франции (1991–1992 гг.) и Канаде (1995, 1998 гг.). Материалом послужили записи интервью, изданные в 2004 г. в письменном виде и ставшие основой для создания в Лаборатории общей и компьютерной лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова электронного корпуса текстов «Русская эмигрантская речь». В исследовании выявлена неразрывная и хорошо осознаваемая представителями второго поколения связь между сохранением родного языка и погружённостью в историю и культуру Родины. Очевидно, что без организации центров общения, разработки специальной «родиноведческой» литературы и укрепления культурных связей русский язык вне России имеет мало шансов на массовое сохранение и передачу.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, языковая рефлексия, сохранение языка, корпусной анализ, заимствования

Для цитирования: Голубева-Монаткина Н.И., Кукушкина О.В. Представители второго поколения первой «волны» русской эмиграции о русском языке // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода, 2026. № 2. С. 72–90. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

Статья поступила в редакцию 25.03.2026;
одобрена после рецензирования 14.05.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

© Голубева-Монаткина Н.И., Кукушкина О.В., 2026

REPRESENTATIVES OF THE SECOND GENERATION OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE

Natalia I. Golubeva-Monatkina
Olga V. Kukushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: golmonat@mail.ru, ovkukush@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to examine attitudes toward the Russian language among representatives of the second generation of the first wave of Russian emigration in France (1991–1992) and Canada (1995, 1998). The material is based on interview recordings published in written form in 2004, which subsequently formed the basis for the creation of the electronic corpus *Russian Emigrant Speech* at the Laboratory of General and Computational Lexicography, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The study reveals a strong and well-established connection between the preservation of the native language and immersion in the history and culture of the homeland among representatives of the second generation. It is evident that without the establishment of communication centers, the development of specialized homeland-studies literature, and the strengthening of cultural ties, the Russian language outside Russia has limited prospects for preservation and large-scale transmission.

Keywords: Russian language abroad, linguistic reflection, language preservation, corpus analysis, borrowings

For citation: Golubeva-Monatkina N.I., Kukushkina O.V. (2026) Representatives of the second generation of the first wave of Russian emigration about the Russian language. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 2 P. 72–90. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

The article was received on March 25, 2026;
approved after reviewing received on May 14, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

В эмиграции, в условиях отрыва от родной языковой среды, отношение к родному языку становится особенно значимым. Оно является одним из важнейших факторов самоидентификации. В ситуации, когда человек стоит перед выбором — сохранять свой язык и передавать его своим детям или же оставить его в прошлом,

не видя в нем особой ценности — могут приниматься разные решения. Чтобы понять, как переживается и осмысливается эта ситуация, естественно в первую очередь обратиться к информации о том, что думают и говорят по этому поводу сами эмигранты, те люди, которым пришлось сделать такой выбор.

Исследование размышлений эмигрантов о русском языке интересно и тем, что эмиграция не может не способствовать обострённой языковой рефлексии. Она заставляет человека более внимательно относиться и к языковой ситуации, в которой он оказался, и к конкретным языковым фактам. Изучение языковой рефлексии, как и самой эмигрантской речи, может много дать и в диахроническом плане. Поскольку русская эмиграция первой волны представлена несколькими поколениями, её представители могут описать как отдельные изменения, происходящие в их языковой среде, так и свою реакцию на них. Они также могут обратить внимание на отдельные особенности языка родины родителей, хорошо заметные «извне», но не в полной мере осознаваемые нами. Всё это делает мысли русских эмигрантов о русском языке интересным и важным объектом исследования. Однако для проведения такого рода исследований необходимо иметь представительный и достаточно специфический материал, который очень сложно собрать. Здесь вряд ли подойдут формализованные опросники, составленные по модели *«Что вы думаете о...? — выберите один из ответов»*. Оптимальным источником информации в данном случае является неформальная, свободная беседа, в которой человек рассказывает о себе, своих родителях, детях, образовании, отвечая при этом и на вопросы, касающиеся русского языка. Этот речевой жанр позволяет проявить интерес и уважение к собеседнику как к личности, побуждая его одновременно к осмыслению задаваемых ему вопросов и размышлению над ними, к более детальному и свободному описанию окружающей его языковой действительности.

Такого рода уникальный материал был собран Н.И. Голубевой-Монаткиной в результате записи интервью с представителями четырёх поколений русской эмиграции первой «волны» во Франции (1991–1992 гг.) и потомками представителей первой и второй волн эмиграции в Канаде (1995, 1998 гг.). Тексты интервью с комментариями были позже изданы в письменном виде — см. «Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии»; «Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты

и комментарии» (Голубева-Монаткина, 2004а; Голубева-Монаткина, 2004б) — и послужили материалом для лингвистического анализа (см., например, Голубева-Монаткина, 1999).

Информация, содержащаяся в этих изданиях, интересна не только с лингвистической точки зрения. Большая часть собранных текстов содержит истории русских людей и целых семей, переживших трагические события. Это важные для русского зарубежья и его представителей свидетельства. Однако использование и исследование этих источников до недавнего времени ограничивалось возможностями книжного формата. В связи с этим в 2024 г. в Лаборатории общей и компьютерной лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ЛОКЛЛ) на основе этих изданий был создан электронный корпус текстов «Русская эмигрантская речь».

Рис. 1. Заставка корпуса «Русская эмигрантская речь»

Проект реализован с помощью разработанного в ЛОКЛЛ корпус-менеджера «ИСТОК», в котором реализована возможность полнотекстового чтения, прослушивания исходных аудиозаписей, а также просмотра фотографий и рисунков. Пользователь может проводить самостоятельное исследование текстов Корпуса с помощью получения их конкордансов и словников разного типа. На рисунках ниже показаны основные режимы работы с Корпусом (см. рис. 2, 3, 4).

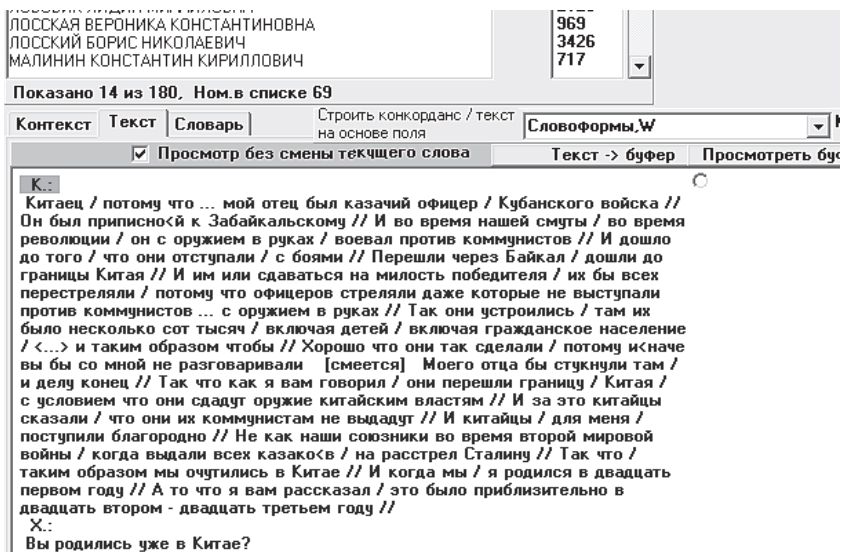

Рис. 4. Режим чтения выбранного текста

Работа над Корпусом ещё продолжается, но доступ к нему возможен уже сейчас по адресу lex.philol.msu.ru.

Корпусная форма представления, и прежде всего режим конкорданса, облегчает семантическое и тематическое исследование текстов. В данном случае эта возможность использовалась нами для поиска тех фрагментов, в которых речь идёт о русском языке. Затем был проведён анализ содержания найденных фрагментов. Некоторые наиболее общие результаты этого анализа излагаются ниже.

Нужно сразу отметить, что нами анализировался не весь материал Корпуса, а только тексты представителей эмиграции второго поколения первой волны из Франции и Канады. Эти информанты, на наш взгляд, представляют самый большой интерес. Это в большинстве своём дети людей, уехавших из России после революции, выросшие в нерусской среде и прожившие не в одной стране. «Жизненные маршруты» наших информантов нашли отражение в их русском языке, например, в виде упоминания ими большого количества иностранных топонимов и гидронимов (134 единицы с общей частотой употребления 2700), что было выявлено с помощью созданной в ЛОКЛЛ Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум-1» (Голубева-Монаткина, Шестакова, 2015):

ЕВРОПА 14: Дунай 6; Франция 290: Нормандия 5, Турень 2 / Touraine 1, Бретань 1 / Bretagne 3, Иль-де-Франс 1, Лотарингия 1 / Lorraine 1, Эльзас 1, Сена 2, La-Manche 1, île Maurice 1; Париж 248, Ницца 47, Тур 13, Версаль 8 / Versailles 1, Медон 8, Кламар 5 / Clamart 2, Лион 5 / Lyon 1, Бордо 4 / Bordeaux 2, Мурмелон 4, Брест 3, Марсель 3, Тулон 3, Биарица 2, Гренобль 2, Фавьер 2 / (La) Favière 2, Аньер 1 / Asnières 1, Буживаль 1, Булонь 1 / Boulogne 2, Лилль 1, Намюр 1, Пуату 1, Руан 1, Сен-Женевьев-де-Буа 1 / Sainte-Geneviève-des-Bois 2, Трва 1, Тулуза 1, Quincy 12, Fontainebleau 11, Riche-lieu 10, Saint-Cloud 4, Carentan 3, Lonjumeau 3, Névers 3, Amboise 1, Beauvais 2, Cannes 2, Gagny 2, Rambouillet 2, Bormes-les-Mimosas 1, Caen 1, Chantilly 1, Courbevoie 1, Drancy 1, Indre-et-Loire 2, Melun 2, Metz 1, Monmorency 1, Nartel 1, Neuilly 1, Promainville 1, Reims 1, Saint-Lo 1, Saint-Quentin-les-Ivelines 1, Vichy 1, Ville-Paris 1; Германия 83: Берлин 24, Мюнхен 5, Франкфурт 3, Одер 3, Висбаден 3, Восточная Пруссия 2, Тироль 2, Бавария 1, Гамбург 1, Рейн 1, Аушвиц 1, Нойнгам 1, Вилхемстайн 1, Саксония 1; Польша 76: Варшава 7, Быдгощ 2, Люблин 2; Югославия 62: Сербия 19, Белград 12, Балканы 4; Дубровник 3, Сремски Карловцы 2, Загреб 1; Чехословакия 25 и Чехия 13, Словакия 9: Прага 32 / Prague 1, Моравская Тржебова 3, Богемия 1, Братислава 8, Владомирово 1; Болгария 32: София 9; Румыния 30: Бухарест 4; Англия 24: Лондон 7; Бельгия 20: Брюссель 3; Финляндия 14: Гельсингфорс 1; Италия 15: Триест 3, Milano 1; Испания 9; Эстония 8; Австрия 7: Вена 18; Греция 6: Афины 1, Афон 1; Швейцария 6; Турция 3: Константинополь 48, Лемнос 12, Галиполи 10; Венгрия 3; Sweden 1: Stockholm 2; Монте-Карло 1.

АМЕРИКА 94 + Соединенные Штаты (Штаты) 1) 26: Нью-Йорк 30, Син-Клиф 6, Сан-Франциско 5, Флорида 4, Брайтон 2, Виргиния 2, Джорданвилл(ь) 2, Калифорния 1, Гарвард 1, Монпелье (Вермонт) 1, Санта-Барбара 1, Аляска 1, Бостон 1, Pearl Harbor (Гавайи) 2; Канада 76: Монреаль 21, Оттава 3, Квебек 3, Роуден 4, Торонто 3, Ладель 1, Саскачеван 1, Эдмонтон 1, Непеан 4; Аргентина 7: Буэнос-Айрес 2; Венесуэла 3 / Венециалия (?) 2; Колумбия (Колумбия) 3.

АФРИКА 7: Марокко 25, Египет 8, Бизерта 5 / Biserte 1, Каса-бланка 1, Тунис / Тунизия 1, Раббат 1, Абиджан 1, Liotet 4.

АЗИЯ 1: Китай 24: Шанхай 11, Харбин 5, Пекин 2, Тяньцзинь 1; Персия 8: Тегеран 1; Индия 6, Памир 2; Святая земля 1; Ява 3; Индонезия 1; Вьетнам 1.

АВСТРАЛИЯ 5; Адриатическое море 1, Аравийское море 1, Атлантический океан 2, Каспийское море 1, Индийский / Индусский океан 3.

Почти все наши информанты с детства знают иностранные языки, но при этом сохраняют язык своих родителей. Их судьбы и языковая среда, в которую они попадали, удивляют своим многообразием и изменчивостью. См. ниже отдельные примеры.

Н. К. — Родился в Каире; отец — белый офицер. В 9 лет пошел в Египте в частную английскую школу; получил в Канаде университетское образование и стал профессором; знает английский и французский языки.

Н.Н. П.-Л. — родилась в Берлине, училась во Франции (в русской гимназии и во французской католической школе); затем переехала в Монреаль; осталась православной.

И.Л. С. — родился и жил в Бендерах, окончил русскую гимназию, затем университет в Тулузе; жил в Румынии, работал в Америке, затем переехал в Канаду.

Г. С. — родился в Югославии, в Косово; учился в Белграде в русской и сербской школах. В Берлине окончил русско-немецкую школу, выучил немецкий. Попал с родителями в Аргентину, затем переехал в Канаду, где стал инженером. Одновременно получил богословское образование (в семинарии в Джорданвилле, США). Стал православным священником.

Рассказывая о себе, многие из собеседников размышляют о языке родителей, о языке СССР и России и об окружающей их языковой ситуации. Этому способствует и тематика задаваемых интервьюером вопросов. Нужно отметить, что вопросы, непосредственно касающиеся русского языка, составляли среди них лишь незначительную часть. Среди них можно выделить следующие основные типы:

- 1) вопросы об условиях, в которых приобреталось знание русского языка (*Как и где вы освоили язык? Воспитывались ли вы в русской языковой среде? Говорили ли родители дома по-русски?*);
- 2) вопросы о русских школах и обучении в них (*Есть ли/была ли у вас русская школа? Кто в ней преподавал? По каким учебникам учились, какие предметы преподавались?*);
- 3) вопросы о языковых навыках информантов (*На каком уровне вы владеете русским языком? Пишете ли вы по-русски? По нормам какой орфографии — старой или новой? Много ли читаете? Свободно ли?*);
- 4) вопросы о языковом воспитании собственных детей (*Говорите ли вы дома по-русски? Говорят ли ваши дети по-русски? Знают ли русский язык ваши внуки?*);

- 5) вопросы об особенностях русского языка эмигрантов (*Как говорят здесь русские?*);
- 6) вопросы о восприятии русского языка Советского Союза и перестроечной России (*Отличается ли этот язык от старого, вашего? Чем именно? Что не нравится?*).

Ответы на эти вопросы дают представление как о восприятии эмигрантами языковых изменений, так и о результатах осмысления ими процессов, связанных с судьбой русского языка, с факторами, влияющими на его сохранение и утрату в условиях эмиграции.

Как и следовало ожидать, наиболее заметными для эмигрантов являются изменения в акцентуации. Именно на них обращается в первую очередь внимание. Это проявляется прежде всего в ударении фамилий. Так, например, П.И. М. на вопрос о том, коробит ли его что-нибудь в современном русском языке, отвечает следующее¹:

М.: Вот / ударение меня очень коробит // Ударение... на фамилиях //

Х.: Иванóв — Ива́нов.

М.: Ну вот / да / именно... Ну вот же были у нас друзья в Париже Па́шковы / которым дом Па́шковых когда-то принадлежал // Который теперь Пашко́в... А был я в Петербурге... и между прочим повели в дом государственного секретаря По́ловцева // ... И гид говорит «вот дом Поло́вцева» / а этот Поло́вцев был... моим прапрадедом... Русский один из редких языков / где... ударение может перейти с одного места на другое / и где люди не очень уверены как его ставить //... Были такие две сестры Тۇтумлины // и... одна из них говорила что надо говорить Тۇтумлина / а другая что надо произносить Тутумли́на...

Система ударения действительно является наиболее подвижным и изменяющимся участком современного русского языка. Здесь до сих пор активно идут процессы акцентуационной перестройки, которые проявляют себя прежде всего в смене ударения в суффиксальных производных, в том числе и фамилиях (см. о процессе приобретения русскими словообразовательными суффиксами доминантности в (Зализняк, 1985)).

Вторым отмечаемым и в наибольшей степени «переживаемым» информантами явлением является использование заимствований. Важно и интересно то, что активно обсуждается и осуждается неоправданное обилие заимствований в языке современной им России,

¹ При передаче членения речевого текста авторы статьи в целом следуют правилам, разработанным в (Русская разговорная речь, 1978).

а не в эмигрантской среде, где оно более естественно. Так, С.А. Д., которая с детства знает четыре языка, говорит об этом следующее:

Х.: Какие особенности у русского языка в современной России? Может быть, вам что-то неприятно, раздражает?

Д.: Во-первых, невероятное количество иностранных слов, переделанных на русский лад // Невероятное количество //

Ср. также следующее высказывание А. Л.:

Х.: Скажите, пожалуйста, я хотела спросить, вот были вы в Советском Союзе... Как говорят, по-вашему, там по-русски?

А. Речь у них не такая богатая / и не интересная и масса всех каких-то американских... слов / и выходит как-то не очень красиво / выходит //

Если фиксация внимания эмигрантов на таких заметных явлениях, как изменение места ударения и использование заимствований, была вполне ожидаема и предсказуема, то описание ими более тонких языковых особенностей представляет несомненный самостоятельный интерес. Эти особенности касаются норм общения людей в Советском Союзе и перестроечной России. Эти нормы, на фоне собственных норм общения, сложившихся в эмигрантской среде второго поколения первой волны, кажутся последним ненормальными, упрощёнными и грубыми. Например, Ю.А. Т., приехавший впервые в Советский Союз в 1963 г. и затем часто посещавший его по работе, оценивает повседневный разговорный русский язык так:

Т.: Это был во-первых / казалось более грубый // И интонация / манера говорить / не только подбор / набор слов / но... люди немного «лаяли» друг на друга / на улице например // Вместо того чтобы сказать / «Вот там / поверните там»... [*подражает*] «Туда» / или там «мужчина»... обращение было очень необычное // Как... я до сих пор не могу привыкнуть / когда мне окликают «Мужчина»... [*смеётся*] Это я теперь знаю / что... в этом ничего оскорбительного / но до сих пор ещё не привык к этому ... Запас слов в области ругательств очень пополнился...

При этом данный информант понимает, что язык, и особенно разговорный, живёт и меняется, что в России «довольно бурное смешение сословий» и что язык индивида зависит от возраста, семьи, уровня культуры. Но общая оценка от этого не меняется. Свой язык он оценивает как хотя и отстающий от современного языка СССР, но отличающийся от него в лучшую сторону более мягким «способом говорить» с другими («то, как обращается к человеку...

как-то мягче») и богатством лексического состава. Впечатление о более низком уровне словарного состава Т. выражает следующим образом:

Т.: Я думаю, тот язык... который слышал вокруг меня... вероятно был... в какой-то степени устарелый / но вообще вероятно... богаче // Мне впечатление было / что те люди... то... их запас слов был более скудный // Такое впечатление //

Т. признает, что по возвращении домой из СССР он стал говорить немного более современно, но подчёркивает, что «это не значит, что более вульгарно».

Ещё более усугубляются проблемы с экологией общения и уровнем владения языком в перестроечный период. Так, уже упоминавшаяся Д. говорит о «простецком» характере речи у многих приезжающих из России русских:

С.А. Д. И потом... не знаю / иногда какой-то такой говор / как Вам объяснить? Простецкий, что ли...

Х.: А этот говор у всех, с кем вы говорили?

Д.: Не у всех [...] ну вот я встречала / я их очень люблю / люди которые приезжают // Сразу / мы сразу слышим что они оттуда // Сразу // Это не порок / но... немножко это... нас шокирует / если можно так выразиться // [...] Это общее мнение / понимаете // [щас] масса людей приезжает // У меня например есть подружка-француженка... Которая была в России / там преподавала в Ленинграде / которая обожает русский... говорит по-русски замечательно // Замечательно // Но она тоже... говорит / что невероятно / если можно так выразиться / упрощение языка // Даже... для иностранки которая / знаете / то есть она знает всех классиков / там всё такое // Это трудно сказать... и даже в произношении //

Как известно, активное проникновение разговорного языка в язык литературных и публицистических текстов в постперестроечный период было воспринято многими как «порча русского языка». Однако, как показало исследование языка этого периода, в это время шёл закономерный и неизбежный процесс повышения функционального разнообразия русских текстов, связанный с расширением коммуникативных потребностей носителей языка (см. (Русский язык конца XX столетия, 2000)). В это же время было в полной мере осознано системное различие устно-разговорной и письменной разновидностей русского литературного языка (см., Лаптева, 2003) и необходимость говорить не так, как пишешь. Это привело к бурному развитию устной публичной речи. Однако «раз-

мывание» границ имело и такие явные негативные последствия, как обеднение лексического состава и активное использование в общественной и публичной речи блатного языка. И информанты остро на это реагируют. Например, сравнивая речь на русском, французском и английском телевидении, П.-Л. даёт негативную оценку языку первого как некрасивого и неправильного, а затем так характеризует язык приезжающей из Советской России молодёжи:

П.-Л.: Это говор! И это меня поражает! ... Я должна сказать / что меня иногда раздражает русская — то, что я называю «эмигрантщина»... Особенно молодые // Они приезжают из Советской России и привозят совершенно невероятный блатной язык / невероятные ругательства / которые я... я их знаю / как и все мы их <> слышали / но они употребляют их направо и налево / вот... как будто это каждодневный язык // Я думаю что во Франции они не понимают... вес слов... А они приезжают / эмигранты молодые / которые приезжают из России / и это ещё ничего / какой-нибудь там «бардак» / это ещё ничего! / Но они такое по матери такое сыпят / не понимая //

В этом высказывании с помощью выражения «*не понимают вес слова*» очень точно характеризуется такое болезненное для нас явление, как отсутствие у носителя языка функциональной грамотности в области владения родным языком. Теперь задача формирования такой грамотности в разных областях знаний вышла на уровень школьных методик, однако отучение от языковой агрессии до сих пор остается сложнейшей педагогической и психолого-лингвистической проблемой, требующей своего решения (см., например, методические разработки в этой области (Щербина, 2004)).

«Внешнее» восприятие русского языка России даёт интересные результаты и частного характера. Так, отдельные привычные для нас разговорные повседневные обороты вызывают недоумение информантов. Ср., например, следующие высказывания:

Т.: Были выражения / которые меня удивляли // Когда спрашивают: «Как вы поживаете?», люди отвечали «Нормально»... И... вопрос так же глупый, как и ответ [*смеётся*], потому что никто не хочет узнать как вы поживаете... Меня всегда удивляло здесь / «Всего!» / всего чего? [*смеётся*]

К.Я. А.: В Москве всегда говорили «спасибо» // А в Петербурге «благодарствуйте»... Но теперь и мы здесь говорим / что совершенно неправильно грамматически / «большое спасибо»... [*смеётся*] Грамматика этого не позволяет...

Очень большое место в размышлениях о русском языке занимает проблема его сохранения. Как и следовало ожидать, важнейшим условием сохранения последнего является обстановка в семье. Е-ц говорит об этом следующее:

Е.: Это уже дело родителей // Это... исключительно зависит ни от каких школ / это зависит / какая атмосфера дома // И дело тут не в том, что родители там диктовки писать заставляют / говорят ли дома / и вообще вся эта домашняя атмосфера // Это очень важно // Это важнее... всяких нравоучений...

Во многих семьях эмигрантов второго поколения говорили только по-русски и требовали этого от детей. Эта позиция могла быть принципиальной и распространяться на третье поколение. Ср. высказывание на эту тему П-ой:

Х: А сын ваш говорит по-русски?

П.: [...] дома сейчас только по-русски // Даже собачка не понимает по... английски... [*смеётся*] С собачкой нужно тоже по-русски говорить //

У части эмигрантов первого поколения первой волны установка на сохранение русского языка детьми была связана с верой в то, что рано или поздно семьи смогут вернуться в Россию. Однако при всем желании родителей у детей могло складываться и резко негативное отношение к русскому языку, независимое от языка семьи. В этом плане показателен рассказ А. об эволюции его отношения к русскому языку:

А.: Дома отец и мать говорили по-русски / всегда по-русски / конечно это им было самое удобное / и мой брат, моя сестра и я отвечали и не по-русски и не по-французски / и потому я немножко умею по-русски // [...] потом [...] но я не хотел ничего русского знать // Потому что отец мне так много говорил о революции / но всё ж таки он был против большевиков...

А.: Да / я теперь жалею / но когда я был молодым / я думал, что человек может... должен иметь только одну родину / я хотел иметь родину французскую ... и не хотел потому ничего русского //

А.: Хотел... стать как мои французские друзья... всю мою жизнь я старался стать французом...

Со временем пришло понимание, что знание языка предков — большое преимущество и что упущенное в детстве в семье трудно восполнить. А. рассказывает об этом так:

А.: Когда мы были в России в мае месяце с господином L. / среди нас был французский генерал / который научился по-русски / и который мне сказал / «Как стыдно вы... вам это так легко научиться

по-русски / вы не умеете» // Я ему ответил / «Вы правы... только нужно было бы столько времени научиться по-русски / и всё ж таки никогда не будет теперь такой для меня удобный язык / даже русских авторов я предпочитаю читать по-французски» //

Осознание ценности сохранения языка родителей привело к тому, что обе дочери А. стали учить русский язык.

При всей установке на сохранение языка в семье с течением времени ситуация неизбежно меняется. Уходит старшее поколение (бабушки и дедушки), и с ними уходит «естественная» (межпоколенная) передача родного языка. К.Я. А. говорит об этом следующее:

А.: Школа восточных языков // Две мои внучки туда ходят // Учиться русскому языку // Уже бабушек не было // А у моих детей была бабушка / и они все говорят по-русски / довольно хорошо // И читают уже свободно / даже поэзию / что является, я думаю / признаком хорошего знания языка // Не правда ли?

Х.: А внуки уже не говорят?

А.: Нет //

Х.: То есть хватает практически на два поколения...

А.: Если... смотреть на... нормальное так сказать / естественное / родовое / родовую передачу языка // Теперь уже должны учиться / если они хотят этого // Это уже для них что-то внешнее // Для нас это было родное //

Таким образом, информанты подчёркивают, что внукам требуются уже особые стимулы для изучения и сохранения языка родителей. Русский язык изучается ими обычно уже как иностранный. Общее ощущение неизбежности процесса утраты родного языка родителями детьми и внуками без специальной его поддержки, причём не только внутри семьи, хорошо выразил Г. С.:

С.: Эмиграция прошла четыре стадии // Миллионы выехали // А сейчас остались единицы русскоговорящих // Потому что это то же самое, как лёд на солнце... Тает абсолютно знаете // Везде / всюду // До... между первой и второй мировой войной... там были военные / спортивные организации... И политическая организация // Ну и параллельно конечно и церковь... и единственное, что сейчас у нас осталось в общем, и те люди, которые ютятся вокруг церкви / они... в них остался ещё русский язык // А так... в общем... всё это пропало //

Самый очевидный из специальных стимулов — это работа, требующая знания русского языка. Однако, по мнению размышляющих на эту тему эмигрантов второго поколения, ещё более важ-

ное значение имеет погружённость в русскую культуру и прежде всего литературу. Так П. обращает внимание на такой кажущийся парадокс:

П.: Часто люди / скажем простые / которые знали только русский язык / они как раз стали плохо говорить (*по-русски* — Н. Г.-М.)... И знаете вот... как раз / как ни странно / люди которые плохо очень... знали французский // [...] Мне кажется, это зависит от ценностей / к чему придают значение // Потом тоже к чему в семье придавали значение // Потом / может быть тоже... от... литературы / конечно, наши мысли часто мысли... наших писателей / наших поэтов...

Мысль о том, что нельзя сохранить родной язык без сохранения связи с русской культурой, в наиболее концентрированном виде выразил М.-ч. Рассказывая о том, как в юности в Моравии он слушал в русской гимназии лекции по русской истории приезжавшего из Праги ученика В.О. Ключевского А.А. Кизеветтера², рассказы профессора Завадского о встречах с Чеховым и Горьким, М.-ч без всяких наводящих вопросов о русском языке говорит:

М.: И в этом смысле (*культурном* — Н. Г.-М.) мы были конечно очень избалованы [...] Простые люди / им гораздо труднее сохранить русский язык / чем люди имеющие какую-то культуру // Вы ничего с этим не сделаете //

Х.: А как Вы думаете, почему так?

М.: Федотов³ говорит / это мой ответ // Чтобы Россия воскресла / необходимо во что бы то ни стало / можете потерять всё / но культуру должны сохранить [...] Это правда, / уверяю вас, <...>

Из тесной связи между уровнем культуры и знанием языка следует очевидный, но далеко не всегда учитываемый вывод: даже самые хорошие курсы и учебники по русскому языку как иностранному не могут полноценно обеспечить эту связь. Для этого необходимо достаточно глубокое погружение в историю и литературу России. В этом отношении очень интересным является создание и использование в условиях эмиграции справочника по «родиноведению». Один из его авторов А. Д.Ш. говорит о нём следующее:

² Кизеветтер Александр Александрович (1866, Санкт-Петербург; 1933, Прага) — русский историк, публицист, политический деятель. Председатель Русского исторического общества в 1932–1933 годах.

³ Федотов Георгий Петрович (1886, Саратов; 1951, Нью-Джерси) — историк, культуролог, публицист, профессор истории Владимирской Богословской Академии в Нью-Йорке.

Ш.: Мы написали такую книгу / выпустили по... родиноведению... Это справочник / потому что там... всё очень коротко / но там много иллюстраций / понимаете // И этот ... очень удобно / справочник... по родиноведению // называется «Россия / родина отцов наших» называется общее название...

Известно, что по учебнику А.Л. Яценко с аналогичным названием «Родиноведение» велось обучение в России в 1916–1917 гг. и что «на рубеже XIX–XX вв. в отечественной педагогической литературе для раскрытия специфики территории использовались такие термины, как «родиноведение», «отчизноведение», «отечествоведение» <...>. До революции 1917 г. сложилась достаточно мощная методическая школа по преподаванию родиноведения <...>» (Кирьяш, 2017: 95). Однако позже термин «родиноведение» был практически вытеснен термином «краеведение». Сейчас он снова используется, и при этом всё более наполняется гуманитарным междисциплинарным содержанием, поскольку «синтезирование знаний по географии, биологии, истории» должно дополняться «литературной составляющей, художественными образами, походами в музей и т.д.» (Там же: 96).

Но если в России потребность в таком синтезе прежде всего важна для изучения особенностей малой родины (родного края), то в условиях эмиграции объектом родиноведения является вся Россия. И создание таких синтезирующих сведения о России учебников, позволяющих поддерживать с ней культурную связь, принципиально важно для сохранения русского языка вне России.

Итак, весь опыт второго поколения русской эмиграции показывает неразрывную и хорошо осознаваемую связь между сохранением родного языка и погружённостью в историю и культуру Родины. При этом для эмигрантов второго поколения и их детей главной культурной ценностью является знание русской литературы (классической и серебряного века). Сохранение языка предков осознается всеми как большая ценность и преимущество, однако если у второго поколения оно носило естественный характер и поддерживалось семейными традициями и центрами коллективной жизни (русскими школами, воинскими и спортивными объединениями, литературными кружками, церковью), то у третьего поколения потребность в русской культуре и знание её требует организационных усилий, и прежде всего со стороны России. Без организации центров общения, разработки специальной «родиноведческой» литературы и укрепления культурных связей русский язык вне России имеет мало шансов на массовое сохранение и передачу.

Список литературы

Голубева-Монаткина Н.И. Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М.: МГЛУ, 1999. 142 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М.: УРСС, 2004а. 380 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: УРСС, 2004б. 480 с.

Голубева-Монаткина Н.И., Шестакова Л.Л. Об опыте изучения староэмигрантской русской речи с помощью автоматизированной системы «Диктум» // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. Сборник научных статей / Под редакцией М.Л. Ремневой [Электронное издание: CD]. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 108–119.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 428 с.

Кирьяш О.А. Родиноведение — краеведение — региональная история как структурные элементы патриотического воспитания в российской школе // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность, 2017, № 3. С. 94–98.

Лантева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: УРСС, 2003. 398 с.

Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978. 307 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.

Щербинина Ю.В. Речевая агрессия и пути её преодоления. М.: Флинта, Наука, 2004. 221 с.

References

Golubeva-Monatkina N.I. (1999) Yazy'kovaya kul'tura russkoj e'migracii vo Francii i Kanade = The linguistic culture of Russian emigration in France and Canada. Moscow: MGLU, 142 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I. (2004a). Russkaya e'migrantskaya rech' v Kanade koncza XX veka. Teksty' i kommentarii = Russian emigrant speech in Canada at the end of the 20th century. Texts and comments. Moscow: URSS, 380 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I. (2004b). Russkaya e'migrantskaya rech' vo Francii koncza XX veka. Teksty' i kommentarii = Russian Emigrant Speech in France at the End of the 20th Century. Texts and Commentaries. Moscow: URSS. 480 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I., Shestakova L.L. (2015). Ob opy'te izucheniya staroe'migrantskoj russkoj rechi s pomosh'h'yu avtomatizirovannoj sistemy' Diktum = On the experience of studying old-time Russian speech using the automated system "Dictum". Pamyati Anatoliya Anatol'evicha Polikarpova. Sbornik nauchny'x statej. Pod redakciej M.L. Remnevoj [E'lektronnoe izdanie: CD]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 108–119 (In Russian).

Zaliznyak A.A. (1985). Ot praslavyanskoj akcentuacii k russkoj = From Proto-Slavic accentuation to Russian accentuation. Moscow: Nauka, 428 p. (In Russian).

Kir'yash O.A. (2017). Rodinovedenie — kraevedenie — regional'naya istoriya kak strukturnye élementy' patrioticheskogo vospitaniya v rossijskoj shkole = Homeland Studies — Local History — Regional History as Structural Elements of Patriotic Education in Russian Schools. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 3, pp. 94–98 (In Russian).

Lapteva O.A. (2003). Russkij razgovornyj sintaksis = Russian colloquial syntax. Moscow: URSS. 398 p. (In Russian).

Russkaya razgovornaya rech'. Teksty' (1978) = Russian colloquial speech. Texts. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russian).

Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995) (2000) = Russian Language in the Late 20th Century (1985–1995). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 473 p. (In Russian).

Shherbinina Yu.V. (2004). Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya = Speech aggression and ways to overcome it. Moscow: Flinta, Nauka. 221 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), кафедра теории и методологии перевода, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), Высшая школа перевода (факультет); golmonat@mail.ru

Кукушкина Ольга Владимировна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет; ovkukush@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Natalia I. Golubeva-Monatkina — Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskiye Gory, 1, Moscow 119991, Russia; golmonat@mail.ru

Olga V. Kukushkina — Department of the Russian Language, Faculty of Philology Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskiye Gory, 1, Moscow 119991, Russia; ovkukush@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-91-107

ВЫРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ В АНИМЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Елена Сергеевна Сычева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России)

Для контактов: e.sycheva@my.mgimo.ru

Аннотация. В японском языке существует множество слов, означающих «любовь», «любить». В их число входят такие слова и выражения, как *愛する ай-суру*, *恋する кой-суру*, *好きである суки дэару*, *憧れる акогоарэру* и так далее. Однако для того, чтобы использовать каждое из этих слов правильно и уместно, необходимо понимать смысловые нюансы, обуславливающие словоупотребление в том или ином контексте; это особенно важно при переводе художественных текстов или субтитров к кино, сериалам и анимационным фильмам и сериалам — аниме. Одной из ключевых проблем в данном случае становится специфическая особенность японской коммуникации — склонность японцев к так называемому «не-говорению». Эту характеристику можно кратко описать как привычку не говорить о важном напрямую: собеседники пытаются понять друг друга или без слов вообще, или же «считывая» истинный смысл сказанного «между строк», — что можно объяснить высококонтекстностью (согласно терминологии Э. Холла) японской культуры в целом. Таким образом, сочетание разнородности лексических оттенков разных слов, использующихся для обозначения любви, и привычки к «косвенному» выражению своих мыслей и чувств делают задачу переводчика, стремящегося верно интерпретировать речь персонажей из аниме и правильно передать основной её смысл на русский, особенно сложной. Целью данной статьи является выявление и формулирование основных способов выражения любви, наиболее часто встречающихся в аниме, анализ их смыслов и ситуаций, в которых они употребляются.

Ключевые слова: японская культура, японский язык, межкультурная коммуникация, японская анимация, аниме, лингвокультурология, перевод, любовь, Нацумэ Сосэки

Для цитирования: Сычева Е.С. Выражение любви в аниме: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 91–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-91-107

Статья поступила в редакцию 26.02.2026;
одобрена после рецензирования 30.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

EXPRESSING LOVE IN ANIME: LINGUACULTURAL ASPECT

Elena S. Sycheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

For contacts: e.sycheva@my.mgimo.ru

Abstract. There are a lot of different words meaning ‘love’ or ‘to love’ in Japanese language, including 愛する ‘*ai-suru*’, 恋する ‘*koi-suru*’, 好き ‘*suki*’, 憧れる ‘*akogareru*’, etc. However, in order to use each of these words correctly and in a proper way, it is necessary to understand the nuances that determine the usage of words in a context given. One of the main problems of the interpreter from Japanese to any other language is one of the basic features of Japanese communication which is the so-called ‘non-speaking’. This characteristic can be described as a constant manner of not talking directly on a matter which the speaker is most concerned about. Speaker’s counterpart is expected to either understand him without talking at all, basing solely on the context of communication, or by guessing his true feelings and intentions by ‘reading between the lines’. So, the different lexical shades of the words used to signify ‘love’ combined with the Japanese traditional way of indirect expression of thoughts and feelings both make the task of a translator really challenging. Firstly, he has to correctly interpret anime characters’ speech, being guided also by one’s own knowledge of Japanese cultural characteristics. Only after that can he properly convey the main meaning of the expression used into Russian or any other language. The aim of this article is to identify and formulate the most common ways of expressing love in anime and also to analyze, what do they actually mean and in what situations they can (or cannot) be used.

Keywords: Japanese culture, Japanese, intercultural communication, Japanese animation, *anime*, linguoculturology / cultural linguistics, translation, love, Natsume Souseki

The article was received on February 26, 2026;
approved after reviewing on April 30, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

В процессе перевода художественных произведений одним из важных факторов является то, что, используя терминологию формальной логики, можно в самом общем смысле назвать «несовпадением объёмов понятий» в исходном языке и языке перевода. В целом, суть этой вполне общеизвестной проблемы заключается в том, что в разных языках слова с, казалось бы, одинаковым смыслом означают не совсем одно и то же и, соответственно, по-разному употребляются. Иначе говоря, в некоторых контекстах слова с похожим значением, но из разных языков просто не будут являться смысловыми эквивалентами друг друга.

На практике, при переводе художественных произведений разницей в оттенках смыслов иногда можно до известной степени пренебречь, если контекст это позволяет. Однако, нередко несоответствие смысловых оттенков слов из разных языков при переводе может породить смысловую «лакуну», которую нечем будет заполнить. Данное обстоятельство создаёт трудности как для правильного понимания — и, соответственно, интерпретации — текста оригинала переводчиком, так и для собственно передачи смысла сказанного на язык перевода.

Об этой проблеме японоведы, являющиеся специалистами в области межкультурной коммуникации, предупреждали не раз: «Надо чётко осознавать, что в понятия, переводимые на родной язык хорошо знакомыми, привычными словами, в чужом языке может вкладываться непривычное значение» (Гуревич 2012: 209). Весьма точно трудность ситуации, в которой может оказаться переводчик, не погрузившийся в достаточной степени в японскую лингвокультуру, описывает академик В.М. Алпатов: «Вероятно, каждый человек, учивший японский язык, проходит этап, когда... известны или могут быть найдены в словаре все слова, понятия синтаксические связи между ними, а смысл текста ускользает. Представляется, что дело здесь всё же в... особых привычках, стереотипах, куль-

турных особенностях, которые так или иначе отражаются в языке и образуют всё то, что пока что мы без дифференциации называем картинами мира» (Алпатов, 2008: 63).

Таким образом, для правильной интерпретации смысла высказывания переводчику необходимо хорошо знать и понимать культурно обусловленную специфику японской коммуникации. Так, например, особое внимание стоит обратить на то обстоятельство, что «...в рамках японской культуры, сформировавшейся в условиях почти трёхсотлетней изоляции от внешних влияний, зачастую основной смысл высказывания передаётся не столько за счёт вербализации, сколько благодаря ранее полученному знанию, учёту стиля общения и контекстуальных подсказок» (Гуревич, 2012: 209). Стоит отметить, что верным — и важным для данного исследования — представляется и обратный тезис: «...В языке не только проявляется своеобразие мышления народа, но в достаточной степени именно язык обуславливает стереотипы мышления и поведения человека, воспитывает в нём определённое мировоззрение» (Гуревич, 2012: 208).

Таким образом, остаётся только прийти к выводу о том, что на помощь переводчику может и должна прийти сопоставительная лингвокультурология, ведь её «целью... является раскрытие глубинной ментально-культурной сущности языковых и коммуникативных единиц, что, в свою очередь, призвано помочь полному и детальному взаимодействию в рамках культурно-языкового и коммуникативного пространства на материале двух и более языков и культур» (Недосугова, 2016: 84).

Исследовательская задача широкого, теоретического профиля в данном случае заключается, на наш взгляд, в том, чтобы выявить и описать сам характер этих несовпадений в каждом конкретном случае, с привлечением по возможности обширного эмпирического материала. Что же касается практической стороны вопроса, будем надеяться, что в результате подобного рода исследований со временем будет сформирована широкая прецедентная база, к которой при необходимости сможет обратиться любой желающий переводчик. На данный момент, как философски отмечает академик Алпатов, «...в отличие от многого другого студентов этому не учат (по крайней мере, систематически), и постигать это приходится в течение всей жизни» (Алпатов, 2008: 63). Таким образом, мы не можем не согласиться с исследователями, занимающимися вопросами лингвокультурологии, в том, что существует объективная необходимость «теоретического осмысления значимых концептов

различных культур..., несущих важную лингвистическую и социокультурную информацию об изучаемых лингвокультурах» (Мурзинова, Пишкова, Богомазова, 2023: 89).

В данном случае мы бы хотели поговорить о том, что в японском языке и культуре существуют различные способы признаться в любви, и в японской анимации *аниме* можно найти немало релевантных примеров для анализа таких ситуаций и используемых в них выражений. Даже учитывая то, что массовая культура сильно отличается от реальности в силу присутствия в ней определённой доли художественной условности, всё равно она предоставляет немало поводов к размышлению над тем, как именно персонажи выражают свои чувства.

**«Цуки-га кирэй дэс нэ»: «Луна прекрасна»
как «непрямое» признание в любви в духе
японской традиционной коммуникации**

Один из специфически японских способов выражения своих романтических чувств в японском языке восходит к легенде (или, по-русски говоря, устойчивой «байке», т.к. документальных подтверждений ей нет) об одном из классиков японской литературы, Нацумэ Сосэки. Согласно этому устному преданию, однажды, когда Нацумэ проводил урок английского для японских студентов университета, он спросил у аудитории, как бы они перевели на японский выражение *I love you* («Я люблю Вас/ тебя»), и один из студентов ответил ему: 「我君を愛す」 «*Вагими-во ай-су*». Нацумэ был шокирован и сказал, что это одна из самых неестественно звучащих по-японски фраз, что он слышал в своей жизни. Он пояснил, что этот вариант перевода не только выглядит странным, «ходульным» с точки зрения лексики и грамматики, но ещё и его прямолинейность абсолютно противоречит японской культуре. И далее Нацумэ сказал, что для того, чтобы признание в любви было по-настоящему «японским», оно должно быть по возможности не прямым, а более «размытым», косвенным. Как вариант признания в любви «по-японски», он предложил фразу: 『月がきれいですね』 «*Цуки-га кирэй дэс нэ!*» — что в переводе означает: «Как прекрасна луна, не так ли?»¹.

С нашей точки зрения, эта мысль сперва выглядит не совсем понятной, излишне загадочной. Однако, если вспомнить логику рассуждений других классиков японской литературы, таких как

¹ См. напр. 夏目漱石がI LOVE YOUを「月が綺麗ですね」と訳した理由 URL: <https://shiomilp.hateblo.jp/entry/2016/07/08/012959> (доступ от 10.02.2026).

Кавабата Ясунари или Танидзаки Дзюнъитиро, всё в целом становится на свои места. В контексте рассматриваемого вопроса в первую очередь вспоминается знаменитая речь Кавабаты «Красотой Японии рождённый», в которой он рассуждает, в том числе, о том удивительном чувстве единства, взаимопонимания и близости, которое возникает между людьми, вместе созерцающими прекрасные явления природы: «Когда любишь красоту снега или красотой луны, когда бываешь очарован красотой четырёх времён года, когда пробуждается сознание и испытываешь благодать от встречи с прекрасным, тогда особенно тоскуешь о друге. Хочется разделить с ним радость. Словом, созерцание красоты рождает сильнейшее чувство сострадания и любви» (Григорьева, 1993: 247). Что же касается Танидзаки, он посвятил своё знаменитое эссе о японской эстетике «Похвала тени» (Танидзаки, 2004: 305–357) любви японского народа к полускрытому, намёку, загадке, — всему, что даёт возможность самостоятельно «домыслить» то, что видно только отчасти или напрямую не высказано. Отечественные исследователи также подчёркивают, что «...в японском тексте, как устном, так и письменном, принято оставлять “семантическое пространство” недосказанности» (Гуревич, 2013: 164). Это явление уходит корнями в глубины веков, к истокам традиционной японской эстетики, в частности, к эстетическому принципу 余情 ёдзё: «Основное значение в художественной системе японцев приобретает намёк, недосказанность, приём ёдзё... Не принято называть вещи своими именами — нужно уметь выразить красоту намёком... Ёдзё... делает доступным то, что невозможно описать словами» (Григорьева, 1979: 205). Стоит отметить, что для японского народа эта концепция являлась органической частью повседневной жизни и культуры коммуникации: «Непрямая коммуникация между людьми, то есть привычка выражать свои мысли и чувства образами, вносила элементы творчества и в их повседневную жизнь... Во всём... было иносказание, намёк, за которым угадывался определённый образ. Это наполняло жизнь особым смыслом и создавало атмосферу значимости мелочей и красоты мимолётного бытия» (Герасимова, 2011: 123).

В наше время, судя по количеству отсылок к байке о Нацумэ и «Луна прекрасна» в массовой культуре, она хорошо известна как среди людей более старшего возраста, так и среди молодёжи. Для того чтобы узнать, как сегодня это выражение используется в манге и аниме в качестве своеобразного признания в любви, обратимся к примерам из двух аниме: *Tsuki-ga Kirei* и *Shigatsu-wa Kimi-no Uso*.

Уже само название аниме *Tsuki-ga Kirei* (буквально «Луна прекрасна») является явной отсылкой к упомянутой истории. У этого названия, правда, есть ещё и подзаголовок на английском *As the moon, so beautiful* («Как луна, так прекрасна»), который как бы проясняет или уточняет смысл высказывания, но, на самом деле, несколько смещает смысловой акцент: словно бы речь идёт не о луне, а о героине, в которую влюблён главный герой. Собственно, это уже может дать некоторое представление о том, как авторы «обыгрывают» это выражение в повествовании, по возможности расширяя и дополняя его смыслы согласно своему авторскому замыслу.

По сюжету, главный герой, юноша Ко:таро — большой любитель классической литературы и сам мечтает стать писателем. В итоге, нет ничего удивительного в том, что когда он оказывается один на один с любимой девушкой Аканэ в уединённом месте, освещаемом светом полной луны в чистом небе, ему в голову невольно приходит мысль: 『I love youを「月がきれいですね」と訳したのは太宰治だっけ、夏目漱石だっけ』 «Кто перевёл выражение *I love you* как “Луна прекрасна, не так ли?”. Не то Дадзай Осаму, не то Нацумэ Сосэки...». И, словно машинально, произносит вслух: «つき...» «Цуки...». Услышав это, Аканэ слегка удивляется: «Э, цуки?» — «Что? Луна?» — смотрит на луну, явно «без задней мысли» говорит: 『本当、月、きれい』 «Хонто, цуки, кирэй!» — «И правда, луна прекрасна!» — и жизнерадостно улыбается. Ко:таро смущается окончательно и в конце концов произносит, делая паузу в середине: 『付き… 合って』 «Цуки... аттэ!» — «Давай встречаться!» (Киси, Какихара, 2017: 3).

Неявная ирония сцены заключается в том, что юный любитель классики влюбился в девушку-спортсменку, которая, судя по всему, не читает вообще; соответственно, если бы он попытался ей признаться в любви словами «Луна прекрасна, не так ли», она бы, совершенно не уловив посыл, простодушно ответила бы: «Да, правда!» — на этом бы дело и закончилось. Поэтому Ко:таро, даже если изначально и хотел сказать что-то такое «замудрёное», в итоге говорит просто «Давай встречаться», что и является одним из вариантов признания в любви. Конечно, отдельного внимания заслуживает сложная для перевода «языковая игра»: 月 «цуки» — «луна» и 付き合う «цуки-ау» — «встречаться».

Непрямая, но тем не менее, создающая определённую романтическую интригу — причём «двойную» — отсылка к той же истории присутствует в аниме *Shigatsu-wa Kimi-no Uso*. По сюжету, в главную героиню Каори влюблён главный герой, юноша Ко:сэй. В начале по-

вестования зритель, как и Ко:сэй и все остальные герои, считает, что Каори любит другого юношу, его друга Ватари (так как она сама прямо об этом заявляет в первой же серии), а с самим Ко:сэем проводит время только из-за того, что они оба музыканты.

Однако по мере развития действия в сценарии появляется всё больше намёков на то, что, на самом деле, всё может быть совсем иначе. Так, в одной из сцен Каори специально приходит в музыкальный класс школы после занятий, чтобы поддержать Ко:сэя, который готовится к конкурсу пианистов. Они «засиживаются» допоздна, и в какой-то момент Каори выглядывает из окна и говорит, казалось бы, невинную, — но уже хорошо знакомую нам фразу: «*Цуки-га кирэй да!*» — «Луна прекрасна!» (Аракава, Исигуро, Ёсиока, 2014–2015: 6). В итоге, в финале повествования выясняется, что, разумеется, она всё это время была отчаянно влюблена в Ко:сэя, а лгала про симпатию к другому, чтобы ей было удобнее и легче сблизиться с её «целью».

Однако на этом интрига не заканчивается, потому что в повествовании есть и другая главная героиня — девушка Цубаки, соседка и подруга детства Ко:сэя, которая «по жизни» разделяет с ним всё, за исключением одной только музыки. Она любит Ко:сэя очень сильно, хоть до поры до времени даже не замечает этого. Что же касается его чувств к Цубаки, здесь далеко не всё так однозначно. Более того, авторы, кажется, намеренно «размывают», делают более непонятным его к ней отношение. С одной стороны, в сюжете максимально прямо говорится и неоднократно подчёркивается, что Ко:сэй страстно влюблён в Каори — его музу, счастье и вдохновение. С другой стороны, для влюблённого в другую девушку он как-то очень слабо чувствует дистанцию между собой и Цубаки.

Апофеозом такого противоречивого поведения Ко:сэя становится сцена, в которой Цубаки рассказывает ему о том, как она рассталась с юношей, с которым до этого недолго пыталась встречаться — до того, как осознала свои чувства к Ко:сэю (об этом последнем обстоятельстве она умалчивает). Цубаки очень расстроена тем, что неосознанно ранила хорошего человека и рыдает, но Ко:сэй просто слушает её и молчит, играя при этом ноктюрн *Clair de lune*, «Лунный свет», Клода Дебюсси. Рассердившись на его невозмутимость, Цубаки бормочет себе под нос то же, что говорила ему когда-то в детстве: 『*こんなの、いてもいなくても一緒じゃない!*』 «*Конна-но, итэ-мо инакутэ-мо иссё-дзя най!*» — «Вот что ты такой есть, что тебя нет, никакой разницы!». На что Ко:сэй отвечает так же, как и тогда: 『*じゃ、いてもいなくても一緒なら、一緒にいるよ。そばにい*

るよ。』《Дзя, итэ-мо инакутэ-мо иссё-нара, иссё-ни иру ё. Соба-ни иру ё》— «Если нет никакой разницы, что я есть, что меня нет, то тогда я буду [с тобой]. Я буду рядом [с тобой]» (Аракава, Исигуро, Ёсиока, 2014–2015: 15).

Собственно, фраза «я буду рядом с тобой» в аниме уже нередко является именно признанием в любви, причём чуть ли не самым прямым и серьёзным из всех возможных. Однако, это не конец сцены, так как вслед за этим Ко:сэй смотрит в окно и говорит: 『見てよ、椿、月が出ているよ』 — «Митэ ё, Цубаки, цуки-га дэтэру ё». «Посмотри-ка, Цубаки, луна взошла». Она переспрашивает, при чём тут это и какая здесь связь, на что Ко:сэй отвечает: 『でも、きれいだよ』 «Дэмо, кирэй да ё» — «Да просто, — она прекрасна!» (Ibid.).

Самое забавное, что он говорит ей это уже *второй* раз. Впервые Цубаки слышит от Ко:сэя фразу «Цуки-га кирэй да» — «Луна прекрасна» — за несколько дней до этого, когда они гуляют вдвоём по берегу реки, причём вслед за этим восклицанием Ко:сэй начинает опять же напевать всё тот же мотив *Clair de lune*. Не стоит удивляться, что именно во время этой прогулки Цубаки наконец-то осознаёт, что глубоко влюблена в своего «друга детства» (Ibid.: 14).

Таким образом, «маркеров» любви в поведении Ко:сэя по отношению к Цубаки — зашкаливающее количество. При этом все они — не прямые, но очень интенсивные, включая фразу про «цуки-га кирэй». Так авторам удаётся создать романтическую интригу даже там, где, казалось бы, чувства главного героя выражены абсолютно и максимально прямо и недвусмысленно, и всё вроде бы называется «своими именами».

**«Суки-дэсу»: формулировка «ты мне нравишься»
как признание в любви и её контекстуальная
неоднозначность**

Ещё одним, более понятным и менее неоднозначным способом признаться в любви по-японски является классическая фраза 好きです / 好きだ «суки-дэсу» или «суки-да», — которую на русский язык, как ни странно, перевести тоже сложно. Вообще буквально 好きである суки-дэару — это, строго говоря, «нравиться» (или «любить» в смысле «нравиться»). Поэтому оно и не особенно «романтическое», — его можно употребить, например, в отношении яблок или других простых бытовых вещей: «ринго-га суки» на русский можно перевести как «[я] люблю яблоки». У нас выражение «Ты мне нравишься!» — может быть воспринято как объяснение в любви

разве что людьми детсадовского возраста. А вот в манге и аниме «суки да/ дэсу» — это самое что ни на есть стандартное признание в любви для людей от среднего школьного возраста и старше.

Тем не менее, некоторая двусмысленность в *суки-дэару* тоже присутствует, и этот фактор нередко используется авторами манги и аниме всё для той же цели — создания интриги.

Так, например, один из героев видеоигры и аниме *Starry Sky*, юноша Судзуя, с детства тайно и глубоко любит свою подругу Цукико и мечтает всегда быть рядом с ней. Однако, в их безмятежные отношения неожиданно «вмешивается» другой её друг детства, Ё:, приехавший из-за границы. Когда Ё: приходит время возвращаться обратно, терзающийся от тщательно скрываемой ревности Судзуя спрашивает у Цукико: 『洋が帰るの、やっぱり、寂しい?』 «Ё:-*ga каэру-но, яппари, сабисии?*» — «Всё-таки тебе грустно, что Ё: уедет?» (в аниме это не очень раскрывается, но в оригинальной игре Судзуя патологически, почти до маниакальности ревнив). Цукико не чувствует, с каким подтекстом был задан вопрос, и просто соглашается: 『うん。やっぱり、寂しいな。でも、それは錫也もでしょう?』 «Ун. Яппари, сабисий на. Дэмо, сорэ-ва Судзуя-мо дэсэ:?» «Да, действительно грустно. Но так ведь и тебе, Судзуя, тоже?». Судзуя этим не довольствуется и задаёт вопрос, как ему кажется, уже напрямую: 『お前は、洋のこと、好き?』 «Омаэ-ва, Ё:-*но кото, суки?*» — «Ё: тебе нравится?». На что Цукико — простая душа — так же легко и не задумываясь, как и при ответе на предыдущий вопрос, отвечает: 『もちろん!』 «Мотирон» — «Конечно!». И только по болезненной реакции Судзуи — которую, на сей раз, он скрыть даже не может — вдруг поняв, что что-то не так, она переспрашивает: 『え、でも、それって、どういう意味?』 «Погоди-ка, — в смысле?» (Саяма, Накамура, 2010–2011: 14). Очевидно, в данном случае видение ситуации у Цукико и Судзуи различается, а значит, и понимание того, что значит *суки-дэару*, в данном случае у них разное.

Эта неоднозначность *суки-дэару* используется авторами манги и аниме, пожалуй, даже слишком часто. Это очень заметно в манге и аниме *Kimi-ni Todoke*, где в какой-то момент главные герои, девушка Куронума и юноша Кадзэхая, умудряются признаться друг другу в любви этим самым *суки-дэару* так, что в результате каждый из них считает, что другой его отверг. Для этого оказывается достаточным всего лишь, обладая заниженной самооценкой и недостатком проницательности, спросить 『でも、俺の「好き」と黒沼

の「好き」は違うね』《*Дэмо, орэ-но “суки” то Куронума-но “суки” ва тигау-нэ*》— «Мое “нравишься” и твоё “нравишься” отличаются, не так ли, Куронума?» — и услышать в ответ: «Да...» (Сиина, Кабураки, Компару, 2011: 6). Высказывающий это полуутверждение Кадзэхая имеет в виду, что он любит Куронуму как девушку, а она, вероятно, относится к нему как к другу. У Куронумы же складывается прямо противоположное впечатление: она слышит эту фразу так, будто бы Кадзэхая жёстко говорит ей, что испытывает к ней симпатию только в самом «общечеловеческом» смысле, поэтому ей не стоит надеяться на какую-то взаимность с его стороны в романтическом смысле.

Правда, в итоге Куронума, осознав, что могло иметь место недоразумение, всё же признаётся Кадзэхае в любви тем же самым *суки*: 『*好きなの!*』《*Суки-на но!*》— но хотя бы повторяет его до тех пор, пока перепутать смысл не становится невозможным (Там же: 9).

До этого нечто подобное происходит с подружкой главной героини, Тидзуру, которая признаётся в любви — при помощи того же 『*好きだよ*』《*Суки-да ё*》— своему соседу То:ру, юноше постарше, которого знает с детства и в которого давно влюблена. Причём, говорит она ему это уже после того, как узнаёт о его скорой свадьбе, то есть осозная, что шансов у неё нет. На эту фразу То:ру, всегда воспринимавший её как «младшую сестрёнку», спокойно отвечает: 『*俺だよ*』《*Орэ-мо да*》— «Да, я тоже». Зритель сначала не вполне понимает, что только что произошло, и осознаёт это только по грустной улыбке Тидзуру, думающей про себя: 『*言うと思った。そういう意味じゃないってば*』《*Ю:-то омотта. Со: ю: ими дзя-найттэба*》— «Так и знала, что он так ответит. Но я же не в этом смысле...» (Сиина, Кабураки, Компару, 2009–2010: 21). То есть, в её случае, её действительно отвергли — как говорится, «зафрендзонив» — с помощью *суки-дэару*. Причём, скорее всего, — совершенно *намеренно* поняв её неправильно. В данном случае *суки-да* на русский язык, на наш взгляд, было бы естественнее перевести как «я люблю тебя», потому что универсальность слова «любить» в русском языке способна придать даже признанию в любви некоторую неоднозначность.

«Кои»: любовь как романтическая страсть

Ещё, одним словом, означающим «любовь» в японском языке, в любви не признаются, но некоторую необычность его употреб-

ления в аниме, как и сложность для перевода, тоже стоит отметить. Это слово 恋 *koi*, «любовь» именно романтическая, страстная, между мужчиной и женщиной, и, вследствие этого, — с неявным, но отчасти подразумеваемым эротическим оттенком. Так, уже упоминавшийся выше Ко:сэй долго пытается понять, как называется чувство, испытываемое им к девушке Каори: начинает он с 憧れ *акогарэ* «горячее восхищение/ влюблённость [в талант]» и, в итоге, приходит к *кои* — романтической любви. Здесь как раз всё понятно. Но в более ранней сцене Ко:сэй, размышляя о том, почему же Каори так «светится» изнутри, приходит к выводу о том, что она 『食べ物に恋をして、バイオリンに恋をして、音楽に恋をして、だから君は輝いているのかな』 «*табэмоно-ни кои-о ситэ, байорин-ни кои-о ситэ, онгаку-ни кои-о ситэ, да кара кими ва кагаяитэиру но кана*» (Аракава, Исигуро, Ёсиока, 2014–2015: 3). Парадоксальным образом, как раз буквальный перевод этой фразы на русский звучит совершенно нормально: «Ты любишь еду, любишь [свою] скрипку, любишь музыку, может быть, поэтому так и сияешь». Но в оригинале эта фраза звучит довольно странно, потому что Ко:сэй употребляет слово *кои* — романтическая любовь, страстное увлечение. По-русски тогда уж ближе будет сказать, что Каори «влюблена» в еду, музыку и так далее, и даже это не будет отражать всей интенсивности эмоции, которую он имеет в виду.

Ещё один непростой для перевода на русский язык случай употребления 恋 *koi* — размышления травницы Маомао из *Kusuriya no Hitorigoto* о трагедии своих родителей, которые пострадали от своей несчастной любви сами и принесли очень много горя окружающим, в том числе и ей. В своём внутреннем монологе Маомао произносит фразу 『もしそれが恋というもののだとしたら、そんな感情はきっと私を生んだ女の体内に置いてきてしまった』 «*Моси сорэ-га кои то ю: моно да то ситара, сонна кандзё:-ва китто ватаси-о унда онна-но тайнай-ни ойтэкитэсиматта*», что на русский буквально переводится как «Если это [чувство] — то, что называют “любовью”, наверняка я оставила его [окончательно, полностью] в утробе родившей меня женщины» (Хюганацу, Сино, Наганума, 2023–2024: 18). Однако нюанс здесь в том, что Маомао в данный момент говорит вовсе не о чувстве любви вообще, — она имеет в виду именно невозможность для неё самой испытывать романтические, страстные чувства к представителю противоположного пола, т.е. 恋 *koi*. Однако из контекста в этот момент понять эту её совершенно конкретную мысль нельзя, а значит, и не совсем понятно, как следует отразить её в переводе.

«Аи»: самозабвенная, огромная, бескорыстная любовь

Кстати, о «любви вообще». В японском языке существует и в значительной степени универсальное, максимально нейтральное слово, означающее любовь, — 愛 *ai*. Это слово несёт в себе очень «мощный» эмоциональный заряд, означая любовь, похожую на чистое пламя — сильнейшую, абсолютно беспримесную; настолько, что с помощью этого слова можно описывать любовь не только к людям, но и к абстрактным или общим понятиям: любовь к свободе, Родине, знаниям и т.д. (обычно в таких случаях 愛 входит в состав сложных иероглифических слов-канго).

Тем не менее, несколько неоднозначные чувства вызывают попытки некоторых авторов использовать *ai* как японскую кальку для всё того же слова *love* (видимо, по той логике, что оба эти понятия достаточно «универсальны»). А именно так выглядит концепция *ai* в аниме *Violet Evergarden*, где главная героиня, бывшая девочка-«маугли» Вайолет, пытаясь понять, что имел в виду её возлюбленный, на прощание сказавший ей 『心から愛してる』 «*кокорокара аи-ситэру*» — «люблю/ обожаю тебя от всего сердца» (Акацуки, Такасэ, Исидатэ, Ёсида, 2018: 1), долго и прилежно изучает сложный мир человеческих чувств и эмоций. В итоге, по сюжету, она понимает, что *ai* может означать любовь родителя к ребёнку, ребёнка к родителю, чувства влюблённых и т.д. Однако, честно говоря, даже у русского человека, каковым является автор этих строк, попытки настолько откровенно «втиснуть» *ai* в прокрустово ложе смыслов слова *love* вызывает лёгкое, но отчётливое ощущение чего-то крайне противоестественного. Действительно, 愛 *ai* — это понятие широкое и, насколько это возможно для японского языка, достаточно абстрактное. Однако, у него всё же есть своя сфера употребления, так как *ai* подразумевает, во-первых, потрясающе сильное, а, во-вторых, совершенно бескорыстное, чистое, жертвенное чувство; соответственно, «механически» распространять *ai* на все те случаи, где в английском языке используется *love*, выглядит в ряде случаев идеей совсем не правомерной. Авторы *Violet Evergarden*, очевидно, понимая это, пытаются психологически как-то обосновать применение *ai* даже в ситуации, когда речь идёт о романтических (а значит, заведомо отчасти собственнических) чувствах. Однако это художественное решение, на наш взгляд, является как минимум дискуссионным с точки зрения японского языка.

Заключение

Таким образом, о любви в аниме могут говорить и «напрямую», но нередко используются и более неоднозначные способы выражения своих чувств, что соответствует традиционным особенностям японской коммуникации. Стоит также отметить, что выражение чувств, которое в контексте повествования может быть воспринято неоднозначно, авторы используют и в чисто «практических» целях, в частности, для поддержания определённой «интриги» в сюжете. Более откровенные, непосредственные способы выражения любви в аниме выглядят не вполне однозначно, нередко напоминая попытки «подогнать» японскую коммуникационную специфику под некий международный, в первую очередь — англоязычный, «стандарт».

Список литературы

Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

Герасимова М. П. Особенности художественной культуры в Японии // Ежегодник Японии. Т. 40, 2011. С. 110–123.

Григорьева Т. П. Красотой Японии рождённый. М.: Искусство, 1993. 464 с.

Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.

Гуревич Т. М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (23). 2012. С. 208–212.

Гуревич Т. М. Национально-культурная обусловленность не прямой коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (29). 2013. С. 163–166.

Мурзинова И. А., Пишкова Е. Ю., Богомазова В. В. Особенности репрезентации коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» в кинодискурсе и дискурсе мемуарной прозы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. № 2 (62), 2023. С. 87–114.

Недосугова А. Б. Японская и русская языковая картина мира в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Филология. № 5 (5), 2016. С. 84–87.

Танидзаки Дзюнъитиро. Похвала тени: Рассказы, эссе. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 305–357.

Источники

Kimi-ni Todoke (君に届け / Дотянуться до тебя, автор оригинала Сина Карухо, реж. Кабураки Хиро, автор сценария Компару Томоко. Токио, Production I.G, 2009–2010. 25 серий).

Kimi-ni Todoke 2 (君に届け / Дотянуться до тебя, автор оригинала Сиина Карухо, реж. Кабураки Хиро, автор сценария Компару Томоко. Токио, Production I.G, 2011. 12 серий).

Kusuriya-no Hitorigoto (薬屋のひとりごと / Размышления аптекаря вслух, авторы оригинала Хюганацу, Сино Токо, реж. Наганума Норихиро, автор сценария Наганума Норихиро. Токио, Toho Animation Studio, 2023–2024. 24 серии).

Shigatsu wa Kimi no Uso (四月は君の嘘 / Апрель — это твоя ложь, автор оригинала Аракава Наоки, реж. Исигуро Кёхэй, автор сценария Ёсиока Такао. Токио, A-1 Pictures, 2014–2015. 22 серии).

Starry Sky (Звёздное небо, реж. Саяма Киёко, автор сценария Накамура Макото. Токио, Frontier Works, Studio Deen, 2010–2011. 26 серий).

Tsuki-ga Kirei (月がきれい / As the Moon, So Beautiful. / Луна прекрасна, реж. Киси Сэйдзи, автор сценария Какихара Юко. Токио, Feel, 2017. 12 серий).

Violet Evergarden (ヴァイオレット・エヴァーガーデン / Вайолет Эвергарден, авторы оригинала Акацуки Кана, Такасэ Акико, реж. Исидатэ Таити, автор сценария Ёсида Рэйко. Киото, Kyoto Animation, 2018. 13 серий).

夏目漱石がI LOVE YOUを「月が綺麗ですね」と訳した理由 URL: <https://shiomilp.hateblo.jp/entry/2016/07/08/012959>

References

Alpatov V.M. (2008) Yaponiya: yazyk i kul'tura = Japan: Language and Culture. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 208 p. (In Russian).

Gerasimova M.P. (2011) Osobennosti khudozhestvennoi kul'tury v Yaponii = The Specific Features of Japanese Artistic Culture. Ezhegodnik Yaponiya. Vol. 40, pp. 110–123 (In Russian).

Grigor'eva T.P. (1993) Krasotoi Yaponii rozhdennyi = Born by the Beauty of Japan. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Grigor'eva T.P. (1979) Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya = The Artistic Culture of Japan. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 368 p. (In Russian).

Gurevich T.M. (2012) Kul'turologicheskaya paradigma prepodavaniya yaponskogo yazyka = Cultural Paradigm of Teaching the Japanese Language. Vestnik MGIMO-Universiteta. No. 2 (23), pp. 208–212 (In Russian).

Gurevich T.M. (2013) Natsional'no-kul'turnaya obuslovlennost' nepryamoi kommunikatsii = National and Cultural Conditionality of Indirect Communication. Vestnik MGIMO-Universiteta. No. 2 (29), pp. 163–166 (In Russian).

Murzinova I.A., Pishkova E.Yu., Bogomazova V.V. (2023) Osobennosti reprezentatsii kommunikativnogo lingvokul'turnogo tipazha "geisha" v kinodiskurse i diskurse memuarnoi prozy = Representation of The Communicative Behavior of the Linguocultural. Type "Geisha" in the American and Japanese Film Discourse. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N.A. Dobrolyubova. No. 2 (62), pp. 87–114 (In Russian).

Nedosugova A.B. (2016) Yaponskaya i russkaya yazykovaya kartina mira v aspekte sopostavitel'noi lingvokul'turologii = Japanese and Russian Linguistic World-Image In Terms of Comparative Cultural Linguistics. *Filologiya*. No. 5 (5), pp. 84–87 (In Russian).

Tanidzaki Dzyun'itiro. (2004) Pokhvala teni: Rasskazy, ehsse = In Praise of Shadows: short stories, essay. St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 305–357 (In Russian).

Sources

Kimi-ni Todoke (君に届け / From Me to You, original manga by Karuho Shiina, directed by Hiro Kaburaki, written by by Tomoko Komparu. Tokyo, Production I.G, 2009–2010. 25 ep.)

Kimi-ni Todoke 2 (君に届け / From Me to You 2, original manga by Karuho Shiina, directed by Hiro Kaburaki, written by by Tomoko Komparu. Tokyo, Production I.G, 2011. 12 ep.)

Kusuriya-no Hitorigoto (薬屋のひとりごと / The Apothecary Diaries, original light novel series by Hyūganatsu, Touko Shino, directed by Norihiro Naganuma, written by Norihiro Naganuma. Tokyo, Toho Animation Studio, 2023–2024. 24 ep.)

Shigatsu wa Kimi no Uso (四月は君の嘘 / Your Lie in April, original manga by Naoshi Arakawa, directed by Kyōhei Ishiguro, written by Takao Yoshioka. Tokyo, A-1 Pictures, 2014–2015. 22 ep.)

Starry Sky (directed by Kiyoko Sayama, written by Makoto Nakamura. Tokyo, Frontier Works, Studio Deen, 2010–2011. 26 ep.)

Tsuki-ga Kirei (月がきれい / As the Moon, So Beautiful. / directed by Seiji Kishi, written by Yūko Kakahara. Tokyo, Feel, 2017. 12 ep.)

Violet Evergarden (ヴァイオレット・エヴァーガーデン, original light novel series by Kana Akatsuki, Akiko Takase, directed by Taichi Ishidate, Haruka Fujita, written by Reiko Yoshida. Kyoto, Kyoto Animation, 2018. 13 ep.)

夏目漱石がI LOVE YOUを「月が綺麗ですね」と訳した理由 URL: <https://shiomilp.hateblo.jp/entry/2016/07/08/012959>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сычева Елена Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; e.sycheva@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0002-1401-3123

ABOUT THE AUTHOR:

Elena S. Sycheva — Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at Department of International Journalism, MGIMO University, Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia; e.sycheva@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0002-1401-3123

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-108-130

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МО ЯНЯ)

Чэнь Чжу

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань, КНР

Чжан Дун

Уханьский университет, Ухань, КНР

Для контактов: rainie0918@vip.qq.com, 372508199@qq.com

Аннотация. Вследствие глубокой кристаллизации языка и культуры китайской нации, китайские культурно-маркированные слова подверглись историческому закреплению, географическому влиянию, социальному формированию и религиозному воздействию, постепенно превратившись в уникальные культурные символы, несущие богатые культурные коннотации и играющие особую роль в межкультурной коммуникации. Культурно-маркированные слова условно могут быть разделены на пять категорий: экологические, материальные, социальные, религиозные и лингвистические. Они широко применяются в художественных текстах и создают трудности при переводе.

Целью настоящей работы является выявление и анализ стратегий перевода китайской культурно-маркированной лексики в художественных текстах в контексте межкультурной коммуникации, а также оценка их эффективности на материале русских переводов произведений Мо Яня. В работе применяются следующие **методы**: классификационный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, стратегический анализ перевода и теоретический анализ.

Результаты. Анализ выявил, что для адекватной передачи культурно-маркированной лексики наиболее эффективно комбинирование страте-

гий, включая прямой перевод, прямой перевод с пояснениями, метод парафразирования, метод транскрипции и создание неологизмов. Практика подтвердила важность гибкого сочетания форенизации и доместикации.

Выводы. Культурно-маркированная лексика художественных текстов принципиально переводима. Успех перевода зависит от адаптивного выбора стратегии с учётом типа реалии, контекста и восприятия целевой аудитории. Перевод таким образом служит эффективным инструментом межкультурного диалога, раскрывая уникальные культурные смыслы.

Ключевые слова: культурно-маркированные слова, китайская культура, межкультурная коммуникация, переводческая стратегия

Благодарность. Эта работа была поддержана Проектом Министерства образования Китая в области гуманитарных и социальных наук в рамках гранта [Грант № 22YJC751008].

Для цитирования: Чэнь Чжу, Чжан Дун. Стратегии перевода китайских культурно-маркированных слов в художественных текстах в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 108–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-108-130

Статья поступила в редакцию 08.01.2025;
одобрена после рецензирования 22.05 2026;
принята к публикации 26.05 2026.

TRANSLATION STRATEGIES OF CHINESE CULTURALLY MARKED WORDS IN LITERARY TEXTS IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (USING THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF MO YAN'S WORKS)

Chen Zhu

Central China Normal University, Wuhan, PRC

Zhang Dong

Wuhan University, Wuhan, PRC

For contacts: rainie0918@vip.qq.com, 372508199@qq.com

Abstract. Due to the long historical development of Chinese language and culture, culture-specific lexical items have undergone processes of historical consolidation, geographical influence, social formation, and religious shaping,

gradually becoming distinctive cultural symbols that carry rich connotations and play a significant role in intercultural communication. Culture-specific items can be conditionally divided into five categories: ecological, material, social, religious, and linguistic. They are widely used in literary texts and pose challenges for translation.

The purpose of this study is to identify and analyze strategies for rendering Chinese culture-specific vocabulary in literary texts in intercultural communication contexts, as well as to evaluate their effectiveness based on Russian translations of Mo Yan's works. The following **methods** are employed: classificatory analysis, comparative-contrastive analysis, translation strategy analysis, and theoretical analysis.

Results. The analysis revealed that the most effective approach to rendering culture-specific vocabulary is a combination of strategies, including literal translation, literal translation with annotations, paraphrasing, transcription, and neologism formation. The findings confirm the importance of flexibly combining foreignization and domestication strategies.

Conclusion. Culture-specific vocabulary in literary texts is fundamentally translatable. The success of translation depends on the adaptive selection of strategies, taking into account the type of cultural reference, context, and target audience reception. Translation thus serves as an effective tool for intercultural dialogue, revealing unique cultural meanings.

Key words: culturally marked words, Chinese culture, international communication, translation strategy

Acknowledgement. This work was supported by the Ministry of Education of China Humanities and Social Sciences Research Project [Grant No. 22YJC751008].

For citation: *Chen Zhu, Zhang Dong.* (2026) Translation Strategies of Chinese Culturally Marked Words in Literary Texts in the Context of Intercultural Communication. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda.* — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 108–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-108-130

The article was received on January 8, 2025;
approved for reviewing on May 22, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

Культурно-маркированные слова в китайском языке вобрали в себя мудрость и мироощущение китайской нации, являясь носителями основных ценностей китайской культуры. Данные слова имеют важное практическое значение, выполняя задачу распространения китайской традиционной культуры при межкультур-

ном общении. В контексте активной реализации государственной стратегии «глобализации китайской культуры» точная передача культурно-маркированной лексики в переводе имеет крайне важное значение. Поскольку культурно-маркированные слова, как правило, существуют только в определённой культуре и обозначают уникальные продукты данной культуры, зачастую бывает трудно найти точные соответствия в языке другой культуры, что затрудняет межкультурную коммуникацию и перевод. Только досконально поняв и правильно выразив смысл таких элементов языка, можно говорить о полноценной интерпретации духовных и культурных ценностей китайского народа при переводе, позволяя аудитории с разным культурным происхождением оценить уникальное очарование китайской культуры.

Культурно-маркированная лексика находит широкое применение в литературном творчестве. К ней нередко прибегают работники пера при создании образов персонажей, рисуя ситуации и передавая эмоции героев. Сюжеты произведений лауреата Нобелевской премии по литературе 2012 года Мо Яня разворачиваются на фоне повседневной жизни в сельской местности Китая, которая является источником вдохновения автора. Писатель не боится вкладывать в уста своих персонажей местные диалекты и просторечные выражения. В произведениях Мо Яня, которые полны очарования повседневной жизни народа, запечатлена память поколений и историческая память китайского народа. (Лю, 2010: 76). В связи с этим культурно-маркированная лексика представлена в текстах автора в изобилии. В настоящей работе в качестве объекта исследования рассматриваются произведения Мо Яня и их переводы на русский язык. Исходя из основных типов и особенностей культурно-маркированных слов в китайском языке, в работе обсуждаются стратегии их перевода при межкультурной коммуникации. Таким образом, данная работа могла бы послужить справочным пособием при переводе китайских литературных произведений на иностранные языки.

1. Классификация культурно-маркированной лексики

Категории культурно-маркированных слов определяются типами культурологической информации. Однако в академических кругах пока не сложился единый стандарт классификации культурологической информации. Лю Шоухуа в своей работе «Очерки по культурологии» исходит из наличия четырёх культурологических составляющих: материальной культуры, нормативной культуры,

культуры поведения и духовной культуры (Лю, 1992: 39–49). В то же время другие исследователи выступают за выделение трёх аспектов культуры. Так, Хань Миньцин в работе «Теория культуры» разделяет культуру на три уровня: материальный, поведенческий и идеологический (Хань, 1989: 100–151). Пан Пу, в свою очередь, в своём труде «Структура культуры и современный Китай» выделяет три отличных составляющих культуры, а именно: культуру материального производства, культуру нормативного поведения и культуру духовно-психической сферы (Пан, 1986: 81–98). Однако более широкое признание получили взгляды американского переводоведа Юджина Ниды, который подразделяет культурологическую информацию на пять основных категорий, а именно: материальную, экологическую, социальную, религиозную и языковую области культуры (Nida, 1945: 194–208). Настоящая работа использует систему классификации Ниды, подразделяя культурно-маркированную лексику на пять основных категорий, а именно, как относящуюся соответственно к экологической, материальной, социальной, религиозной или языковой составляющим культуры.

1.1. Лексика материальной культуры

Под материальной культурой понимаются явления культуры, отражённые в материальных продуктах, созданных человеком в процессе производства и жизни, которые являются осязаемыми и воспринимаемыми материальными объектами. В данном виде культуры представлены виды материально-производственной деятельности человека, а также материальные продукты такой деятельности. Таким образом, материальная культура закладывает основу всей культурной системы, отражая состояние и уровень общественного развития.

У каждого народа складывается собственная уникальная материальная культура, охватывающая такие разнообразные аспекты, как средства производства и транспортные средства, предметы домашнего обихода, архитектурное искусство, одежда и украшения, кулинарные традиции и т.д. В материальных культурах Китая и России существует множество различий, которые часто приводят к недопониманию во время межкультурной коммуникации. Например, в китайском языке существует целый пласт культурно-маркированных слов, связанных с одеждой (например, 斗笠 (бамбуковая шляпа), 蓑衣 (дождевик, сплетённый из волокон растений)), 蟒袍 (парадное расшитое платье высших чиновников), кулинарными традициями (например, 凉粉 (лянфэнь, холодная закуска из же-

латинообразной вермишели), 年糕 (новогодний пирог из клейкой рисовой муки), 馄饨 (вонтоны, разновидность пельменей), архитектурой (胡同 (хутун), 四合院 (сыхэюань), 皇陵 (императорская гробница) и т.д., которые заключают в себе глубокий культурологический подтекст и могут быть плохо понятны для тех, кто не знаком с соответствующими культурными традициями.

1.2. Лексика экологической культуры

Экологическая культура исследует влияние и формирующее воздействие природной среды на человеческую культуру, подчёркивая гармоничное сосуществование людей и природы, а также призывая человека к соответствующему поведению и ценностным установкам при взаимодействии с окружающей средой. В культуре разных регионов планеты сформировались уникальные особенности ввиду различий в географии, климате, своеобразной флоры и фауны, а также других экологических факторов. Поэтому лексика экологической культуры отражает особенности климатических условий, окружающей среды и географии конкретного региона.

Например, лексика, связанная с животными и растениями, в разных культурах может наделена различными культурными коннотациями. Так, в традиционной китайской культуре цветки сливы, орхидеи, хризантемы, а также бамбук не только обладают глубоким символизмом, но и играют неотъемлемую роль в поэзии и живописи, получив в этой связи коллективное название «четыре благородных». Однако в других культурах эти растения, как правило, не считаются чем-то необычным и не занимают особого места, что затрудняет для носителей таких культур понимание глубинного смысла соответствующих слов в китайском языке. Переводчику же, наоборот, требуется быть экспертом обеих затронутых культур и стремиться точно передать скрытое понятийное содержание соответствующих слов.

1.3. Социокультурная лексика

Социальная культура охватывает такие многочисленные составляющие культуры, как социальные нормы, моральные ценности, модели поведения и т.д., а также роль, которую эти элементы играют в формировании человеческого общества и его эволюции. К социокультурной лексике относятся слова, описывающие государственный строй, обычаи, исторические сюжеты, произведения искусств и другие области культуры. Сюда относятся имена,

титуты, приветствия, обращения и другая подобная лексика. Социокультурная лексика пронизывает все слои социальной жизни и подчеркивает существенные различия между культурой двух разных народов.

Например, русскому слову «дядя» в китайском языке соответствует целый ряд различных слов, включая «伯伯», «叔叔», «舅舅», «姨夫», «姑父» и т.д. Эти лексемы не только отображают родственные отношения, но и раскрывают уникальность внутрисемейных связей и иерархии в конкретной культуре. В практике перевода и межкультурной коммуникации такие слова часто создают трудности. Чтобы точно передать культурный подтекст таких слов, переводчику необходимо хорошо разбираться в различиях культур переводимого и переводного языков и применить соответствующие стратегии перевода. Только в этом случае можно быть уверенным в точной передаче культурологической информации исходного текста, а также в беспрепятственном её понимании читателями перевода.

1.4. Лексика религиозной культуры

Изучение религиозной культуры предполагает исследование происхождения, становления и способов распространения религий, а также анализ их общественного статуса и социальной функции. К лексике религиозной культуры относятся слова, пришедшие в язык под влиянием определённой религиозной культуры. В них содержится глубокий религиозный смысл, поэтому данная лексика имеет важное культурологическое значение. Такие слова служат не только для выражения веры и передачи определённых духовных ценностей, но также являются духовной опорой. В межкультурной коммуникации же они зачастую создают трудности для понимания и перевода.

Буддизм является одной из основных религий в Китае, поэтому культурно-маркированная лексика буддизма отражает уникальность китайской религиозной культуры, заключая в себе глубокий религиозный смысл и философские идеи. В буддийской культуре часто упоминаются такие слова и концепции, как «сострадание», «мудрость», «жертвенность ради других» и т.д. Они свидетельствуют о провозглашаемых в буддизме ценностях заботы и доброты по отношению к ближним и окружающему миру. При переводе лексики религиозной культуры переводчику необходимо применять подходящие стратегии перевода, чтобы читатели перевода смогли правильно понять соответствующие

культурно-маркированные слова и прочувствовать их глубинный культурологический смысл.

1.5. Лексика языковой культуры

Язык представляет собой ключевой элемент культуры, в котором заключено её прошлое, традиции и система ценностей. Лингвистическая культурология как дисциплина изучает разнообразие языков, взаимодействия языка и культуры, а также роль языка в процессе распространения культуры и культурного обмена. Слова, связанные с языковой культурой, могут всесторонне раскрыть уникальность языков. Такие слова, как правило, берут начало из различных исторических сюжетов, классических литературных произведений, а также мифов и легенд. Лексика языковой культуры в той или иной степени дает сжатое представление об истории, литературе, природе и других областях познания конкретного государства.

В китайских идиомах, пословицах и поговорках в лаконичной языковой форме заключён глубокий смысл, в том числе, и культурологический. Они выполняют уникальную и важную роль в речи носителей китайского языка. Во время перевода переводчик должен стремиться сохранить культурологические особенности исходного текста и использовать языковые структуры, легко понятные читателям целевого текста, чтобы добиться адаптивного отбора и трансформации перевода на языковом уровне.

2. Переводимость культурно-маркированных слов при межкультурной коммуникации

Различия в культурах находят своё отражение в том, что слова в разных языках имеют своё уникальное историческое происхождение и культурный подтекст. В этой связи бывает сложно найти аналог культурологической информации, содержащейся в культурно-маркированных словах одного языка, в соответствующем культурном контексте другого языка, либо она понимается носителями другой культуры совсем по-другому. Как следствие, в переводе зачастую трудно найти подходящее соответствие такой информации. Перевод лексики такого типа, создающей определённые преграды в межкультурном общении, чрезвычайно сложен. Поэтому некоторые учёные придерживаются мнения, что культуру невозможно перевести. Однако, большинство учёных полагают, что подобные трудности можно преодолеть с помощью подходящих стратегий перевода.

Российский лингвист И.С. Алексеева полагает, что трудности перевода вполне преодолимы. Она подчёркивает, что наряду с передачей смысла исходного текста переводчику также необходимо интерпретировать содержащиеся в нём культурные элементы. Переводчики должны применять разнообразные стратегии перевода, особенно при работе с художественными произведениями, чтобы преодолеть культурные барьеры оригинала и стремиться точно передать культурно-маркированную лексику и культурные реалии другой страны (Алексеева, 2012: 9).

Владимир Сдобников, российский теоретик перевода, считает, что перевод, выступая связующим звеном в межкультурной коммуникации, никогда не испытывал непреодолимых препятствий. Благодаря непрерывному расширению средств языкового выражения у различных народов и всё более частому взаимодействию между этническими группами, возможности перевода культурных текстов значительно расширились. Учёный предложил концепцию «частичной переводимости», которая занимает промежуточное положение между «переводимостью» и «непереводимостью», подразумевая, что в процессе перевода передаётся лишь часть информации. Эта идея применима ко множеству культурно-маркированных терминов, которые при переводе часто вызывают сложности (Сдобников, 2006: 118–120).

Китайский учёный Ли Лэйжун подчёркивает, что, несмотря на наличие сторонников концепции непереводимости, переводческая практика убедительно демонстрирует возможность передачи культурных реалий. Этот эксперт в области перевода определяет перевод как «акт межкультурной коммуникации, который заключается в преобразовании текстов и символов одной культуры (или субкультуры) в тексты и символы другой культуры или субкультуры, а также включает в себя результаты такого преобразования» (Ли, 2004: 127). Он придерживается мнения, что переводимость культуры обусловлена её универсальностью, инклюзивностью и восприимчивостью к новым тенденциям.

Переводческая практика является ключевым способом межкультурной коммуникации, и при переводе невозможно избежать трудностей и препятствий, вызванных необходимостью передачи культурных реалий. Однако ввиду универсальности, общности и переводимости культуры, а также поступательного прогресса теории и практики перевода культурно-маркированная лексика не сможет стать существенным препятствием на пути межкультурной коммуникации, и в большинстве случаев она может быть успешно

переведена на другой язык и понята. В зависимости от конкретного контекста переводчик может использовать те или иные стратегии и определённые техники перевода для эффективной интерпретации культурно-маркированной лексики, могущей привести к трудностям в переводе.

3. Принципы перевода культурно-маркированной лексики в художественных текстах

Цель создания художественных текстов такая же, как и других видов текстов — передавать информацию. Основная задача художественного перевода — вызвать в читателях переводного текста переживания от литературного произведения, сходные с опытом читателей оригинала. Во-вторых, переводчик должен стремиться максимально сохранить культурную суть и индивидуальность исходного текста. В-третьих, переводчик должен обратить внимание на текстовую форму, на которую опирается содержание текста (Сдобников, 2006: 91). Прежде чем переводить культурно-маркированные слова в художественных текстах, переводчик должен определить свою собственную культурологическую позицию.

Ван Дунфэн подчёркивал важность культурологической позиции переводчика. Он считал, что конфликт между форенизацией и доместикацией в процессе перевода по существу проистекает из разницы в культурологической позиции переводчиков (Ван, 2000: 2–8). Чжан Нин предположил, что стратегия доместикации призвана минимизировать ощущение «чужеродности» текста оригинала для читателей его перевода, тогда как стратегия форенизации ставит своей целью сохранение изначального колорита исходного текста (Чжан, Цзя, 2009: 949–951). По мнению Сунь Чжили, практика перевода в КНР уже перешла от стратегии доместикации к стратегии форенизации. Однако при использовании метода форенизации необходимо учитывать степень его применимости, сочетая его с методом доместикации (если это необходимо) и добиваясь органического взаимодействия и взаимного дополнения этих двух методов (Сун, 2022: 44). Ху Аньцзян полагал, что в своей деятельности переводчику необходимо всегда применять стратегию «точно-го, легко воспринимаемого и приемлемого» перевода. Сюн Бин же выдвинул мнение, что переводчик в своей работе должен стараться максимально следовать стилю автора произведения, имея в виду технику отчуждения (форенизации). Переводчики, пользующиеся методом форенизации, способны искусно интегрировать стиль

автора и культурологическую составляющую исходного текста в переводной текст (Сюн, 2014: 83–84, 88).

Подводя итог, можно отметить, что слабая сторона стратегии форенизации заключается, как правило, в ограниченных возможностях сделать перевод легко воспринимаемым читателем. Такой перевод из-за своей неестественности может не понравиться читателю и не оказать на него должного коммуникативного воздействия. С другой стороны, целью доместикации является максимальная адаптация перевода к ожиданиям читателей целевого текста. «Одомашненный» перевод читается легко и прост для понимания, а обороты и выражения не «режут слух». Однако главным недостатком доместикации является возможная потеря культурологической составляющей, содержащейся в исходном тексте, при переводе.

Профессор Ян Шичжан считал, что при переводе культурных реалий необходимо придерживаться стратегии максимального сохранения информации, комплексного подхода, адекватных потерь, положительной компенсации и динамической обработки (Ян Шичжан, 2003: 187). Он советовал переводчикам максимально сохранять культурные особенности оригинала художественного текста при его переводе. Подходя к переводу комплексно, переводчик не должен изолировать культурные реалии переводимого текста, а интегрировать их в контекст. При передаче же трудно переводимых напрямую культурных феноменов необходимо жертвовать частью культурологической информации, идя на уступки (речь идёт об «адекватных потерях»). Те культурные реалии, которые невозможно не переводить, передаются в переводе с помощью метода «положительной компенсации», при котором потери культурологической информации «возмещаются» буквальным переводом. Поскольку различные культуры постепенно сближаются, переводчикам следует подходить к переводу диахронно, рассматривая эволюцию культурных феноменов в динамике.

Поэтому при работе с культурно-маркированной лексикой, встречающейся в коммуникативных художественных текстах, переводчику следует сочетать стратегии доместикации и форенизации, используя преимущества обеих для их взаимного дополнения. Для тех культурно-маркированных слов, которые не представляют переводческих трудностей, переводчикам следует применять комплексную и динамическую стратегии перевода. Когда же речь заходит о труднопереводимой культурно-маркированной лексике, переводчикам следует в какой-то степени пойти на жертвы и использовать эффективные методы компенсации, позволяющие до-

биться удобочитаемости перевода при одновременном сохранении точности переданной информации.

4. Стратегии перевода культурно-маркированной лексики в китайских художественных текстах

С точки зрения межкультурной коммуникации, культурно-маркированная лексика в китайских художественных текстах может переводиться различными способами, включая прямой перевод, прямой перевод с пояснениями, парафразирование, транскрипцию и создание новых слов.

4.1. Метод прямого перевода

Прямой перевод широко используется в практике перевода художественной литературы с целью обеспечения максимального соответствия между исходным текстом и его переводом — как в плане содержания, так и формы. Этот метод обладает уникальной спецификой в передаче культурной информации и способствует сохранению авторского стиля. В отличие от дословного перевода, прямой перевод предоставляет переводчику определённую свободу действий, позволяя ему адаптировать языковую форму культурно-специфичных слов — например, изменять порядок слов, чтобы грамматическая структура перевода соответствовала правилам целевого языка.

Пример 1:

[Исходный текст]

“别急!” 大爷说, “心急喝不得热粘粥。”

(Мо, 2017: 7)

[Перевод]

— Не спеши! — наставляет его дядя. — Поспешешь — не отведаешь горячей каши!

(Власова, 2019:13)

Под «粘粥» в китайском тексте имеется в виду традиционное блюдо из провинции Шаньдун, главным ингредиентом которого является пшённая мука. Фраза «心急喝不得热粘粥», в свою очередь, является китайской поговоркой, относящейся к культурно-маркированной лексике языковой культуры. Смысл этой поговорки в том, что не стоит стремиться к быстрому успеху. Переводчик осуществил дословный перевод этого культурно-маркированного элемента, вследствие чего перевод можно истолковать наоборот: «если поспешить, то не сможешь насладиться вкусом горячей каши». Учитывая, что эта пословица глубоко укоренилась в оби-

ходной речи китайцев и каша как блюдо занимает определённую нишу в повседневном рационе жителей как Китая, так и России, то, даже несмотря на различия в исходных ингредиентах и способах приготовления этих блюд в разных культурах, такая интерпретация не вызывает трудностей понимания. Здесь метод прямого перевода позволяет не только сохранить достоверность исходного текста, но способствует лёгкому восприятию перевода.

4.2. Прямой перевод с пояснениями

Хотя метод прямого перевода обладает определённой практической ценностью для преодоления культурных барьеров, его применение довольно ограничено. Ввиду того, что китайский и русский народы имеют различные языковые, культурные и исторические корни, существенные культурные различия неизбежны. Прямой перевод культурологической информации, дополненный соответствующими комментариями, часто может способствовать более полному и эффективному сохранению культурных реалий, которые автор описывает в оригинале. Таким образом, использование прямого перевода с комментариями в некоторых конкретных случаях может помочь достичь результатов в преодолении культурных барьеров, более близких к идеалу.

Пример 2:

[Исходный текст]

任副官拱手一揖，道一声：“司令，两便了！”便大踏步走出我家院子。

(Мо, 2017: 53)

[Перевод]

Адъютант Жэнь ... поклонился, сложив руки в почтительном жесте, и со словами «Командир, так будет проще для нас обоих!» стремительно вышел во двор.

Примечание: Китайский жест в знак приветствия или как выражение почтения: левая кисть охватывает правый кулак перед грудью.

(Власова, 2019: 73–74)

Традиционная форма приветствия, называемая по-китайски «拱手礼», занимает важное место в истории Китая. У этого жеста есть и другое название: «拱手作揖». Сложенные подобным образом у груди руки представляют собой классический вид приветствия в ханьской культуре, у которого имеется уходящий глубоко в историю культурный смысл, а слова, его обозначающие, относятся к культурно-маркированной лексике. Этот жест используется

не только при встрече и прощании с гостями, но зачастую также в различных ситуациях для выражения почтения. Традиционную культуру Китая попросту невозможно представить без этой формы приветствия. Данный жест служит для выражения уважения к гостю и выполняется следующим образом: левая кисть охватывает правый кулак перед грудью, при этом приветствующий немного наклоняет корпус вперед и слегка потрясает сложенными руками перед грудью. Дословный перевод этого жеста на русский язык без подробного пояснения неизбежно бы вызвал недоумение у читателей целевого текста, мало знающих древнекитайский этикет, а возможно, даже был бы неправильно понят. Поэтому приведенная переводчиком аннотация не только поясняет цель данного приветствия, но и даёт подробное описание действий приветствующего, тем самым точно передавая культурологический смысл, заложенный в культурно-маркированном выражении «拱手一揖» и устраняя препятствия для понимания у читателя.

4.3. Метод парафразирования

В отличие от прямого перевода, парафразирование даёт возможность трансформировать смысл слов и стилистические особенности исходного текста, чтобы придать переводу естественность и подлинность. Когда в оригинальном тексте встречаются слова, насыщенные культурной спецификой и сложные для перевода, парафразирование часто используется в сочетании со стратегией доместикации. Хотя прямой перевод с пояснениями помогает читателям преодолеть культурные барьеры понимания, избыточные пояснения могут сделать текст переводимого произведения длинным и утомительным. Для обеспечения удобочитаемости перевода иногда приходится жертвовать некоторой культурологической информацией, которую можно исключить без ущерба для общего смысла. Таким образом, парафразирование является широко распространённым и эффективным методом перевода при работе с текстами, содержащими культурно-специфические элементы. В свою очередь, парафразирование можно разделить на объяснительный перевод и перефразирование.

4.3.1. Объяснительный перевод

Как следует из самого названия, объяснительный перевод подразумевает процесс перевода, сопровождаемый толкованием культурно-специфичной лексики исходного текста. Эта техника обычно предполагает разъяснение такой лексики с применением средств

выражения, адекватных нормам целевого языка. Цель данного метода — обеспечить лёгкость восприятия перевода. Однако при его применении иногда приходится жертвовать частью культурологического содержания оригинальной лексики.

Пример 3:

[Исходный текст]

余司令对大家说:。“丑话说到前头, 到时候谁要草鸡了,我就崩了他。咱要打出个样子来给冷支队看看, 那些王八蛋, 仗着旗号吓唬人。老子不吃他的, 他想改编我?我还想改编他呢!”

(Мо, 2017: 24)

[Перевод]

Юй обратился ко всем присутствующим:

— Хочу сразу сказать горькую правду. Если кто-то из вас в ответственный момент струсит — прикончу. Нам нужно блеснуть перед Лэном и его подразделением. Эти ублюдки запугивают народ своими флагами. А я не такой! Он хочет, чтоб я пошёл у него на поводу? А я хочу, чтоб всё было по-моему!

(Власова, 2019: 35–36)

В китайском языке слово «王八蛋» имеет сильный пейоративный оттенок и широко используется в жаргонных стилях речи, относясь к лексике экологической культуры. Изначально слово имело смысл: «яйца, отложенные черепахой». В свою очередь, «王八» («черепаха») в китайском языке также используется как оскорбление. Такие унижительные наименования, как «王八蛋» или «王八羔子», являющиеся производными от «王八», довольно часто используются в художественных произведениях. На самом деле, слово «王八» произошло от слова «忘八», а «王八蛋» возникло на основе омофонии со словом «忘八端». В свою очередь, под «八端» («восемью добродетелями») в конфуцианской культуре подразумеваются восемь основных моральных принципов человеческих взаимоотношений: почитание родителей, уважение старших, преданность, честность, культурность, чувство долга, бескорыстие и чувство совести («孝、悌、忠、信、礼、义、廉、耻»). По конфуцианству, если человек забывает об этих восьми принципах, он лишается основ человеческой морали в своём поведении. Конфуцианская культура придаёт большое значение истине, добру и красоте в человеке. При несоблюдении основных моральных принципов человек отвергается конфуцианским обществом и становится пятном позора, порочащим его. У иностранных читателей, не знакомых глубоко с китайской культурой, животное черепаха, как правило, не ассоциируется с нецензурным оскорблением. Поэтому при столкновении с подобной

культурно-маркированной лексикой переводчики обычно переводят оскорбления оскорблениями. Например, китайское «王八蛋», переводчик перевёл, как русское «ублюдок», пожертвовав при этом культурологическим подтекстом оригинала. Во «Сне в красном тереме» переводчик также воспользовался методом объяснительного перевода, переведя слово «忘八崽子» на русский язык как «подлец».

4.3.2. Перефразирование

Перефразирование подразумевает замену культурно-специфичных терминов в оригинальном тексте на более употребительные выражения в языке перевода. Его главная задача — придать тексту естественность и повысить его удобочитаемость.

Пример 4:

Исходный текст:

那时候眉月初升，低低地压着枯树枝桠。父亲抱着一个酒坛子，捏着一柄铜钥匙，遵照奶奶的命令，到烧酒作坊里去盛酒。

(Мо, 2017: 25)

Перевод:

В тот момент молодой месяц только взошёл и низко-низко прижимался к сухим ветвям дерева. Отец тащился в обнимку с кувшином и сжимал в одной руке медный ключ — бабушка наказала ему принести из винокурни вина.

(Власова, 2019: 37)

Слово «眉月» — это уникальная словарная единица в китайском языке, означающая только появившийся растущий месяц. В примере перевода «молодой месяц» в русском языке также означает зарождающийся месяц, что полностью соответствует смыслу оригинального текста. Так произошло именно потому, что понятие «молодого месяца» существует как в китайской, так и русской культуре, находясь в пределах общего когнитивного поля для автора исходного текста, переводчика и целевой аудитории. Поэтому степень выраженности культурологической информации, которую заключают в себе культурные феномены, может влиять на возможность её распространения и интерпретации. При этом доля культурологической информации, содержащаяся в культурных реалиях в пределах общего когнитивного поля, также существенно влияет на её переводимость.

4.4. Метод транскрипции

Транскрипция подразумевает применение сходного звучания в целевом языке для передачи слов исходного языка. В результате

такого перевода, как правило, уже не сохраняется исходное значение слова, а лишь его фонетические особенности. Этот метод часто применяется для перевода имён собственных. Поскольку простая транскрипция не способна передать культурный оттенок исходного языка, при переводе культурно-маркированных слов обычно используют комбинацию фонетического перевода с передачей смысла или транскрипцию с пояснениями. Такой подход помогает минимизировать семантические потери при передаче культурной информации (Ху, 2020: 104).

4.4.1. Фонетико-семантический перевод

Метод перевода, который объединяет транскрипцию с передачей смысла, известен как фонетико-семантический перевод. Мо Янь, автор известный своим мастерским использованием языка, часто наделяет своих персонажей культурно-специфичными именами. Например, в романе «Красный гаолян» имена многих персонажей отклоняются от традиционных китайских канонов именования и представляют собой прозвища или клички, присвоенные героям на основе их отличительных черт. Например, «方六», «方七» были переведены как «Фан Шестой» и «Фан Седьмой», соответственно, «余大牙» — как «Зубастый Юй», «江小脚» — как «Мелконогий Цзян», «成麻子» — как «Рябой Чэнь», «王大爪子» — как «Больше-лапый Ван» и т.д. Благодаря этому методу удалось сохранить произношение фамилии и семантику имени.

4.4.2. Транскрипция с пояснениями

Метод транскрипции с пояснениями подразумевает снабжение фонетического перевода аннотацией. В практике художественного перевода этот метод часто используется для решения переводческих проблем, вызванных различиями в культурно-маркированной лексике с национальным колоритом.

Пример 5:

[Исходный текст]

老耿头——耿十八刀家里供着一个狐仙牌位, “文化大革命” 初起, 红卫兵去他家砸牌位, 他握着一把切菜刀蹲在牌位前, 红卫兵灰溜溜地退了。

(Мо, 2017: 319)

[Перевод]

Дома Лао Гэн, которому дали прозвище Восемнадцать Ударов, поклонялся алтарю с табличкой, посвящённой духу лисы-оборотня. В самом начале Культурной революции хунвэйбины явились

к нему, чтобы крушить таблички, но Лао Гэн с кухонным ножом присел перед алтарём, и хунвэйбины понуро отступили.

Примечание: члены созданных в 1966–1967 гг. отрядов молодёжи, одни из наиболее активных участников Культурной революции.

(Власова, 2019: 412)

Термин «红卫兵», упомянутый в оригинале, использовался по отношению к молодёжным отрядам и их членам, сформированным из учащимися высших и средних учебных заведений во время Культурной революции в Китае. Уникальное для китайской нации понятие «红卫兵» относится к социокультурной лексике. При переводе таких слов, имеющих глубокий культурологический смысл, метод транскрипции с аннотациями позволяет эффективно передать как их буквальное значение, так упомянутый культурологический смысл.

4.5. Метод авторских неологизмов

Создание неологизмов в процессе перевода часто сопровождается явлением «культурных лакун», а авторские неологизмы, в свою очередь, представляют собой эффективный инструмент для заполнения этих лакун.

Пример 6:

[Исходный текст]

爷爷踉踉跄跄地在路西边的高粱地里穿行着，父亲紧跟着爷爷走。他们脚踩着残断曲折的高粱和发出微弱黄光的铜弹壳，不时弯腰俯头，看着那些横卧竖躺。龇牙咧嘴的队员们。

(Мо, 2017: 91)

[Перевод]

Он, шатаясь, побрёл через гаоляновое поле с западной стороны дороги, а отец двинулся за ним. Они наступали на поломанный гаолян и использованные гильзы, светившиеся слабым жёлтым светом, то и дело наклоняясь и опуская головы, чтобы посмотреть на своих товарищей, лежавших вдоль и поперёк поля с оскаленными зубами.

(Власова, 2019: 122)

Гаолян является ключевым символом в романе «Красный гаолян», и использование неологизма в данном случае — лучший способ передать эту концепцию. Если не создавать неологизм в русском языке на основе произношения китайского оригинала, то переводчик неизбежно столкнется с культурным барьером в процессе перевода. Слово «高粱» нельзя отнести к тому пласту лексики, которая

может быть одинаково понятна переводчику, автору и читателям целевого текста. Однако, создав термин «гаолян», переводчик умело расширил границы общего когнитивного поля, способствуя беспрепятственной межкультурной коммуникации.

Выводы

Во время переводческой деятельности, направленной на межкультурную коммуникацию, нельзя игнорировать переводческие трудности, связанные с культурно-маркированной лексикой. Однако ввиду всеобъемлющего, общедоступного характера культуры и её переводимости, а также постоянного развития теории и практики перевода культурно-маркированные слова не представляют собой серьёзного препятствия во время перевода. Это также справедливо в отношении художественных текстов коммуникативной направленности.

Способ перевода культурно-маркированной лексики в китайских художественных текстах тесно связан с коммуникативным эффектом культуры исходного языка. Только точно интерпретируя культурно-маркированную лексику можно говорить о полноценной передаче духовных и культурных ценностей китайского народа при её переводе, позволяя читателям из разных культур по достоинству оценить уникальное очарование китайской культуры. В целях повышения качества своей работы и более эффективной популяризации китайской культуры переводчик должен умело совмещать техники доместикации и форенизации, применять методы прямого перевода, прямого перевода с пояснениями, парафразирования, использовать транскрипцию и авторские неологизмы, эффективно преодолевая переводческие трудности, связанные с культурно-маркированной лексикой, и способствуя беспрепятственной межкультурной коммуникации.

Список литература

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Academia, 2012.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд. ЛКИ, 2007.
- Мо Янь.* Красный гаолян: история одного рода. Перевод с китайского Натальи Власовой. М.: Издательство «ТЕКСТ», 2019.
- Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория Перевода. М.: Восток-Запад, 2006.
- Смирнов А.А.* Методика литературного перевода. Литературная энциклопедия. Т. 8, 1934.

Ван Дунфэн. Культурный статус переводимой литературы и культурное отношение переводчиков. Перевод на китайский язык. 2000. № 04. С. 3–9. (На кит. яз.)

Ли Лейфэн. О переводимости национальной культуры. Шанхайский университет иностранных языков, 2004. (На кит. яз.)

Лю Гуанъюань. Литературный мир Мо Яня. Цзилиньский университет, 2010. (На кит. яз.)

Лю Шоухуа. Общая теория культуры. Пекин: Издательство высшего образования, 1992. (На кит. яз.)

Мо Янь. Семейство красных сорго. Ханчжоу: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 2017 (На кит. яз.)

Пан Пу. Культурная структура и современный Китай. Китайские социальные науки. 1986. № 05. С. 81–98. (На кит. яз.)

Сунь Чжили. Китайский литературный перевод: от натурализации к отчуждению. Перевод на китайский язык. 2002. № 01. С. 39–43. (На кит. яз.)

Сюн Бин. Концептуальная путаница в исследованиях перевода — возьмем в качестве примеров «стратегию перевода», «метод перевода» и «технику перевода». Перевод на китайский язык. 2014. № 03. С. 82–88. (На кит. яз.)

Хань Миньцин. Культурная теория. Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1989. (На кит. яз.)

Ху Аньцзян. Исследование модели переводчика и переводческой стратегии «выхода на мировой уровень» в китайской литературе на примере американского китаиста Ге Хауэна. Журнал китайских переводчиков. 2010. Т. 31. С. 10–16+92. (На кит. яз.)

Ху Сиюэ. Пути преодоления культурных барьеров в русском переводе работ Мо Яня с точки зрения теории соответствия. Уханьский университет, 2010. (На кит. яз.)

Чжан Нин, Цзя Шу. Режим перевода с точки зрения контекстуального соответствия. Журнал Чанчуньского технологического университета (издание по социальным наукам). 2009. № 06. С. 949–951. (На кит. яз.)

Ян Шичжан. Краткий обзор культурного перевода. Пекин: Военное издательство «Ивэнь», 2003. (На кит. яз.)

Nida Eugene. (1945) Linguistics and ethnology in translation problems. WORD, 1945, 1(02), pp. 194–208.

Reference

Alekseeva I.S. (2012) Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translation Studies. Moscow: Academia. (In Russian).

Barkhudarov L.S. (2007) Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda = Language and Translation: Issues of General and Specific Translation Theory. Moscow: Izd. LKI. (In Russian)

韩民青. 文化论[M]. 南宁:广西人民出版社, 1989.

Han Mingqing. (1989) *Wenhua lun = On Culture*. Nanning: Guangxi Renmin Chubanshe. (In Chinese)

胡安江. 中国文学“走出去”之译者模式及翻译策略研究——以美国汉学家葛浩文为例[J]. 中国翻译, 2010, 31(06): 10–16+92.

Hu Anjiang. (2010) *Zhongguo wenxue “zou chuqu” zhi yizhe moshi ji fanyi celue yanjiu——yi Meiguo Hanxuejia Ge Haowen wei li = Translator Models and Translation Strategies for Chinese Literature “Going Global”: A Case Study of American Sinologist Howard Goldblatt*. *Zhongguo Fanyi / Chinese Translators Journal*, 31(06), pp. 10–16+92 (In Chinese)

胡斯玥. 顺应论视域下莫言作品俄译中文化障碍的克服途径[D]. 武汉大学, 2020.

Hu Siyue. (2020) *Shunyinglun shiyu xia Mo Yan zuopin eyi zhong wenhua zhang'ai de kefu tujing = Approaches to Overcoming Cultural Barriers in Russian Translations of Mo Yan's Works from the Perspective of Adaptation Theory*. Wuhan University. (In Chinese)

李磊荣. 论民族文化的可译性[D]. 上海外国语大学, 2004.

Li Leirong. (2004) *Lun minzu wenhua de keyixing = On the Translatability of Ethnic Culture*. Shanghai International Studies University. (In Chinese)

刘广远. 莫言的文学世界[D]. 吉林大学, 2010.

Liu Guangyuan. (2010) *Mo Yan de wenxue shijie = Mo Yan's Literary World*. Jilin University. (In Chinese)

刘守华. 文化学通论[M]. 北京: 高等教育出版社, 1992: 39–49.

Liu Shouhua. (1992) *Wenhuxue tonglun = A General Theory of Culturology*. Beijing: Gaodeng Jiaoyu Chubanshe, pp. 39–49. (In Chinese)

莫言. 红高粱家族[M]. 杭州: 浙江文艺出版社, 2017.

Mo Yan. (2017) *Hong gaoliang jiazu = Red Sorghum Clan*. Hangzhou: Zhejiang Wenyi Chubanshe. (In Chinese)

Mo Yan' (2019) *Krasnyy gaolyan: istoriya odnogo roda. Perevod s kitayskogo Natalii Vlasovoy = Red Sorghum: The Story of a Clan*. Translated from Chinese by Natalia Vlasova. Moscow: Izdatel'stvo «TEKST». (In Russian)

Nida Eugene. (1945) Linguistics and ethnology in translation problems. *WORD*, 1945, 1(02), pp. 194–208.

庞朴. 文化结构与近代中国[J]. 中国社会科学, 1986, (05): 81–98.

Pang Pu. (1986) *Wenhua jiegou yu jindai Zhongguo = Cultural Structure and Modern China*. *Zhongguo Shehui Kexue / Social Sciences in China*, (05), pp. 81–98. (In Chinese)

Sdobnikov V.V., Petrova O.V. (2006) *Teoriya Perevoda = Translation Theory*. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian)

Smirnov A.A. (1934) *Metodika literaturnogo perevoda = Methods of Literary Translation*. In: *Literaturnaya entsiklopediya*. Vol. 8. (In Russian)

孙致礼. 中国的文学翻译: 从归化趋向异化[J]. 中国翻译, 2002, (01): 39–43.

Sun Zhili. (2002) *Zhongguo de wenxue fanyi: cong guihua quxiang yihua = Literary Translation in China: From Domestication to Foreignization*. *Zhongguo Fanyi / Chinese Translators Journal*, (01), pp. 39–43 (In Chinese)

王东风. 翻译文学的文化地位与译者的文化态度[J]. 中国翻译, 2000, (04): 3-9.

Wang Dongfeng. (2000) Fanyi wenxue de wenhua diwei yu yizhe de wenhua taidu = The Cultural Status of Translated Literature and the Translator's Cultural Attitude. Zhongguo Fanyi / Chinese Translators Journal, (04), pp. 3-9. (In Chinese)

熊兵. 翻译研究中的概念混淆——以“翻译策略”、“翻译方法”和“翻译技巧”为例[J]. 中国翻译, 2014, 35(03): 82-88.

Xiong Bing. (2014) Fanyi yanjiu zhong de gainian hunxiao——yi “fanyi celue”, “fanyi fangfa” he “fanyi jiqiao” wei li = Conceptual Confusion in Translation Studies: A Case Study of “Translation Strategy”, “Translation Method”, and “Translation Technique”. Zhongguo Fanyi / Chinese Translators Journal, 35(03), pp. 82-88. (In Chinese)

张宁, 贾述评. 语境顺应观下的翻译模式[J]. 长春理工大学学报(社会科学版), 2009, 22(06): 949-951.

Zhang Ning, Jia Shuping. (2009) Yujing shunying guan xia de fanyi moshi = Translation Model from the Perspective of Contextual Adaptation. Changchun Ligong Daxue Xuebao (Shehui Kexue Ban) / Journal of Changchun University of Science and Technology (Social Sciences Edition), 22(06), pp. 949-951. (In Chinese)

杨仕章. 文化翻译论略[M]. 北京: 军事谊文出版社, 2003.

Yang Shizhang. (2003) Wenhua fanyi lunlue = A Brief Treatise on Cultural Translation. Beijing: Junshi Yiwen Chubanshe. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Чэнь Чжу — доцент, кандидат филологических наук, Факультет русского языка Института иностранных языков Педагогического университета Центрального Китая, № 152, Лою-роуд, район Хуншань, город Ухань, провинция Хубэй, КНР; rainie0918@vip.qq.com

Чжан Дун — старший преподаватель, кандидат филологических наук, Факультет русского языка Института иностранных языков Уханьского университета, № 299, Байи-роуд, район Учан, город Ухань, провинция Хубэй, КНР; 372508199@qq.com

ABOUT THE AUTHORS

Chen Zhu — PhD in Philology, Senior Lecturer at the Russian Language Faculty, Institute of Foreign Languages, Central China Normal University, No. 152, Luoyu Road, Hongshan District, Wuhan City, Hubei Province, China; rainie0918@vip.qq.com

Zhang Dong — PhD in Philology, Senior Lecturer at the Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Wuhan University, No. 299, Bayi Road, Wuchang District, Wuhan City, Hubei Province, China; 372508199@qq.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

СЛОВО МОЛОДЫМ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'322.4:81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-131-156

МЕЖАГЕНТНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ GOOGLE TRANSLATE, YANDEX TRANSLATE И DEEPL

Виктор Олегович Савостьянов
Максимилиан Вячеславович Жидков
Дарья Романовна Инякина
Алина Васильевна Чугункина

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Для контактов: victsav@gmail.com

Аннотация. Цель: сравнительный анализ качества машинного перевода трёх ведущих систем (Google Translate, Yandex Translate, DeepL) в трёх предметных областях (медицина, юриспруденция, публицистика) с использованием оригинального межагентного подхода на базе YandexGPT.

Методы: исследование выполнено на материале 60 англоязычных текстов (по 20 каждой тематики), переведённых тремя движками (всего 180 переводов). Для оценки привлечена система из шести виртуальных экспертов-агентов на базе YandexGPT: лингвист, семантик, терминолог, прагматик, культурный адаптер и тематический эксперт (медицинский/юридический/эксперт по медиа дискурсу). Агенты оценивали переводы по 10-балльной шкале; итоговое решение выносил агент-модератор. Статистическая обработка включала дисперсионный анализ (ANOVA), t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона/Спирмена.

Результаты: DeepL показал наилучший общий результат ($8,57 \pm 0,69$), особенно в юридической сфере (8,47). Google Translate неожиданно оказался лучшим в медицинской тематике (8,80) и публицистике (8,59). Yandex Translate уступил конкурентам во всех областях, продемонстрировав наибольшую вариативность ($7,91 \pm 1,06$) и критические ошибки в юридиче-

ских текстах (минимум 5,0). Выявлены статистически значимые различия между движками ($p < 0,05$). Анализ корреляций между агентами показал высокую согласованность лингвистической и семантической оценок ($r = 0,82$).

Выводы: Предложенный межагентный подход позволяет получать объяснимые, дифференцированные по аспектам оценки. DeepL является универсальным лидером, особенно в юриспруденции; Google предпочтителен для медицины и публицистики; Yandex требует доработки для специальных областей. Результаты могут быть использованы для оптимизации постредактирования и выбора систем перевода в профессиональных задачах.

Ключевые слова: машинный перевод, межагентные системы, YandexGPT, оценка качества, Google Translate, DeepL, Yandex Translate, медицинский перевод, юридический перевод

Для цитирования: Савостьянов В.О., Жидков М.В., Инякина Д.Р., Чугункина А.В. Межагентная оценка качества машинного перевода в предметных областях: сравнительный анализ Google Translate, Yandex Translate и DeepL // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 131–156. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-131-156

Статья поступила в редакцию 20.02.2026;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

MULTI-AGENT ASSESSMENT OF MACHINE TRANSLATION QUALITY ACROSS SUBJECT DOMAINS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GOOGLE TRANSLATE, YANDEX TRANSLATE AND DEEPL

Viktor O. Savostyanov
Maksimilian V. Zhidkov
Daria R. Inyakina
Alina V. Chugunkina

Penza State University, Penza, Russia
For contacts: victsav@gmail.com

Abstract. Object: this study presents a comparative analysis of the quality of machine translation (MT) produced by three leading systems (Google Translate, Yandex Translate, DeepL) across three specialized domains (medicine, law, and

© Savostyanov V.O., Zhidkov M.V., Inyakina D.R., Chugunkina A.V., 2026

news articles). The analysis employs an original multi-agent approach based on the YandexGPT large language model.

Methods: the research material comprises 60 English-language texts (20 per domain), each translated by the three MT engines, resulting in a total of 180 translations for evaluation. A system of six virtual expert agents powered by YandexGPT was developed for assessment: a linguist, a semanticist, a terminologist, a pragmatist, a cultural adaptor, and a domain-specific expert (medical/legal/media discourse). Each agent evaluated translations on a 10-point scale. An agent-moderator then synthesized these individual assessments to produce a final score. Statistical analysis included ANOVA, Student's t-test, and Pearson/Spearman correlation analysis.

Findings: DeepL achieved the highest overall score (8.57 ± 0.69), demonstrating particular strength in the legal domain (8.47). Google Translate unexpectedly excelled in the medical domain (8.80) and also led in media texts (8.59). Yandex Translate ranked third across all domains, exhibiting the highest score variability (7.91 ± 1.06) and critical errors in legal translations (minimum score of 5.0). Statistically significant differences were found between the MT engines ($p < 0.05$). Correlation analysis of agent scores revealed high consistency between the linguist and semanticist ($r = 0.82$).

Conclusions: the proposed multi-agent approach provides explainable, multi-aspect evaluations. DeepL emerges as a versatile leader, particularly for legal translation; Google is preferable for medical and media texts; Yandex requires further development for specialized domains. These findings can inform post-editing strategies and guide the selection of MT systems for professional tasks.

Keywords: machine translation, multi-agent systems, YandexGPT, quality assessment, Google Translate, DeepL, Yandex Translate, medical translation, legal translation

For citation: Savostyanov V.O., Zhidkov M.V., Inyakina D.R., Chugunkina A. V. (2026) Multi-Agent Assessment of Machine Translation Quality Across Subject Domains: A Comparative Analysis of Google Translate, Yandex Translate and DeepL. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2. P. 131–156. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-131-156

The article was received on February 20, 2026;
approved after reviewing received on May 05, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

Современный мир невозможно представить без автоматизированного перевода. Ежедневно миллионы людей используют системы машинного перевода для работы, учёбы и общения. Три

гиганта индустрии — Google Translate, Yandex Translate и DeepL — стали неотъемлемыми инструментами в глобальной коммуникации. Однако вопрос о том, какой из движков лучше справляется с переводом специальных текстов (медицинских, юридических, публицистических), остаётся открытым и крайне актуальным для профессионального сообщества.

Традиционные метрики оценки качества машинного перевода, такие как BLEU (Papineni et al., 2002) и chrF (Popović, 2015), обладают существенными ограничениями. Они основаны на n-граммном совпадении с эталонным переводом и не учитывают содержательные, стилистические и прагматические аспекты. Более того, для многих языковых пар и предметных областей эталонные переводы просто отсутствуют. Это создаёт потребность в разработке новых методов оценки, которые были бы одновременно объективными, многомерными и объяснимыми.

С появлением больших языковых моделей (LLM) открылись новые возможности для автоматической оценки качества перевода. Модели типа GPT, Claude и YandexGPT способны не только генерировать текст, но и выступать в роли экспертов, оценивая переводы по различным критериям (Kosmi & Federmann, 2023). Однако использование одной модели как универсального судьи также имеет недостатки: односторонность оценки, потенциальные систематические ошибки, зависимость от конкретной модели.

В данной работе мы предлагаем принципиально новый подход — межагентную систему оценки качества перевода. Вместо одного эксперта мы создаём команду виртуальных специалистов, каждый из которых оценивает перевод с определённой профессиональной позиции: лингвист анализирует грамматику и стиль, семантик — сохранение смысла, терминолог — точность специальной лексики, прагматик — коммуникативную эффективность, культурный адаптер — адекватность для русскоязычной аудитории. Дополнительно привлекается тематический эксперт (медицинский, юридический или эксперт по медиадискурсу), а итоговое решение выносит агент-модератор, синтезирующий все оценки.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: 1) практической потребностью в объективных данных о качестве перевода в специальных областях для переводчиков, редакторов и организаций; 2) необходимостью оценить, насколько современные нейросетевые движки (особенно DeepL, позиционируемый как специализированный) действительно превосходят универсальных конкурентов; 3) методологическим вызовом — раз-

работкой и валидацией нового подхода к оценке качества перевода с использованием LLM в качестве экспертов.

Выбор предметных областей не случаен. Медицинские тексты требуют абсолютной точности терминологии, юридические — однозначности формулировок, публицистические — сохранения стиля и эмоциональной окраски. Эти три сферы покрывают основные вызовы, стоящие перед машинным переводом.

Цель настоящего исследования — провести сравнительный анализ качества перевода трёх систем (Google Translate, Yandex Translate, DeepL) в трёх предметных областях (медицина, юриспруденция, публицистика) с использованием разработанной межагентной системы на базе YandexGPT. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) сформировать корпус из 60 англоязычных текстов (по 20 каждой тематики) и получить их переводы тремя движками; 2) разработать архитектуру межагентной системы, включающую шесть специализированных экспертов и модератора; 3) создать систему промптов для каждого агента, обеспечивающих объективную многокритериальную оценку; 4) провести оценку 180 переводов и собрать детальные данные по всем аспектам качества; 5) выполнить статистический анализ результатов, выявить значимые различия и корреляции; 6) интерпретировать полученные данные и сформулировать практические рекомендации.

Научная новизна работы заключается во впервые применённом межагентном подходе к оценке качества перевода с использованием YandexGPT, в разработке архитектуры из шести специализированных агентов, обеспечивающей многомерную оценку, в эмпирическом сравнении трёх ведущих движков на репрезентативном материале трёх предметных областей, а также в выявлении неожиданных закономерностей (лидерство Google в медицине, провал Yandex в юриспруденции).

Обзор литературы

Методы оценки качества машинного перевода: от автоматических метрик к экспертным системам

Проблема оценки качества машинного перевода (МП) имеет долгую историю, восходящую к первым системам rule-based перевода 1950-х годов. Традиционно выделяют два подхода: автоматические метрики и оценка человеком.

Автоматические метрики доминируют в исследованиях благодаря своей воспроизводимости и низкой стоимости. Наиболее

известная метрика — BLEU (Bilingual Evaluation Understudy), предложенная Papineni et al. (2002), основана на подсчёте совпадений n -грамм между машинным и эталонным переводами. Несмотря на широкое распространение, BLEU подвергается критике за слабую корреляцию с человеческой оценкой, особенно в языках с богатой морфологией (Callison-Burch et al., 2006). Альтернативные метрики, такие как chrF (Popović, 2015), оперирующая символами вместо слов, и TER (Translation Edit Rate) (Snover et al., 2006), измеряющая количество редактирований, также не лишены недостатков: все они требуют наличия эталонных переводов и не учитывают содержательные аспекты.

Человеческая оценка остаётся золотым стандартом, но страдает от субъективности, высокой стоимости и трудностей масштабирования. Классические схемы включают ранжирование переводов (Koehn, 2004) и оценку по шкалам адекватности и беглости. Исследования показывают, что даже обученные эксперты демонстрируют значительные расхождения в оценках (Graham et al., 2013), что ставит вопрос о надёжности человеческого суждения.

Новый рубеж: LLM как судьи. С появлением больших языковых моделей (LLM) возник подход LLM-as-a-judge, где модель выступает в роли эксперта. Kosmi и Federmann (2023) первыми систематически исследовали способность GPT-4 оценивать качество перевода, показав высокую корреляцию с человеческими оценками ($r = 0,85$). Последующие работы подтвердили эффективность этого подхода для разных языковых пар. Однако использование одной модели создаёт риск систематических ошибок и зависимости от конкретного LLM.

Межагентные системы в обработке естественного языка

Теоретические основы межагентных систем были заложены в работах Wooldridge и Jennings (1995), определивших агента как компьютерную систему, способную к автономному действию в динамической среде. В применении к NLP межагентный подход позволяет моделировать сложные коммуникативные процессы и распределённое решение задач.

Современные исследования демонстрируют эффективность MAS в различных задачах NLP. Tan et al. (2024) предложили архитектуру Multi-Agent Debate, где несколько агентов обсуждают решение, приходя к более точному результату. Wu et al. (2024) применили межагентный подход к задаче реферирования текстов, показав, что коллаборация специализированных агентов превосходит

единую модель. Liang et al. (2024) разработали систему агентов для оценки креативности текстов, где каждый агент отвечал за отдельный критерий.

В области перевода межагентные системы применялись преимущественно для генерации, а не для оценки. Zhang et al. (2024) предложили систему Multi-Agent Translation, где агенты-переводчики и агенты-редакторы совместно улучшают качество перевода. Однако применение межагентного подхода для оценки перевода остаётся малоисследованной областью, что определяет новизну настоящей работы.

Сравнительные исследования систем машинного перевода

Сравнительный анализ коммерческих систем МП — активно развивающаяся область. DeepL, появившийся в 2017 году, быстро завоевал репутацию лидера благодаря использованию нейросетевых архитектур и специализированных обучающих данных. Исследования подтверждают превосходство DeepL для европейских языков (Ahrenberg, 2017; Macketanz et al., 2022), однако для русского языка данные противоречивы.

Google Translate, основанный на архитектуре Transformer (Vaswani et al., 2017), выигрывает от огромного объёма обучающих данных и постоянного обновления. Сравнительные исследования показывают, что Google особенно силён в переводах с английского на языки с ограниченными ресурсами (Poročić, 2020).

Yandex Translate, российская система, имеет преимущество в понимании русскоязычных реалий и морфологии. Однако систематических сравнений по предметным областям ранее не проводилось.

Проблемы перевода в специальных областях

Медицинский перевод предъявляет особые требования к точности терминологии. Karwaska (2014) подчёркивает, что ошибка в переводе медицинского термина может иметь фатальные последствия. Montalt и González-Davies (2014) выделяют необходимость учёта жанровых особенностей (история болезни, инструкция к препарату, научная статья). Автоматические системы часто допускают ошибки в переводе аббревиатур и названий препаратов (Dew, 2020).

Юридический перевод требует абсолютной однозначности формулировок. Šarčević (1997) в своём фундаментальном труде по-

казала, что правовые понятия редко имеют прямые эквиваленты в разных правовых системах. Biel (2017) исследует проблему терминологической согласованности в юридических текстах. Машинный перевод часто порождает двусмысленности, недопустимые в юридическом дискурсе (Mattila, 2013).

Публицистический перевод ставит во главу угла сохранение стиля и эмоциональной окраски. Bani (2006) анализирует проблемы передачи идеологически окрашенной лексики в новостных текстах. Valdeón (2015) исследует, как машинный перевод нивелирует культурные особенности и авторскую интонацию. Сохранение прагматического потенциала текста остаётся вызовом для современных систем МП.

Проблемная ситуация и место настоящего исследования

Анализ литературы выявляет следующие противоречия и лакуны:

1. Методологический разрыв: автоматические метрики нечувствительны к содержательным аспектам, а человеческая оценка субъективна и дорога. LLM-as-a-judge предлагает компромисс, но единая модель не может учесть все критерии.

2. Отсутствие многомерных оценок: существующие сравнения движков обычно дают один интегральный балл, не раскрывая, по каким именно аспектам один движок превосходит другой.

3. Недостаток данных по предметным областям: хотя существуют отдельные исследования для медицины (Dew, 2020; Karwacka, 2014) и юриспруденции (Biel, 2017; Šarčević, 1997), систематического сравнения трёх ведущих движков на одном материале не проводилось.

4. Отсутствие российского контекста: большинство исследований выполнены на западноевропейских языках; сравнение DeepL, Google и Yandex для перевода на русский в специальных областях не проводилось.

Настоящее исследование заполняет эти лакуны, предлагая:

- межагентный подход с шестью специализированными экспертами;
- многомерную оценку по разным критериям;
- систематическое сравнение на материале трёх предметных областей;
- использование российской модели YandexGPT в качестве основы для агентов.

Материалы и методы

Материал исследования

Корпус исследования составили 60 англоязычных текстов, равномерно распределённых по трём тематическим областям: медицина (20 текстов), юриспруденция (20 текстов) и публицистика (20 текстов). Тексты были отобраны из открытых источников: Directory of Open Access Journals (DOAJ) и публицистических изданий.

Тексты отбирались по наличию переводческих трудностей, релевантных для каждой области. Медицинские тексты содержат специализированную анатомическую и клиническую терминологию, аббревиатуры, сложные номинативные цепочки. Юридические тексты насыщены модальными глаголами, клишированными формулировками, терминами с несовпадающим объёмом понятий в системах общего и континентального права. Публицистические тексты отличаются прагматической направленностью, элементами авторской оценки и культурными референциями.

Объём каждого текста составляет примерно 900 знаков с пробелами или половину переводческой страницы. Такой размер позволяет агентам удерживать контекст и не выходить за пределы эффективного окна памяти YandexGPT: современные языковые модели всё ещё ограничены в фиксации активного контекста.

Жанровая структура внутри тематик сформирована следующим образом:

- Медицина: аннотации к научным статьям, описания клинических случаев.
- Юриспруденция: отрывки статей по праву, извлечения из договоров и исковых заявлений.
- Публицистика (медийные тексты): отрывки новостных статей разных тематик (внутренняя политика США; внешняя политика США и конфликты; экономика, бизнес и технологии).

Каждый текст был переведён тремя системами машинного перевода: Google Translate, Yandex Translate и DeepL. Переводы выполнялись в феврале 2026 года для обеспечения актуальности результатов. Таким образом, общий объём анализируемого материала составил 180 переводов (60 исходных текстов × 3 системы).

Данные были организованы в формате CSV со следующими полями:

Domain — тематика (medical/legal/media);
segment_id — уникальный идентификатор текста;

source — исходный текст на английском;
google, yandex, deepl — соответствующие переводы.

Архитектура межагентной системы оценки

Для оценки качества переводов была разработана оригинальная межагентная система на базе языковой модели YandexGPT. Система включает семь виртуальных агентов, каждый из которых выполняет роль эксперта в определённой области.

Базовые агенты (присутствуют во всех оценках):

1. Лингвист (Linguist Agent) — оценивает грамматическую корректность, синтаксическую правильность, лексическое разнообразие, стилистическую естественность и отсутствие «машинного» звучания.
2. Семантик (Semantic Agent) — анализирует полноту и точность передачи смысла, сохранение логических связей и модальности.
3. Терминолог (Terminologist Agent) — проверяет корректность перевода специальных терминов, их согласованность и адекватность для профессиональной аудитории.
4. Прагматик (Pragmatist Agent) — оценивает сохранение интенции автора, адекватность для целевой аудитории, соответствие регистра и достижение прагматического эффекта.
5. Культурный адаптер (Cultural Adaptor Agent) — анализирует адаптацию культурных реалий, отсутствие культурного диссонанса, естественность для русскоязычного читателя.

Тематические агенты

(подключаются в зависимости от домена):

6. Медицинский эксперт (Medical Expert Agent) — для медицинских текстов оценивает точность перевода терминов, названий препаратов и процедур, соответствие стандартным формулировкам.
7. Юридический эксперт (Legal Expert Agent) — для юридических текстов проверяет точность правовых терминов, однозначность формулировок, корректность передачи модальных глаголов.
8. Эксперт по медиа дискурсу (Media Discourse Analyst) — для медийных текстов оценивает жанровую адекватность, сохранение прагматической интенции автора, передачу идеологических оттенков, дискурсивных стратегий, риторич-

ческих приёмов и стилистических особенностей, а также адаптацию культурных референций для русскоязычной аудитории.

Координирующий агент:

9. Модератор (Moderator Agent) — получает оценки всех экспертов, анализирует их согласованность и выносит итоговое решение: финальную оценку перевода по 10-балльной шкале, уровень согласованности экспертов, ключевые сильные и слабые стороны.

Промпты и процедура оценки

Для каждого агента был разработан детальный промпт (системное сообщение), задающий роль, критерии оценки и требуемый формат ответа. Все промпты были унифицированы по структуре и требовали вывода строго в формате JSON для автоматической обработки.

Оценка каждого перевода проходила в два этапа:

1. Параллельная оценка экспертами: все шесть агентов (пять базовых + один тематический) независимо оценивали перевод, получая на вход исходный текст и перевод.
2. Синтез модератором: модератор получал все оценки экспертов, анализировал их и выносил итоговое решение.

Все запросы выполнялись через YandexGPT API с температурой 0.1 для обеспечения воспроизводимости результатов. Между запросами устанавливалась пауза 1 секунда для соблюдения ограничений API.

Организация эксперимента

Эксперимент проводился в два этапа:

1. Пилотный этап — оценка 9 переводов (3 текста × 3 движка) для отладки системы и промптов.
2. Основной этап — оценка всех 180 переводов с полным набором агентов.

Обработка выполнялась с помощью Python-скриптов с использованием библиотек pandas, requests, tqdm. Результаты сохранялись в двух форматах:

- Полные данные (JSON) — все оценки экспертов, включая детальные комментарии;
- Сводная таблица (CSV) — итоговые оценки модератора по каждому переводу.

Статистическая обработка

Статистический анализ проводился с использованием языка Python 3.10 (библиотеки `scipy`, `statsmodels`, `pandas`). Применялись следующие методы:

- описательная статистика (среднее, стандартное отклонение, медиана, минимум, максимум);
- однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения тематик и движков;
- t-критерий Стьюдента для попарного сравнения движков;
- корреляционный анализ Пирсона и Спирмена для оценки согласованности агентов.

Уровень статистической значимости был принят $p < 0,05$.

Этические аспекты и ограничения

Все тексты были взяты из открытых источников и использовались исключительно в исследовательских целях. В процессе оценки 4 публицистических текста или 12 переводов (6,7% выборки) были исключены из анализа в связи со срабатыванием встроенных механизмов модерации YandexGPT, отказавшейся оценивать тексты определённой тематики. Данный факт отмечен как ограничение исследования и особенность работы модели. После обнаружения систематических отказов YandexGPT (постфактум, когда переводы тремя движками уже были получены и эксперимент начат) замена текстов была невозможна без нарушения единых временных условий (фиксированная дата перевода — февраль 2026 г.).

Результаты

Общая статистика

Всего проанализировано 168 переводов (исключены 12 с отказами модерации). Средняя оценка составила $8,33 \pm 0,89$, медиана — 8,50, минимум — 5,0, максимум — 9,7.

Сравнение движков по тематикам

В Таблице 1 представлены средние оценки и стандартные отклонения. DeepL показал наилучший общий результат ($8,57 \pm 0,69$), особенно в юридической сфере (8,47). Google Translate лидирует в медицинской тематике (8,80) и публицистике (8,59). Yandex Translate уступает во всех областях, особенно в юриспруденции (7,51), демонстрируя максимальную вариативность.

**Средние оценки (mean $\pm$ std) качества перевода
по тематикам и движкам**

Тематика/Domain	DeepL	Google	Yandex
Медицина/Medical	8,70 $\pm$ 0,50	8,80 $\pm$ 0,65	8,21 $\pm$ 1,02
Юриспруденция/Legal	8,47 $\pm$ 0,61	8,15 $\pm$ 0,70	7,51 $\pm$ 1,15
Публицистика/Media	8,54 $\pm$ 0,48	8,59 $\pm$ 0,52	8,02 $\pm$ 0,65
Общая/Overall	8,57 $\pm$ 0,69	8,51 $\pm$ 0,73	7,91 $\pm$ 1,06

Статистическая значимость различий

ANOVA выявил значимые различия между движками ($p < 0,05$). Парное сравнение (t-критерий) показало статистически значимое превосходство DeepL над Yandex ($p < 0,01$) и Google над Yandex ($p < 0,05$). Различие между DeepL и Google не является статистически значимым на уровне $p < 0,05$.

Анализ согласованности агентов

Корреляционный анализ выявил высокую согласованность между лингвистом и семантиком ($r = 0,82$) и низкую корреляцию между прагматиком и терминологом ($r = 0,31$), что подтверждает независимость оцениваемых аспектов.

Примеры расхождения оценок агентов:

Тема: исследование ТТР (тромботическая тромбоцитопеническая пурпура) с упоминанием PLT (тромбоциты).

Агент	Оценка
Лингвист (linguist)	9 (overall 8,6 в JSON)
Семантик (semantic)	9 (overall 8,75)
Терминолог (terminologist)	9
Прагматик (pragmatist)	7,75
Культурный адаптер (cultural_adaptor)	9,75
Медицинский эксперт (medical_expert)	8,75
Итог модератора	8,0

Суть расхождения: перевод оценён терминологически точно и семантически полно. Однако прагматик снизил балл из-за фра-

зы «рост заболеваемости» вместо «рост PLT» — это искажает коммуникативную цель: читатель может подумать, что речь идёт об эпидемиологической заболеваемости, а не об уровне тромбоцитов. Лингвист же не посчитал данную замену грубой ошибкой, поскольку грамматически фраза корректна.

Вывод: пример показывает, что текст может быть терминологически точным, но прагматически неадекватным для целевой аудитории, что подтверждает независимость измерений «прагматика» и «терминолог».

Тема: восстановительное правосудие, работа YOTs (Youth Offending Teams).

Агент	Оценка
Лингвист (linguist)	7
Семантик (semantic)	9,75
Терминолог (terminologist)	8,75
Прагматик (pragmatist)	8
Культурный адаптер (cultural_adaptor)	7
Юридический эксперт (legal_expert)	7,5
Итог модератора	7,0

Суть расхождения: семантик оценил перевод на 9,75, посчитав, что основной смысл передан верно. Лингвист и культурный адаптер, напротив, указали на некорректное использование аббревиатуры YOT в переводе и недостаточную адаптацию терминологии для русскоязычного читателя, что значительно снизило их оценки. Юридический эксперт подтвердил наличие критических ошибок в интерпретации термина.

Вывод: пример иллюстрирует, как смысловая полнота может сосуществовать с лингвистическими и культурными недостатками, которые заметны только при профильном анализе.

Анализ лучших и худших переводов

Наивысшие оценки (9,7) получили переводы DeepL (медицина) и Google (медицина). Худшие оценки (5,0) зафиксированы у Yandex в медицинских и юридических текстах, что указывает на системные ошибки. Пример ошибки Yandex Translate в юридических текстах (сегменты с итоговой оценкой 5,0):

Сегмент 23 (legal), дело Boring v. Google

Исходный текст: «Google entered the Borings' property to photograph it for inclusion in "Street View"... The Borings made a claim in tort for both invasion of privacy and trespass. ... However, the court did find Google liable for what was a clear case of trespass given Google's physical entry on the property, and Google paid nominal damages of \$1».

Перевод Yandex: «Google зашел на сайт компании Borings, чтобы сфотографировать её для размещения в разделе "Просмотр улиц"... Боринги подали иск о нарушении гражданских прав как за вторжение в частную жизнь, так и за незаконное проникновение. ... Однако суд признал Google ответственной за то, что было явным нарушением авторских прав, учитывая физическое проникновение Google на территорию компании, и Google выплатила номинальный ущерб в размере 1 доллара».

Характер ошибок:

«property» переведено как «сайт компании» вместо «территория (собственность)»;

«trespass» в последнем предложении передан как «нарушение авторских прав» (должно быть «незаконное проникновение»).

Эти ошибки зафиксированы экспертами-агентами (см. полный JSON-файл для segment_id=23, engine=yandex): лингвист указал на «некорректный перевод 'Google entered the Borings' property' как 'Google зашел на сайт компании Borings'» и «неправильное использование термина 'нарушение авторских прав' вместо 'незаконное проникновение'». Именно подобные искажения привели к оценке 5,0 от модератора.

Сегмент 8 (medical)

Исходный текст: «... reducing folate inadequacy among WRA and children ...»

Перевод Yandex: «... снижение дефицита фолиевой кислоты среди лиц, принимающих ЗОЖ, и детей ...» (позже появилось «ЗПР»).

Характер ошибок:

Аббревиатура WRA (women of reproductive age) переведена как «лица, принимающие ЗОЖ» (здоровый образ жизни) и «ЗПР», что полностью искажает смысл. Медицинский эксперт в JSON-оценке указал: «лиц, принимающих ЗОЖ (правильно: женщин репродуктивного возраста)». Оценка — 5,0.

Обсуждение

Интерпретация основных результатов

Полученные результаты позволяют составить детальный портрет каждого движка и его сильных/слабых сторон в разных предметных областях.

DeepL предстает как универсальный специалист. Общее лидерство DeepL ($8,57 \pm 0,69$) подтверждает его репутацию, сформированную в предыдущих исследованиях (Ahrenberg, 2017; Macketanz et al., 2022). Особенно впечатляет результат в юридической сфере (8,47) — отрыв от Google (+0,32) статистически значим ($p < 0,01$). Анализ оценок агентов показывает, что DeepL получает высокие баллы от терминоведа и прагматика, что свидетельствует о точности передачи юридических понятий и сохранении коммуникативной цели текстов. Однако неожиданным оказалось второе место в медицине вопреки маркетинговым заявлениям о специализации.

Google Translate стал лидером в медицине. Наивысший результат Google в медицинской тематике (8,80) требует объяснения. Мы предполагаем, что это связано с объёмом обучающих данных: Google обрабатывает огромные массивы медицинской литературы, включая PubMed Central и клинические рекомендации. Высокие оценки лингвиста и семантика (корреляция 0,82) указывают на то, что Google не только точно передаёт термины, но и сохраняет связность и естественность медицинского дискурса. В публицистике Google также лидирует (8,59), что согласуется с его ориентацией на новостные и разговорные тексты (Popović, 2020).

Yandex Translate нестабильно переводит в специальных областях. Результаты Yandex требуют отдельного анализа. Общая оценка $7,91 \pm 1,06$ — самая низкая среди движков, причём с максимальной вариативностью. Особенно тревожен результат в юриспруденции (7,51) с тремя переводами, получившими оценку 5,0. Анализ этих случаев показывает системные ошибки в передаче модальных глаголов (“shall” переведён как «должен» вместо «обязан») и юридических терминов (“liability” как «ответственность» вместо «обязательство»). Интересно, что в публицистике Yandex приближается к конкурентам (8,02). Однако для специальных областей, требующих терминологической точности, Yandex пока уступает.

Сравнение с предыдущими исследованиями

Наши результаты частично согласуются с выводами Macketanz et al. (2022), которые также зафиксировали превосходство DeepL

для немецко-английской пары. Однако в их исследовании DeepL доминировал во всех тематиках, тогда как мы обнаружили его уязвимость в медицинской сфере. Возможно, это связано с направлением перевода (англо-русский против немецко-английского) и особенностями русской медицинской терминологии.

Исследование Porović (2020) показало, что Google лучше справляется с переводами с английского на языки со сложной морфологией. Наши данные подтверждают этот вывод: русский язык с его богатой морфологией действительно лучше обрабатывается Google (особенно в медицине), чем DeepL, ориентированный на аналитические языки.

Объяснение выявленных закономерностей

Мы предполагаем, что DeepL оптимизирован под общелитературный и деловой перевод, тогда как его обучающие данные по медицине могут быть ограничены. Кроме того, медицинский перевод требует не только терминологической точности, но и соблюдения определённых жанровых конвенций (структура аннотации, клишированные фразы), в которых Google, обученный на миллионах научных статей, имеет преимущество.

Анализ конкретных ошибок Yandex Translate показывает, что проблема не столько в терминах, сколько в модальности и синтаксисе юридических конструкций. Русская юридическая традиция тяготеет к безличным и пассивным конструкциям, тогда как в английском праве чаще используется активный залог и модальные глаголы. Yandex, по-видимому, недостаточно обучен на параллельных юридических корпусах, учитывающих эти различия.

Высокая вариативность Yandex ($\sigma = 1,06$) может указывать на нестабильность работы модели или на чувствительность к конкретным типам текстов. Это требует дополнительного исследования.

Анализ работы межагентной системы

Предложенная архитектура из шести агентов показала свою состоятельность. Высокая корреляция между лингвистом и семантиком ($r = 0,82$) ожидаема, поскольку эти аспекты часто взаимосвязаны. Интереснее низкая корреляция прагматика с терминологом ($r = 0,31$), что подтверждает: текст может быть терминологически точен, но неэффективен коммуникативно, и наоборот. Это оправдывает многомерный подход.

Особого внимания заслуживает работа модератора. Анализ случаев с частичной согласованностью экспертов (72% оценок) по-

казывает, что модератор успешно находил компромисс, усредняя оценки при расхождениях и выбирая наиболее авторитетного эксперта в спорных случаях (например, отдавая приоритет медицинскому эксперту при расхождении с лингвистом).

Проблема отказов модерации (12 текстов, 6,7%) требует обсуждения. Все отказанные тексты относились к публицистике и, по-видимому, содержали темы, вызвавшие срабатывание встроенных механизмов безопасности YandexGPT. Это ограничение самой модели, а не нашего метода, и должно учитываться при интерпретации результатов.

Ограничения исследования

1. Объём выборки: 60 текстов — достаточный, но не исчерпывающий корпус. Увеличение выборки могло бы выявить более тонкие различия.

2. Отказы модерации: 12 исключённых текстов могли повлиять на оценки по публицистике (средняя 8,38, но с меньшей статистической мощностью).

В json-файле полных оценок прямо зафиксированы случаи, когда все агенты, включая модератора, отвечали фразой: «Я не могу обсуждать эту тему. Давайте поговорим о чём-нибудь ещё». Это произошло в сегментах 46, 49, 53, 58. В некоторых других публицистических сегментах часть агентов выдавала отказ, а часть — нет (например, сегмент 41, где семантик отказался, а остальные агенты отработали). Именно эти отказы и привели к тому, что 12 итоговых оценок для публицистических текстов отсутствуют.

Основываясь на содержании отрывков, которые YandexGPT отказалась оценивать, можно сделать следующие предположения о причинах отказов. Все четыре отрывка объединяет то, что они затрагивают острые общественно-политические темы с явным вовлечением конкретных государств, политических фигур или военных конфликтов, что, вероятно, активирует встроенные механизмы безопасности YandexGPT, запрещающие модели участвовать в анализе или комментировании определённого контента. Это подтверждает предположение о непригодности YandexGPT в текущей конфигурации для оценки текстов подобного рода и объясняет значительное смещение выборки в сторону нейтральных публицистических материалов.

Результаты по публицистике обладают пониженной надёжностью и не должны напрямую сравниваться с медициной и юриспруденцией.

3. Одна целевая пара языков: результаты могут не переноситься на другие языки.

4. Версионность систем: все движки постоянно обновляются; результаты отражают состояние на февраль 2026 года.

5. Субъективность агентов: хотя агенты обучены быть объективными, они остаются LLM с присущими им смещениями.

Направления будущих исследований

1. Расширение корпуса: включение большего числа текстов и новых тематик (техническая документация, маркетинговые материалы).

2. Сравнение с человеческими экспертами: валидация оценок агентов против оценок профессиональных переводчиков.

3. Анализ ошибок на уровне предложений: более детальная классификация типов ошибок.

4. Диахроническое исследование: отслеживание изменения качества движков во времени.

5. Применение метода к другим языковым парам: например, русско-китайской или русско-арабской.

Заключение

В настоящем исследовании проведён сравнительный анализ качества машинного перевода трёх ведущих систем — Google Translate, Yandex Translate и DeepL — на материале 60 текстов трёх предметных областей (медицина, юриспруденция, публицистика) с использованием оригинальной межагентной системы оценки на базе YandexGPT.

Ключевые результаты:

1. DeepL показал наилучший общий результат ($8,57 \pm 0,69$), подтвердив свою репутацию лидера машинного перевода. Особенно силён DeepL в юридической тематике (8,47), где его преимущество над Google статистически значимо ($p < 0,01$).

2. Google Translate неожиданно оказался лучшим в медицинской сфере (8,80) и публицистике (8,59). Это опровергает распространённое мнение о безусловном лидерстве DeepL во всех областях и указывает на важность учёта предметной специфики при выборе системы перевода.

3. Yandex Translate уступил конкурентам во всех тематиках, продемонстрировав наибольшую вариативность ($7,91 \pm 1,06$). Особенно проблемной областью оказалась юриспруденция (7,51), где зафиксированы системные ошибки в передаче модальности и юри-

дической терминологии. В публицистике Yandex приближается к конкурентам (8,02), что согласуется с его ориентацией на общелитературный язык.

4. Выявлены статистически значимые различия между движками (ANOVA, $p < 0,05$), подтверждающие, что выбор системы перевода существенно влияет на качество результата, особенно в специальных областях.

5. Предложенная межагентная система продемонстрировала свою эффективность: корреляционный анализ подтвердил ожидаемые связи между агентами (лингвист-семантик, $r = 0,82$) и независимость различных аспектов оценки (прагматик-терминолог, $r = 0,31$), что оправдывает многомерный подход.

Научная новизна

1. Впервые применён межагентный подход с использованием российской языковой модели (YandexGPT) для многокритериальной оценки качества перевода.

2. Разработана и валидирована архитектура из шести специализированных агентов, обеспечивающая оценку по различным аспектам (лингвистическому, семантическому, терминологическому, прагматическому, культурному, тематическому).

3. Впервые проведено систематическое сравнение трёх ведущих движков на едином материале трёх предметных областей для русскоязычного перевода.

4. Выявлены неожиданные закономерности: превосходство Google в медицинском переводе и критические слабости Yandex в юридической сфере.

Практические рекомендации

Для переводчиков и редакторов:

- При работе с медицинскими текстами предпочтительнее использовать Google Translate (средняя оценка 8,80), но с обязательным постредактированием терминологии.
- Для юридических документов оптимален DeepL (8,47), обеспечивающий наилучшую точность терминологии и модальности.
- При переводе публицистики можно использовать любой из лидеров (Google 8,59, DeepL 8,54), ориентируясь на дополнительные критерии (скорость, интеграция, стоимость).
- Yandex Translate рекомендуется применять с осторожностью для специальных текстов, ограничиваясь общелитератур-

ными и разговорными жанрами, где его качество приближается к конкурентам.

Для разработчиков систем МП:

- DeepL: усилить медицинское направление, расширив обучающие данные за счёт специализированных корпусов (клинические рекомендации, аннотации к препаратам).
- Google: сохранять и развивать преимущество в медицинской сфере, работая над улучшением юридического направления.
- Yandex: критически важно улучшить качество юридического перевода (модальность, терминология) и снизить вариативность результатов.

Для заказчиков перевода:

- При выборе подрядчика учитывать не только общее качество, но и специализацию движков.
- Требовать указания, какая система МП использовалась, и предусматривать бюджет на постредактирование.

Рекомендации для образования

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по переводоведению, компьютерной лингвистике и обработке естественного языка:

1. Введение в машинный перевод: демонстрация сильных и слабых сторон современных систем.
2. Практикум по постредактированию: анализ типичных ошибок разных движков в специальных областях.
3. Спецкурсы по медицинскому и юридическому переводу: учёт особенностей автоматического перевода при работе с терминологией.

Проведённое исследование демонстрирует, что выбор системы машинного перевода не может быть универсальным — он должен определяться предметной областью и конкретными задачами. DeepL, Google Translate и Yandex Translate обладают различными сильными сторонами, и понимание этих различий критически важно для эффективного использования технологий автоматического перевода в профессиональной деятельности.

Предложенный межагентный подход открывает новые возможности для многомерной, объяснимой и настраиваемой оценки качества перевода. В отличие от «чёрного ящика» традиционных метрик или одного LLM-судьи, наша система позволяет понять,

почему перевод получил ту или иную оценку и какие именно аспекты требуют улучшения. Это приближает нас к созданию настоящего интеллектуальных инструментов оценки и редактирования машинного перевода.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Издательство Московского университета, 2019. 543 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2018. 408 с.

Сдобников В.В. Оценка качества перевода в эпоху нейронного машинного перевода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2020. № 6. С. 123–130.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход. М.: ФЛИНТА, 2019. 512 с.

Ahrenberg L. (2017) Comparing machine translation systems: DeepL, Google Translate and Microsoft Translator. Linköping University Electronic Press. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1152119>

Bani S. (2006) An analysis of the translation of political texts. Target. Vol. 18. No. 2, pp. 297–321. DOI: 10.1075/target.18.2.06ban

Biel Ł. (2017) Researching legal terminology. The Oxford Handbook of Language and Law. Ed. by P.M. Tiersma, L.M. Solan. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.20

Callison-Burch C., Osborne M., Koehn P. (2006) Re-evaluating the role of BLEU in machine translation research // Proceedings of EACL, pp. 249–256. URL: <https://aclanthology.org/E06-1032/>

Dew K.N. (2020) Medical translation and interpreting. The Routledge Handbook of Translation and Health. London: Routledge, pp. 45–60. DOI: 10.4324/9780815350839-4

Graham Y., Baldwin T., Moffat A. (2013) Continuous measurement scales in human evaluation of machine translation. Proceedings of the 7th Linguistic Annotation Workshop, pp. 33–41. URL: <https://aclanthology.org/W13-2305/>

Karwacka W. (2014) Quality assurance in medical translation // The Journal of Specialised Translation. No. 21, pp. 19–34. URL: https://www.jostrans.org/issue21/art_karwacka.php

Kocmi T., Federmann C. (2023) Large language models are state-of-the-art evaluators of translation quality // arXiv preprint arXiv:2302.14520. DOI: 10.48550/arXiv.2302.14520

Koehn P. (2004) Statistical significance tests for machine translation evaluation. Proceedings of EMNLP, pp. 388–395. URL: <https://aclanthology.org/W04-3250/>

Macketanz V., Avramidis E., Burchardt A., Helcl J., Uszkoreit H. (2022) DeepL versus Google Translate: a comparative study // Proceedings of the

23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation (EAMT), pp. 125–134. URL: <https://aclanthology.org/2022.eamt-1.18/>

Mattila H.E. (2013) Comparative legal linguistics. Farnham: Ashgate Publishing. DOI: 10.4324/9781315093008

Montalt V., González-Davies M. (2014) Medical translation step by step. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315760580

Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.J. (2002) BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation. Proceedings of ACL, pp. 311–318. DOI: 10.3115/1073083.1073135

Popović M. (2015) chrF: character n-gram F-score for automatic MT evaluation. Proceedings of WMT, pp. 392–395. URL: <https://aclanthology.org/W15-3049/>

Popović M. (2020) On the differences between human and automatic translations. Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. Vol. 113. pp. 25–40. DOI: 10.2478/pralin-2020-0002

Šarčević S. (1997) New approach to legal translation. The Hague: Kluwer Law International.

Snover M., Dorr B., Schwartz R., Micciulla L., Makhoul J. (2006) A study of translation edit rate with targeted human annotation. Proceedings of AMTA 2006. 2006, pp. 223–231. URL: <https://aclanthology.org/2006.amta-papers.16/>

Valdeón R.A. (2015) The translation of journalistic texts. The Translator. Vol. 21, No. 3, pp. 241–258. DOI: 10.1080/13556509.2015.1060806

Vaswani A., et al. (2017) Attention is all you need. Advances in Neural Information Processing Systems 30, pp. 5998–6008. URL: <https://papers.nips.cc/paper/7181-attention-is-all-you-need>

Wooldridge M., Jennings N.R. (1995) Intelligent agents: theory and practice. The Knowledge Engineering Review. Vol. 10. No. 2. pp. 115–152. DOI: 10.1017/S0269888900008122

References

Ahrenberg L. (2017) Comparing machine translation systems: DeepL, Google Translate and Microsoft Translator. Linköping University Electronic Press. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1152119>

Bani S. (2006) An analysis of the translation of political texts. Target. Vol. 18. No. 2, pp. 297–321. DOI: 10.1075/target.18.2.06ban

Biel Ł. (2017) Researching legal terminology. In: Tiersma P.M., Solan L.M. (eds.) The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.20

Callison-Burch C., Osborne M., Koehn P. (2006) Re-evaluating the role of BLEU in machine translation research. Proceedings of EACL, pp. 249–256. Available at: <https://aclanthology.org/E06-1032/>

Dew K.N. (2020) Medical translation and interpreting. In: The Routledge Handbook of Translation and Health. London: Routledge, pp. 45–60. DOI: 10.4324/9780815350839-4

Garbovskiy N.K. (2019) *Teoriya perevoda: uchebnik* = Theory of Translation: Textbook. Moscow: Moscow University Press, 543 p. (In Russian).

Graham Y., Baldwin T., Moffat A. (2013) Continuous measurement scales in human evaluation of machine translation. Proceedings of the 7th Linguistic Annotation Workshop, pp. 33–41. Available at: <https://aclanthology.org/W13-2305/>

Komissarov V.N. (2018) *Sovremennoe perevodovedenie* = Modern Translation Studies. Moscow: R.Valent, 408 p. (In Russian).

Karwacka W. (2014) Quality assurance in medical translation. The Journal of Specialised Translation. No. 21, pp. 19–34. Available at: https://www.jostrans.org/issue21/art_karwacka.php

Kocmi T., Federmann C. (2023) Large language models are state-of-the-art evaluators of translation quality. arXiv preprint arXiv:2302.14520. DOI: 10.48550/arXiv.2302.14520

Koehn P. (2004) Statistical significance tests for machine translation evaluation. Proceedings of EMNLP, pp. 388–395. Available at: <https://aclanthology.org/W04-3250/>

Mackentanz V., Avramidis E., Burchardt A., Helcl J., Uszkoreit H. (2022) DeepL versus Google Translate: a comparative study. Proceedings of the 23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation (EAMT), pp. 125–134. Available at: <https://aclanthology.org/2022.eamt-1.18/>

Mattila H.E. (2013) *Comparative legal linguistics*. Farnham: Ashgate Publishing. DOI: 10.4324/9781315093008

Montalt V., González-Davies M. (2014) *Medical translation step by step*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315760580

Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.J. (2002) BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation. Proceedings of ACL, pp. 311–318. DOI: 10.3115/1073083.1073135

Popović M. (2015) chrF: character n-gram F-score for automatic MT evaluation. Proceedings of WMT, pp. 392–395. Available at: <https://aclanthology.org/W15-3049/>

Popović M. (2020) On the differences between human and automatic translations. Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. Vol. 113, pp. 25–40. DOI: 10.2478/pralin-2020-0002

Šarčević S. (1997) *New approach to legal translation*. The Hague: Kluwer Law International.

Sdobnikov V.V. (2020) *Otsenka kachestva perevoda v epokhu neyronnogo mashinnogo perevoda* = Translation quality assessment in the era of neural machine translation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 6, pp. 123–130. (In Russian).

Sdobnikov V.V., Petrova O.V. (2019) *Teoriya perevoda: kommunikativno-funktsional'nyy podkhod* = Theory of Translation: A Communicative-Functional Approach. Moscow: FLINTA, 512 p. (In Russian).

Snover M., Dorr B., Schwartz R., Micciulla L., Makhoul J. (2006) A study of translation edit rate with targeted human annotation. Proceedings of AMTA, pp. 223–231. Available at: <https://aclanthology.org/2006.amta-papers.16/>

Valdeón R.A. (2015) The translation of journalistic texts. The Translator. Vol. 21. No. 3, pp. 241–258. DOI: 10.1080/13556509.2015.1060806

Vaswani A., et al. (2017) Attention is all you need. Advances in Neural Information Processing Systems 30, pp. 5998–6008. Available at: <https://papers.nips.cc/paper/7181-attention-is-all-you-need>

Wooldridge M., Jennings N.R. (1995) Intelligent agents: theory and practice. The Knowledge Engineering Review. Vol. 10. No. 2, pp. 115–152. DOI: 10.1017/S0269888900008122

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Савостьянов Виктор Олегович — старший преподаватель кафедры «Перевод и переводоведение», ПГУ, ул. Красная 40, 440026, Пенза. Руководитель студенческого научного кружка «Искусственный интеллект в междъязыковой коммуникации»; victsav@gmail.com

Жидков Максимилиан Вячеславович — студент ПГУ, Пенза, ул. Красная 40, 440026. Член студенческого научного кружка «Искусственный интеллект в междъязыковой коммуникации».

Инякина Дарья Романовна — студент ПГУ, ул. Красная 40, 440026, Пенза. Член студенческого научного кружка «Искусственный интеллект в междъязыковой коммуникации».

Чугункина Алина Васильевна — студент ПГУ, ул. Красная 40, 440026, Пенза. Член студенческого научного кружка «Искусственный интеллект в междъязыковой коммуникации».

ABOUT THE AUTHORS:

Viktor O. Savostyanov — Senior Lecturer at the Department of Translation and Translation Studies, Penza State University (PSU); 40, Krasnaya St., Penza 440026, Russia; Head of the Student Research Group “Artificial Intelligence in Interlingual Communication”; victsav@gmail.com

Maksimilian V. Zhidkov — Undergraduate Student at Penza State University (PSU); 40, Krasnaya St., Penza, 440026 Russia; Member of the Student Research Group “Artificial Intelligence in Interlingual Communication”.

Daria R. Inyakina — Undergraduate Student at Penza State University (PSU); 40, Krasnaya St., Penza 440026, Russia; Member of the Student Research Group “Artificial Intelligence in Interlingual Communication”.

Alina V. Chugunkina — Undergraduate Student at Penza State University (PSU); 40, Krasnaya St., Penza 440026, Russia; Member of the Student Research Group “Artificial Intelligence in Interlingual Communication”.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-157-179

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ ИМЁН» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЙСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОТ ТРАДИЦИЙ К ИННОВАЦИЯМ

У Вэньхуэй

Анастасия Алексеевна Политова

Сучжоуский университет, Сучжоу, Китай

Для контактов: anastasia_politova@mail.ru

Аннотация. Русские литературные «говорящие имена» представляют собой особый тип онимов, внутренняя форма и словообразовательная мотивированность которых выполняют характерологическую и оценочную функцию, формируя художественный образ и авторскую позицию. В переводах на китайский язык обычно сохраняется их фонетический облик и не эксплицируется их эмоционально-оценочный и экспрессивный потенциал. Цель статьи — выявить особенности китайской практики перевода «говорящих имён» и предложить стратегию, сохраняющую не только их фонетическую оболочку, но и семантико-культурную значимость. Сопоставление переводов литературных антропонимов из четырёх переводов поэмы «Мёртвые души», охватывающих более 80 лет китайской переводческой практики, показывает, что в русско-китайской переводческой традиции доминирует транскрибирование как способ форенизации имени в языке перевода. При этом анализ переводов отдельных «говорящих имён» подтверждает, что в китайской практике есть решения, одновременно сохраняющие его фонетическую оболочку и семантику имени. С учётом полученных результатов и функционально-прагматических особенностей антропонимов в статье предлагается стратегия семантического транскрибирования, направленная на сохранение фонетического облика и смыслового наполнения русских «говорящих имён» в переводе на китайский язык. Апробация стратегии на «говорящих именах» из рассказов А.П. Чехова демонстрирует, что при сохранении фонетической узнаваемо-

сти оригинального имени семантическое транскрибирование позволяет актуализировать смысловой потенциал антропонима и согласовать звучание с его содержанием. Выводы имеют теоретическую и практическую ценность. В теоретическом плане они расширяют переводческую модель для перевода с буквенно-алфавитного на иероглифический язык с учётом специфики последнего. В практическом плане исследование опирается на обширную иллюстративную базу, а предлагаемая стратегия апробируется на «новом», ранее не использованном в рамках данной стратегии материале.

Ключевые слова: говорящие имена, кумулятивная функция, культурно-семантическое содержание, перевод литературных антропонимов, семантическое транскрибирование, перевод с алфавитного на иероглифический язык

Для цитирования: У Вэньхуэй, Политова А.А. Эволюция перевода «говорящих имён» русской литературы в китайской переводческой практике: от традиций к инновациям // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 157–179. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-157-179

Статья поступила в редакцию 28.03.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

THE EVOLUTION OF RUSSIAN LITERARY SPEAKING NAMES TRANSLATION IN CHINESE TRANSLATION PRACTICE: FROM TRADITION TO INNOVATION

Wu Wenhui
Anastasia A. Politova

Soochow University, Suzhou, China

For contacts: anastasia_politova@mail.ru

Abstract. Russian literary “speaking names” constitute a special type of proper names whose internal form and word-formation motivation serve characterological and evaluative functions, shaping both the literary image and the author’s perspective. In Chinese translation, the phonetic form of anthroponyms is usually preserved, while their semantic and expressive potential is often reduced. The aim of this article is to identify the features of Chinese translation

© Wu Wenhui, Politova A.A., 2026

practice in rendering literary anthroponyms and to propose a strategy that preserves not only their phonetic form but also their semantic and cultural significance. A comparison of translations of anthroponyms in four Chinese versions of Gogol's *Dead Souls*, spanning more than 80 years of translation practice, reveals that transcription dominates the Russian — Chinese translation tradition as a means of foreignizing names in the target language. At the same time, an analysis of translations of individual “speaking names” proves that in Chinese there are cases where both the semantics of the names and their phonetic form are preserved. Based on these findings and on the functional-pragmatic features of anthroponyms, the article proposes a strategy of “semantic transcription” aimed at maintaining both the phonetic features and the semantic content of Russian “speaking names” in translation into Chinese. Testing the strategy on speaking names from Anton P. Chekhov's short stories shows that, while preserving the phonetic recognizability of the original names, semantic transcription activates the semantic potential of anthroponyms and aligns their sound with their meaning. The results are valuable both theoretically and practically. Theoretically, they expand the translation model from alphabetic to logographic languages, taking the latter's specific features into account. Practically, the study relies on an extensive illustrative corpus, and the proposed strategy is tested on “new” material not previously used in the framework of this approach.

Keywords: speaking names; cumulative function; cultural and semantic meaning; translation of literary proper names; semantic transcription; translation from an alphabetic language into a logographic language

For citation: Wu Wenhui, Politova A.A. (2026). The Evolution of Russian Literary *Speaking Names* Translation in Chinese Translation Practice: From Tradition to Innovation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda*. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 157–179. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-157-179

The article was received on March 28, 2025;
approved after reviewing on April 20, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

Введение

В литературе антропонимы, или личные имена собственные (ИС), функционируют как элементы художественной модели мира, выходя за пределы номинативной функции и включаясь в процесс формирования образа персонажа и смысловой структуры текста (Суперанская, 1973: 32; Чжао Юнхуа, 1996; Го Сяоли, 2001; Ван Нин, 2012; Син Цзиньхуа, 2018; Чжао Синьби, 2019; Кирпикова, 2025). Несмотря на то, что «практически любое имя собственное может

быть нагружено индивидуальной семантикой» (Верецагин, 2005: 102), для литературных антропонимов¹ «момент характеристики важнее, чем просто номинации» (Суперанская, 1973: 32). ИС свойственна семантическая мотивированность, именно поэтому «имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал писатель» (Карпенко, 1986: 36).

Литературные ИС различаются по степени семантической нагруженности, на основании чего выделяется особая группа — говорящие имена. Говорящие имена (ГИ) — это литературные антропонимы с «более или менее уловимой внутренней формой» (Влахов, Флорин, 1986: 216). Между ГИ и чертами характера персонажа существует непрямая, но устойчивая связь, что и делает имя важным средством художественной характеристики героя. Так, фамилия Скотинин, образованная от слова «скот», характеризует персонажа грубого и нравственно низкого; имя Софья (от греч. «σοφία» — мудрость) традиционно соотносится с героиней, обладающей интеллектуальной глубиной и нравственным достоинством. Таким образом, мотивированность ГИ является неотъемлемым элементом образа персонажа, а само имя превращается в семантическое средство, раскрывающее его внутренние черты.

В этом смысле ГИ демонстрируют ключевую особенность литературных ИС, отличающую их от ИС реальных людей, а именно — выраженную кумулятивную функцию, поскольку они «обладают яркой национально-культурной семантикой» (Верецагин, Костомаров, 2005: 98–103). Такие имена не только семантически значимы, но и концентрировано аккумулируют оценочные характеристики персонажа, культурные ассоциации и социальную символику, понятные читателю благодаря их лингвокультурной компетенции. При этом, будучи глубоко укоренёнными в национальную языковую и культурную системы, ГИ, как правило, не имеют полностью эквивалентного выражения в другой лингвокультуре (Влахов, Флорин, 1986: 43).

Перевод ГИ усложняется также различиями в реализации кумулятивной функции в разных языках. В русских ГИ она опирается на внутреннюю форму слова (Румак, 2025), тогда как в китайской литературной традиции аналогичная функция представлена через семантические ассоциации, культурные аллюзии и символический

¹ В рамках данного исследования под «литературными антропонимами» понимаются все имена собственные, встречающиеся в литературных произведениях.

потенциал иероглифов (Цай Ицин, 2022). Подобная асимметрия делает прямую межъязыковую эквивалентность при передаче культивативной функции ГИ практически недостижимой, что существенно усложняет процесс перевода.

Цель статьи — на основе анализа практики перевода ГИ на китайский язык выявить особенности практики перевода ГИ в Китае и предложить стратегию семантического транскрибирования, сохраняющую не только их фонетическую оболочку, но и семантико-культурную значимость. Предлагаемая стратегия является реализуемой в переводе на китайский ввиду специфики принимающего языка, в котором каждый иероглиф-знак имеет собственное лексическое значение и его выбор обусловлен традицией перевода и коммуникативным намерением переводчика.

Для достижения цели ставятся следующие задачи: 1) систематизировать стратегии перевода русских «говорящих имён» на китайский язык на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»; 2) посредством диахронического анализа на основе частичной выборки выявить эффективные способы перевода, сохраняющие художественный потенциал ГИ; 3) предложить принципы перевода русских ГИ на китайский язык.

В исследовании применяются семантико-мотивационный анализ, основанный на теориях внутренней формы слова и словообразовательной мотивации А.А. Потебни, В.В. Виноградова и на принципах семантического анализа лексического анализа Дж. Лича в семантики и Ван Бинциня в китайском переводоведении с целью выявления нарративных функций и прагматической значимости литературных антропонимов; сопоставительный анализ переводов русских литературных произведений, опубликованных в Китае; а также переводческое моделирование и функционально-прагматический анализ, направленные на разработку и обоснование стратегий передачи русских говорящих имён в переводе.

Выбор поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» в качестве материала для обобщения стратегий перевода ГИ на китайских язык обусловлен тем, что, во-первых, оригинальный текст насыщен ГИ и, во-вторых, поэма обладает продолжительной переводческой историей в Китае, насчитывающей более 90 лет. Для анализа используются четыре варианта перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»: Лу Синя (1935), Ман Тао и Сюй Циндао (1983), Лоу Цзыляна (2004) и Чжэн Хайлина (2014). Временной охват анализируемых переводов в 80 лет позволяет проанализировать стратегии пере-

вода в разные исторические периоды. При этом большой временной пробел между переводами 1935 и 1983 года объясняется тем, что публикуемые переводы данного периода основаны на переводе Лу Синя. В 1950 году Шанхайское издательство опубликовало иллюстрированное издание с рисунками А.А. Агина и гравюрами Е.Е. Бернадского под редакцией Лу Синя; а в 1973 году произведение вошло в двадцатый том «Собрания сочинений Лу Синя». Новых самостоятельных переводов, выполненных другими переводчиками, в указанный период нами не обнаружено.

Для апробации предлагаемых переводческих решений и формулирования переводческих принципов привлекаются ГИ персонажей из рассказов А.П. Чехова «Мелюзга», «Хамелеон» и «Человек в футляре».

Особенности и стратегии перевода ИС в КНР

В китайской и российской традиции перевод ИС рассматривается как комплексная задача, выходящая за рамки лишь фонетического соответствия и требующая учёта нормативных, семантических и культурных аспектов. Ключевой стратегией выступает адаптация — переводческая процедура, применяемая при отсутствии реалий оригинала в культуре языка перевода (Вине, Дарбельне; цит. по: Комиссаров, 2001: 137). В зависимости от степени ориентации на оригинал или культуру адресата выделяются две стратегии — доместикация и форенизация, где первая адаптирует текст к культуре адресата, а вторая сохраняет особенности оригинала, допуская нарушение узувальных норм языка перевода и придавая переводу инокультурный колорит (Venuti, 1995: 86–87).

В Китае в переводе с русского на китайский, осуществляемом между типологически разными письменными системами, выделяются два ключевых принципа перевода русских ИС на китайский язык: 1) приоритет транскрипции, обеспечивающей воспроизведение фонетической оболочки имени; 2) выбор стратегии перевода в зависимости от характера семантики ИС. Второй принцип восходит к «переводческому треугольнику» Ван Бинция (2008), основанному на двойственной природе языкового знака — означаемом и означающем. Треугольник формируют три элемента: *рациональное* или, по терминологии Дж. Лича, концептуальное (denotative), *значение*, которое указывает на предпочтение транскрибирования; *иррациональное*, или ассоциативное (associative), *значение*, требующее применения кальки для воспроизведения семантики;

и связующее звено (量点) между прямым (фонетическим) и свободным (семантическим) переводом (Ван Бинцин, 2008: 28–39; Leech, 1981: 23).

Таким образом, в практике перевода русских ИС на китайский язык доминируют транскрибирование и семантическое калькирование. Другие приёмы — функциональная замена, пояснительный перевод и перевод с комментариями, часто применяемые при переводе между алфавитными языками, — используются реже и выполняют вспомогательную функцию, повышая «понятность» перевода в целевом контексте, характерной для традиций китайского переводоведения (Дубкова, 2023: 283).

Стратегии перевода ГИ в опубликованных китайских переводах

Переводческие стратегии формируются на основе многолетней практики. Первые переводы русской литературы в Китае появляются в 1870-е годы и осуществляются преимущественно через японский и английский языки (Ду Сянжуй, 2021: 7). В начале XX века повышается интерес к русской литературе, и в 20-х годах XX века в период «Движения 4 мая» она уже занимает лидирующие позиции в китайской переводной зарубежной литературе (Там же: 9), впоследствии став одной из наиболее переводимых и влиятельных зарубежных литератур в Китае (Ли Суйань, 2011).

Поэма «Мёртвые души» была впервые переведена на китайский язык в 1935 году Лу Синем, который «переводил с немецкого, сверяя текст с двумя японскими переводами и сокращённым английским вариантом» (Суровцева, 2011). По данным Национальной библиотеки Китая², на сегодняшний день существует 67 переводов произведения, каждый из которых представляет авторскую интерпретацию текста. В рамках данного исследования интерес представляют исключительно переводы ГИ и только четырёх классических и авторитетных переводов (см. табл. 1).

Сравнительный анализ переводов имён помещиков Коробочка, Манилов, Ноздрёв, Плюшкин и Собакевич на китайский язык показывает, что основным приемом перевода является транскрипция. При этом в переводах выявлены различия в использовании иероглифов при передаче фонетической оболочки имён. Например, фа-

² Национальная библиотека Китая. URL: <https://www.nlc.cn/web/index.shtml> (дата обращения: 20.02.2026).

Сравнение переводов имён помещиков поэмы «Мертвые души»
из переводов XX–XXI вв.

Имя героя Переводчик	Манилов	Собакевич	Коробочка	Ноздрёв	Плюшкин
鲁迅 / Лу Синь (1935)	玛尼罗夫 [Mǎníluòfū]	梭巴开维支 [Suōbākāiwéizhī]	科罗皤契加 [Kēluópóqíjiā]	罗士特来夫 [Luóshìtèláiāfū]	泼留希金 [Pōliúxījīn]
满涛, 许庆道 / Ман Тао, Сюй Цин- дао (1983)	玛尼洛夫 [Mǎníluòfū]	索巴凯维奇 [Suōbākāiwéiqí]	柯罗博奇卡 [Kēluóbóqíkǎ]	诺兹德廖夫 [Nuòzǐdéliǎofū]	普柳什金 [Pǔliǔshījīn]
娄自良 / Лоу Цзылян (2004)	马尼洛夫 [Mǎníluòfū]	索巴凯维奇 [Suōbākāiwéiqí]	柯罗博奇卡 [Kēluóbóqíkǎ]	诺兹德廖夫 [Nuòzǐdéliǎofū]	普柳什金 [Pǔliǔshījīn]
郑海凌 / Чжэн Хайлин (2014)	玛尼洛夫 [Mǎníluòfū]	索巴凯维奇 [Suōbākāiwéiqí]	柯罗鲍奇卡 [Kēluóbàóqíkǎ]	诺兹德廖夫 [Nuòzǐdéliǎofū]	普柳什金 [Pǔliǔshījīn]

милию «Коробочка» Лу Синь перевёл как 科罗幡契加 [Kēluóófànqìjiā], где иероглиф 幡 [pó] в современном китайском языке малоупотребителен. В более поздних переводах, напротив, переводчики использовали общеупотребительные иероглифы 博 [bó] или 鲍 [bào]. Разница в использовании иероглифов для передачи схожих слогов объясняется отсутствием общенациональных норм передачи иностранных имён в 1930-е годы, что давало переводчикам свободу выбора. Воспользовавшись тенденциями времени, Лу Синь, как будет показано ниже, смог наряду с фонетической формой имён передать их оценочно-культурные компоненты.

С 1980-х годов переводы имён персонажей «Мёртвых душ» постепенно становятся единообразными, что свидетельствует о закреплении транскрипции как основной стратегии перевода вне зависимости от того, являются ли имена говорящими или просто выполняются номинативную функцию.

Транскрипция, будучи формально простым способом перевода имён, на практике ограничена нормативными и языковым факторами. Во-первых, китайский язык, как иероглифический, содержит большое число омофонов с одинаковым звучанием, но разным написанием и семантическим наполнением, что требует осознанного выбора графических средств. В практике перевода ИС предпочтение отдаётся иероглифам с простой графической структурой и нейтральной либо положительной семантикой с учётом гендерной маркированности имени. Так, при переводе мужских имён со слогом «ли» переводчик, как правило, выберет иероглиф 利 [lì]/ *польза, выгода, острый*, а не иероглиф 丽 [lì]/ *красивый*, который семантически и социокультурно ассоциируется преимущественно с женскими именами.

Аналогичное правило проявляется и при отборе других омофонов. В мужских именах предпочтение отдаётся иероглифу 刚 [gāng], связанному с твёрдостью и мужественностью, а не его омофону 钢 [gāng]/ *сталь* с предметно-номинативной семантикой. В переводе женских имён чаще используются иероглифы 莎 [shā], 娅 [yà], 妮 [nī], ассоциирующиеся с мягкостью и элегантностью. Таким образом, выбор иероглифов-омофонов с учётом семантических и стилистических факторов показывает, что за внешне простой транскрипцией стоит сложный регламентированный процесс «выбора письменной формы».

Во-вторых, при передаче распространённых русских фамилий и личных имён действует нормативное «Руководство по перево-

ду русских имён на китайский язык» (Синь Хуа, 1982), в котором закреплён перевод типичных словообразовательных формантов, в частности финалей фамилий и отчеств, русских ИС на китайский язык: –ков / 科夫 [kēfū], –евич / 耶维奇 [yēwéiqí], –ский / 斯基 [sījī], –евна / 耶芙娜 [yēfūnà], –ева / 耶娃 [yēwá] и др. Последовательная реализация указанных правил, в том числе и при переводе ГИ, приводит к тому, что при сохранении звуковой оболочки культурные значения и символические интенции имени ослабевают или полностью нивелируются. В результате читателю перевода затруднительно реконструировать глубинный смысл имени, опираясь исключительно на фонетический облик.

Например, фамилия «Ноздрёв» восходит к слову «ноздря», которое в русском языке ассоциируется с демонстративностью, высокомерием и грубым поведением. Данное ГИ прямо указывает на характер героя, подчеркивая его дерзость в высказываниях, грубость манер и неумную склонность к хвастовству. При транскрибировании фамилии как 诺兹德廖夫 [Nuòzídéliàofū] комплекс ассоциативных и оценочных значений теряется, что ослабляет художественную и сатирическую выразительность имени.

Для сохранения культурной информации транскрипция с пояснениями в сносках и комментариев в предисловии или приложениях становятся ключевым методом компенсации. Так, Лу Синь в переводе «Мёртвых душ» через пояснения представил китайским читателям значение фамилии «Коробочка»: «Korobochika [小箱] или [小窝] 之意» (Тоголь, 1935: 67). Среди четырёх переводов, анализируемых в данной статье (см. табл. 1), только в комментариях Лу Синя даётся прямое пояснение семантики имени персонажа. И хотя в основном тексте имя «Коробочка» фигурирует в транскрибированной форме 科罗幡契加 [kēluófānqìjiā], смысловой комментарий при первом упоминании имени оказывает существенное влияние на восприятие образа персонажа китайскими читателями.

Пример свидетельствует о допустимости частичного отхода от фонетической оболочки оригинала в пользу передачи типологической характеристики персонажа, поскольку при усилении информационно-стилистической функции ГИ сближается с нарицательной лексикой (Спачиль, 2021: 35). Однако, если в русском языке ГИ с усиленной нарицательной составляющей можно вычленил в тексте по заглавной букве, то в китайском при переводе ГИ «Коробочка» или «Плюшкин» семантической калькой 小箱 и 吝啬鬼, соответственно, имя теряет именной облик, так как иероглифическая система не предусматривает заглавных букв.

В рассмотренных переводах «Мертвых душ» не выявлено использования семантической кальки, полностью независимой от фонетической формы, вследствие чего прагматическое значение имён персонажей не передаётся полностью. В рамках китайской концепции перевода «верность, выразительность, изящество» (信, 达, 雅), которая была выдвинута Янь Фу в начале XX века в работе «Эволюция», принцип «верности» или стратегия форенизации является «основным критерием перевода» (Ван Мэняо, 2014: 12). Данная тенденция обуславливает ориентацию на фонетическую форму и снижает значимость оценочно-культурного содержания ГИ. Вместе с тем встречаются примеры, где переводчики достигают сохранения фонетической «верности», семантической «выразительности» и языкового «изящества».

Так, Лу Синь перевел фамилию «Плюшкин» как 泼留希金 [Pōliúxījīn], в то время как последующие переводчики переводили её фонетически более приближенным³ вариантом 普柳什金 [Pǔliǔshījīn]. При этом Лу Синю удалось сохранить семантическую наполненность ГИ. В его варианте иероглиф 泼 [pō] актуализирует ассоциации с грубым и бесцеремонным характером героя, 金 [jīn] символизирует деньги, а иероглифы 留 [liú] / *оставлять, сберегать* и 希 [xī] / *надеяться, желать* отражают черты жадность и скупость. Другими словами, герой 留, т.е. сохраняет всё для себя, и 希, т.е. желает получить ещё больше. Данный перевод ГИ, основанный на сочетании звучания и значения, раскрывает черты характера персонажа и усиливает выразительный потенциал имени по сравнению с нейтральным более «верным» транскрибированным вариантом.

Смысловой перевод — это «перевод более высокого уровня», то есть «выходящий за рамки передачи базового содержания и соответствия форме» (Бархударов, 1975: 188). Если фамилию «Коробочка» передать семантической калькой как 守财奴 [Shǒucáinú] или 铁公鸡 [Tiěgōngjī], это позволит отразить жадный характер героини в китайском языке, однако фамилия утратит метафорическое значение исходного слова — «ящик», «замкнутость». Такой способ доместицирует ГИ, что и представляется как «чрезмерная обработка» в контексте межкультурного взаимодействия. А вот способ сочетания фонетической «верности» и семантической «выразительности»

³ Мы полагаем, что в переводе Лу Синя первый слог фамилии передан как [Pō]/ [по] с небольшим отклонением от оригинального звучания [Плю], а вот в переводе 普柳什金 [Pǔliǔshījīn] первый слог [Pǔ]/ [Пу] ближе к оригинальному звучанию. Так же звук [ш] русской фамилии фонетически точнее передан в вариантах 普柳什金.

представляется перспективным, однако требует выбора китайских иероглифов, соответствующих звуковой оболочке и семантической структуре исходного ГИ.

Стратегия семантического транскрибирования в китайской переводческой практике

Хотя ГИ составляют лишь небольшую часть от системы ИС, их перевод как значимых текстовых и межкультурно-коммуникативных единиц напрямую влияет на качество перевода всего текста и эффективность межкультурной коммуникации (Ло Чуаньвэй, 2014).

Как уже отмечалось выше, транскрипция сохраняет звуковую форму имени и его статус ИС, но при этом она ослабляет или даже полностью нивелирует внутреннюю семантическую мотивацию имени, стирает культурное содержание, значимое для понимания образа. Семантическая калька, напротив, передает значение имени, но при этом меняет его структурную форму и ослабляет номинативную функцию антропонима как ИС. При сосуществовании таких двух крайностей возникает объективная необходимость комплексной переводческой стратегии, которая одновременно учитывает фонетическую форму и семантическую мотивированность имени, передает культурный контекст и воспроизводит художественные функции, выполняемые именем в литературном произведении.

В данном контексте эффективной представляется стратегия, сочетающая фонетическую «верность» и семантическую «выразительность»; другими словами, стратегия, передающая звучание и значение ГИ посредством семантически мотивированных иероглифов китайского языка. Данную переводческую стратегию можно определить как **семантическое транскрибирование**. Разновидности семантического транскрибирования не являются принципиально новыми приемами в переводе. В китайском переводе зафиксированы примеры сочетания семантической кальки с транскрипцией при переводе ГИ с прозрачной этимологией и формально выраженной словообразовательной структурой. Переводчик калькирует семантически мотивированную часть имени, транскрибируя остальную часть.

Так, в переводе «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина Чжан Мэнхуэй (1959: 29) передаёт фамилию «Байбаков» как 宝贝快睡科夫 [Bǎobèikuàishuikēfū]. Созвучное сочетание иероглифов 宝贝快睡 формирует устойчивые семантические ассоциации, указывая на постоянную сонливость и инертность персонажа, при

этом переводя ГИ с сохранением как фонетической близости, так и семантической наполненности. Перевод фамилии «Байбаков» демонстрирует реализацию принципа сочетания звучания и значения в переводе ГИ; однако, используемая стратегия не относится к семантическому транскрибированию, а является комбинированной переводческой стратегией, сочетающей элементы семантической кальки с транскрипцией.

Семантическое транскрибирование реализует одновременную передачу фонетики и семантики, опираясь на глубокий анализ лексических единиц принимающего языка. **Семантическое транскрибирование** — переводческая стратегия, применяемая при переводе с русского на китайский язык, которая предполагает отбор в системе китайской письменности таких иероглифов, которые, с одной стороны, сохраняют фонетическую близость переводного ГИ с исходным, а с другой — обладают семантическим потенциалом, актуализирующим определённые черты характера персонажа. Переводчик воспроизводит не только звуковую форму ГИ, но и базовое значение и дополнительные смысловые оттенки, соотносимые с художественной функцией имени в оригинале.

Так, ГИ «Раскольников» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» этимологически восходит к корню «раскол», который непосредственно соотносится с мотивом духовного раздвоения и внутреннего конфликта персонажа. В китайских переводах романа фамилия 拉斯柯尔尼科夫 [Lāsikēěrníkēfū] передается с фонетической «верностью» к оригиналу, нивелируя символическую семантику фамилии. Восполнение семантики в переводе возможно посредством использования иероглифа 撕 с семантикой «раздвоения», «разрыва» вместо нейтрального 斯. Полученный перевод фамилии 拉斯柯尔尼科夫 [Lāsikēěrníkēfū] демонстрирует возможность частичной актуализации словообразовательной мотивации фамилии в языке перевода и потенциал применения предлагаемой стратегии.

Следовательно, омонимия китайский иероглифов позволяет переводить ГИ с сохранением фонетики и ключевых элементов семантики. Важно отметить, что суть семантического транскрибирования заключается лишь в передаче семантической мотивированности и оценочно-культурного значения имени персонажа, но не в полном воспроизведении характера, судьбы или художественного образа. Вводимые семантические элементы актуализируют культурную информацию исходного ГИ, не создавая новых значений, не соотносимых с оригиналом.

Более того, в принимающем языке имя должно соответствовать авторскому замыслу и не выходить за пределы заложенных в оригинале характеристик. Отдельные семантические признаки должны быть мотивированы, в противном случае чрезмерное их усиление, основанное на субъективной интерпретации, способно привести к одностороннему или искаженному восприятию образа персонажа получателями перевода. В этой связи семантическое транскрибирование следует рассматривать как вспомогательный способ культурной маркировки, интерпретационный потенциал которого соотносится с контекстом и целостностью произведения, а задача переводчика заключается в достижении относительной эквивалентности культурной информации, а не в полной реконструкции смыслового содержания имени.

Семантическое транскрибирование не является принципиально новой стратегией, которая раньше не применялась. Напротив, в научных кругах уже предпринимались практические попытки применить её к отдельным произведениям, однако без теоретизации и обобщения правил (Айсакова, Сунь Мэннань, 2019). Более того, в китайской переводческой практике основы данной стратегии были заложены Лу Сином при переводе ГИ «Плюшкин» (см. выше). Помимо Лу Синя подобные творческие переводческие решения предлагались и другими переводчиками.

Имя персонажа «Трифон» из «Записок охотника» И.С. Тургенева посредством стандартной транскрипции 特里丰 [Tèlǐfēng] передаёт лишь фонетическую форму имени, а предложенный Фэн Цыкаем перевод 得利丰 [Délìfēng] объединяет транскрипцию с семантической мотивированностью имени (Ли Цзиньсю, 2005). В переводе Фэн Цыкая каждый из трёх иероглифов имеет свое глубокое значение: 得 [dé] означает «обретать», «достигать», указывая на успешность и состоятельность героя; 利 [lì] означает «выгода», «удача», привнося оттенок практичности и устремлённости к пользе; а 丰 [fēng] же символизирует «изобилие», «богатство» и «благополучный исход». Данный перевод при сохранении фонетической близости актуализирует семантическое содержание имени, выражающее идею «успеха, выгоды и изобилия», обеспечивая двойную эквивалентность — на звуковом и смысловом уровнях.

Выше были рассмотрены уже предложенные варианты переводов ГИ. Далее семантическое транскрибирование применяется к переводу ГИ из рассказов А.П. Чехова на китайский язык.

Фамилия полицейского-надзирателя «Очумелов» из рассказа «Хамелеон» восходит к глаголу «очуметь», имеющему значение

«остолбенеть», «потерять рассудок», «одуреть», что в художественной структуре текста непосредственно соотносится с моделью поведения персонажа. Подобно хамелеону, Очумелов постоянно меняет свою позицию, подстраиваясь под мнение окружающих и соотношение властных сил. Его действия определяются конформизмом и бесконечными колебаниям, а не законом и фактами. Узнав, что инцидент может быть связан с генеральской собакой, Очумелов мгновенно изображает покорность и стремление угодить вышестоящему, несмотря на фактическое отсутствие самого генерала. При появлении противоположной информации он столь же стремительно меняет линию поведения, демонстрируя мнимую защиту интересов простых людей. Его поступки лишены подчёркивают дезорганизованность и иррациональность характера, заложенные в семантике фамилии персонажа.

В существующих китайских переводах фамилия «Очумелов» передается фонетической транскрипцией как 奥丘梅洛夫 [Àoqiūméiluòfū], нивелируя семантику ГИ. В рамках стратегии семантического транскрибирования мы предлагаем вариант 奥趋蔑洛夫 [Àoqūmièluòfū], где 奥 [ào] соответствует начальной букве «О-» в оригинале, 趋 [qū], передавая фонетику слога «чу», вызывает семантические ассоциации с действиями «угождать», «гнаться за выгодой» и отражает ориентацию героя на сильную сторону и зависимость от властной конъюнктуры. Иероглиф 蔑 [miè] передаёт пренебрежительное отношение героя к закону, принципам и фактам, выявляя ценностную дезорганизацию в исполнении служебных обязанностей, а 夫 [fū] указывает на пол персонажа.

Фамилия главного героя рассказа «Мелюзга» «Невыразимов» восходит к прилагательному «невыразимый» и передаёт значение «невозможно передать словами». Невыразимов — заурядный титулярный советник, годами не получающий повышения и во всём проявляющий крайнюю осторожность, вплоть до готовности выйти на службу в день Пасхи ради ничтожной прибавки к жалованью. Он постоянно недоволен действительностью, но не может изменить обстоятельства, а когда пытается, то прибегает к унижительным или сомнительным способам. В условиях жёсткой иерархии герой не может формулировать свои требования открыто и публично высказываться. Его внутреннее состояние, колеблющееся между тревогой, подавленностью, неудовлетворённостью, остаётся невысказанным, что полностью соответствует семантике фамилии.

В рамках принятой в работе переводческой модели фамилию «Невыразимов» можно перевести как 涅微哑言洛夫 [Nièwēiyǎyánluòfū]. Иероглиф 涅 [niè] соотносится с отрицательным префиксом в исходном имени, 微 [wēi] несёт в себе значения «мелкий, ничтожный, слабый», указывая на принижённое положение персонажа в социальной структуре, ограниченность его силы и его «незаметность» для окружающих. Данный иероглиф образует семантическую градацию и перекликается со следующими иероглифами 哑言 [yǎyán]. Если 微 маркирует объективно низкий статус и социальную маргинализацию героя, то 哑言 фиксирует их экзистенциальное следствие на социальном и институциональном уровнях, подчёркивая, что персонаж лишён возможности высказаться и не находит слушателя. Данное состояние утраты голоса формирует психологический фон, побуждающий героя прибегать к непрямым, закулисным способам действия. Иероглифы 洛夫 [luòfū] воспроизводят типичную финаль русских фамилий. В целом, данный вариант перевода сохраняет фонетико-графическую структуру исходного ГИ и на уровне переводного имени актуализирует социально-ироническую семантику оригинала, не внося оценочных обобщений, выходящих за рамки художественного образа, заданного автором.

В рассказе «Человек в футляре» фамилия главного героя «Беликов» восходит к прилагательному «белый» и содержит семантику прилагательного «белый». Однако в контексте произведения приобретает двойную семантическую направленность. Прежде всего, она соотносится с описанием внешности персонажа. В тексте неоднократно подчёркиваются бледность лица Беликова и его мрачное выражение; его «бледное маленькое лицо» соотносится с замкнутой и сжатой позой. Кроме того, в культурно-семантическом плане «белый» в русской традиции обычно положительно маркировано и связано со светом и чистотой. Однако характер Беликова проявляется в страхе перед переменами, уклонении от реальности и повышенной насторожённости ко всему неопределённому. С помощью всевозможных «футляров» он изолирует себя от внешнего мира, формируя состояние крайней самоизоляции. В этом смысле имплицитная семантика «белого», заключённая в его фамилии, вступает в контраст с духовным состоянием персонажа, что создаёт определённый эффект литературной иронии.

На основе приведённого анализа образа персонажа фамилию «Беликов» можно перевести как 憋里科夫 [Bièlǐkēfū]. Хотя использо-

вание иероглифа 憋 [biē] в переводе русских ИС на китайский язык является крайне редким, его значение «угнетённый; сдерживать, не выпускать наружу» точно передаёт внутреннюю подавленность героя, его тягостную стеснённость и состояние, при котором он задыхается из-за страха перед переменами. Иероглиф 里 [lǐ] усиливает пространственный образ «нахождения внутри футляра»; финаль 科夫 [kēfū] сохраняет характерную для русских фамилий форму в китайском языке. По сравнению с общепринятым переводом 别里科夫 [Biélíkēfū] предлагаемый нами вариант при сохранении фонетической узнаваемости актуализирует смысловое содержание образа персонажа, передавая сатирический замысел Чехова в изображении «человека в футляре».

Вышерассмотренные примеры наглядно показывают, что для передачи кумулятивной функции русских ГИ при переводе на китайский язык есть практически реализуемое решение — семантическое транскрибирование, — которое при сохранении звуковой формы передаёт и семантику говорящего антропонима.

Выводы

В художественных произведениях «говорящие имена» имеют выраженную кумулятивную функцию и участвуют в создании художественного образа, что делает их адекватную передачу важным условием сохранения авторского замысла при переводе. В китайской переводческой традиции, в основе которой лежат «верность, выразительность, изящество», приоритет «точности» обусловил доминирование транскрибирования при переводе ИС, в том числе и ГИ. Анализ переводов ГИ из «Мёртвых душ» подтвердил, что в китайской переводческой практике предпочтение отдаётся фонетической «верности» за счёт потери семантической «выразительности». При этом диахронический анализ переводов русских ГИ на китайский язык показал, что Лу Синь предпринимал попытки одновременной передачи фонетики и звучания имени. Делали это и некоторые другие переводчики. Однако в целом стратегия передачи и звучания, и значения применяется крайне ограниченно и остаётся без теоретической концептуализации в российском переводе.

В статье с учётом китайских требований к качеству перевода предлагается и теоретизируется стратегия семантического транскрибирования, обеспечивающая фонетико-семантическую эквивалентность ГИ при переводе с алфавитного русского на иероглифический китайский язык. Работа имеет теоретико-практическую

ценность, обогащая теорию переводоведения для языковой пары русский-китайский и иллюстрируя применение семантического транскрибирования для достижения «двойного» результата, т.е. передачи фонетической оболочки и семантического значения ГИ. Полученные результаты ориентированы на дальнейшее изучение проблематики перевода русских литературных ГИ на китайский язык, обеспечивая в переводе не только «точность» (信), т.е. передачу фонетической оболочки, но и «понятность» (达), т.е. сохранение его кумулятивной функции, а также «эlegantность» (雅), т.е. сохранение именной формы ГИ и его естественность для носителей китайского языка.

Список литературы

Айсакова Е.А., Сунь М. Проблема адекватной передачи имён собственных при переводе художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. № 3. С. 186–189.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Ван Бинцинъ. Сопоставительная семантика и перевод. 2-е изд. Тянь-цзинь: Издательство Нанькайского университета, 2008. 314 с.

Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития. М., 2014. 19 с.

Ван Нин. Анализ национально-культурной окраски русских и китайских личных имён. Цзи линь: Цзилиньский педагогический университет, 2012. 56 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.

Го Сяоли. Перевод личных имён в русской литературе на китайский язык // Изучение русского языка, 2001. № 2. С. 52–55.

Ду Сянжуй. Исследование эффекта распространения русской литературы в Китае. Внутренняя Монголия: Внутренний Монгольский университет, 2021. С. 124.

Дубкова О.В. Принципы перевода в китайской переводческой практике // Перевод как профессия, наука, творчество: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах, Москва, 07–09 декабря 2022 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 282–288.

Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки, 1986. № 4. С. 34–40.

Кирпикова В.В. Особенности передачи имён собственных при переводе художественной литературы с китайского языка на русский // Пере-

водческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IX международной научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2025. С. 95–99.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 420 с.

Ли Суйань. Столетний обзор: распространение русской литературы в Китае // Журнал Хэйхэского университета, 2011. Т. 2. № 6. С. 23–27.

Ли Цзиньсю. О переводе русских личных имён на китайский язык // Журнал Уханьского института науки и технологий, 2005. № 9. С. 119–121.

Ло Чуаньвэй. Стратегии и мотивы перевода личных имён // Иностранные языки. 2014. № 2. С. 77–81.

Лу Синь (пер.). Мёртвые души / Н.В. Гоголь. Пекин: Народная литература, 1935. 526 с. (на кит. яз.)

Румак Н.Г. Некоторые особенности перевода на русский язык имён собственных с языков с иероглифической письменностью // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение, 2025. Т. 69. № 2. С. 75–86.

Син Цзиньхуа. Риторические особенности имён персонажей в русских литературных произведениях. Нанкин: Нанкинский университет, 2018. 73 с.

Синь Хуа (сост.). Руководство по переводу русских имён на китайский язык. Пекин: Шанву иньшугуань, 1982. 578 с.

Спачиль О.В. Имя собственное в литературном переводе. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 172 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Суровцева Е.В. О влиянии Н.В. Гоголя на Лу Синя // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 2. URL: <https://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 17.11.2025).

Цай Ицин. Говорящие имена в русской и китайской литературе // Культура России в современном мировом пространстве: сборник тезисов Первого международного гуманитарного форума. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. С. 149–153.

Чжан Мэнхуэй (пер.) История одного города / М.Е. Салтыков-Щедрин. Пекин: Народная литература, 1959. 249 с. (на кит. яз.)

Чжао Синьи. Коннотация личных имён в русских литературных произведениях // Современная коммуникация. 2019. № 22. С. 94–96.

Чжао Юнхуа. Личные имена в русских литературных произведениях // Изучение русского языка, 1996. № 1. С. 45–47.

Leech G. (1981) Semantics: The Study of Meaning. 2nd Ed. Harmondsworth: Penguin Books, 382 с.

Venuti L. (1995) The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York: Routledge.

References

- Aisakova E.A., Sun M.* (2019) Problema adekvatnoy peredachi imen sobstvennykh pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniya = Problem of Adequate Transfer of Proper Names When Translating a Work of Fiction. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. No. 3, pp. 186–189 (In Russian).
- Barkhudarov L.S.* (1975) Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda = Language and translation: issues in general and private translation theory. Moscow: International relations Publ, 235 p. (In Russian).
- Cai Yiqing.* (2022) Govoryashchiye imena v russkoy i kitayskoy literature = Speaking Names in Russian and Chinese Literature. In: *Culture of Russia in the Modern World Space: Abstracts of the First International Humanitarian Forum*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, pp. 149–153 (In Russian).
- 都翔蕤. 俄罗斯文学在中国的传播效应研究[D]. 内蒙古大学, 2021.
- Du Xiangrui.* (2021) Eluosi wenxue zai zhongguo de chuanbo xiaoying yanjiu = Research on the Communication Effect of Russian Literature in China. PhD dissertation. Hohhot: Inner Mongolia University, 124 p. (In Chinese).
- Dubkova O.V.* (2023) Printsipy perevoda v kitayskoy perevodcheskoy praktike = Translation Principles in Chinese Translational Practice. In: *Translation as Profession, Science, and Creativity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Moscow, December 7–9, 2022. Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 282–288. (In Russian)
- 郭小丽. 俄罗斯文学作品中人名的汉译[J]. 俄语学习, 2001, (02): 52–55.
- Guo Xiaoli.* (2001) Eluosi wenxue zuopin zhong renming de hanyi = Chinese Translation of Personal Names in Russian Literary Works. *Russian Language Learning*, No. 2, pp. 52–55 (In Chinese).
- Karpenko Yu. A.* (1986) Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature = Proper Name in Fiction. *Philological Sciences*. No. 4, pp. 34–40 (In Russian).
- Kirpikova V.V.* (2025) Osobennosti peredachi imen sobstvennykh pri perevode khudozhestvennoy literatury s kitayskogo yazyka na russkiy = Peculiarities of Translating Proper Names from Chinese into Russian in Fiction. In: *Translation Discourse: Interdisciplinary Approach: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. Simferopol: Arial Publ., pp. 95–99 (In Russian).
- Komissarov V.N.* (2001) Sovremennoye perevodovedeniye: uchebnoye posobiye = Modern Translation Studies. Moscow: ETS Publ. 420 p. (In Russian).
- Leech G.* (1981) *Semantics: The Study of Meaning*. 2nd ed. Harmondsworth: Penguin Books, 382 p.
- 李金秀. 论俄罗斯人名的汉译[J]. 武汉科技学院学报, 2005, (09): 119–121.
- Li Jinxu.* (2005) Lun eluosi renming de hanyi = On Chinese Translation of Russian Personal Names. *Journal of Wuhan Institute of Science and Technology*. No. 9, pp. 119–121 (In Chinese).
- 李随安. 百年鸟瞰:俄罗斯文学在中国的传播[J]. 黑河学院学报, 2011, 2(06): 23–27.

Li Suian. (2011) Bainian niaokan: eluosi wenxue zai zhongguo de chuanbo = A Century's Overview: The Spread of Russian Literature in China. Journal of Heihe University. Vol. 2. No. 6, pp. 23–27 (In Chinese).

鲁迅译, 果戈里著. 死魂灵 [M]. 北京: 人民文学出版社, 1935.

Lu Xun (translate), *Gogol N.V.* (1935) *Sihunling* = Dead Souls. Beijing: People's Literature Publishing House, 526 p. (In Chinese).

骆传伟. 人名翻译的策略和理据[J]. 外语研究, 2014, (02): 77–81.

Luo Chuanwei. (2014) Renming fanyi de celue he liju = Strategies and Motivations in Personal Name Translation. Foreign Languages Research. No. 2, pp. 77–81 (In Chinese).

Rumak N.G. (2025) Nekotoryye osobennosti perevoda na russkiy yazyk imen sobstvennykh s yazykov s iyeroglificheskoy pismennostyu = Some Features of Translating into Russian Proper Nouns from Hieroglyphic Languages. *Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*. Vol. 69, No. 2, pp. 75–86 (In Russian).

张孟恢译, 萨尔蒂科夫—谢德林著. 一个城市的历史[M]. 北京: 人民文学出版社, 1959.

Zhang Menghui (translate), *Saltykov-Shchedrin M.E.* (1959) *Yige chengshi de lishi* = The History of a Town. Beijing: People's Literature Publishing House, 249 p. (In Chinese).

Spachil O.V. (2021) Imya sobstvennoye v literaturnom perevode = Proper Name in Literary Translation. Krasnodar: Kuban State University, 172 p. (In Russian).

Superanskaya A.V. (1973) Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo = General Theory of Proper Names. Moscow: Nauka Publ, 366 p. (In Russian).

Surovtseva E.V. (2011) O vliyani N.V. Gogolya na Lu Sinya = On the Influence of N.V. Gogol on Lu Xun. Humanitarian Scientific Research. No. 2. Available at: <https://human.snauka.ru/2011/10/130> (accessed: 17.11.2025) (In Russian).

Venuti L. (1995) The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, New York: Routledge, 353 p.

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (2005) Yazyk i kultura = Language and Culture. Moscow: Indrik Publ, 1038 p. (In Russian).

Vlahov S., Florin S. (1986) Neperevodimoye v perevode = The Untranslatable in Translation. Moscow: Vysshaya shkola Publ, 416 p. (In Russian).

王秉钦著. 对比语义学与翻译[M]. 第2版. 天津: 南开大学出版社, 2008.

Wang Bingqin. (2008) *Duibi yuyixue yu fanyi* = Contrastive Semantics and Translation. 2nd Ed. Tianjin: Nankai University Press, 314 p. (In Chinese).

Wang Mengyao. (2014) Sovremennaya nauka o perevode v Kitaye: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya = Modern Translation Studies in China: History of Formation and Development Trends. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 19 p. (In Russian).

王宁. 俄汉人名的民族文化色彩分析[D]. 吉林师范大学, 2012.

Wang Ning. (2012) Ehan renming de minzu wenhua secai fenxi = Analysis of National Cultural Color of Russian and Chinese Names. PhD dissertation. Jilin: Jilin Normal University, 56 p. (In Chinese).

辛华编. 俄语姓名译名手册[M]. 北京: 商务印书馆, 1982.

Xin Hua. (ed.) (1982) Eyu xingming Yiming shouce = Russian Name Translation Handbook. Beijing: The Commercial Press, 578 p. (In Chinese).

邢金华. 俄罗斯文学作品人物姓名的修辞特性[D]. 南京大学, 2018.

Xing Jinhua. (2018) Eluosi wenxue zuopin zhong renwu xingming de xiuci texing = Rhetorical Characteristics of Names in Russian Literary Works. PhD dissertation. Nanjing: Nanjing University, 73 p. (In Chinese).

赵新艺. 俄罗斯文学作品中的人名内涵[J]. 现代交际, 2019, (22): 94–96.

Zhao Xinyi. (2019) Eluosi wenxue zuopin zhong de renming neihan = The Connotation of Personal Names in Russian Literary Works. Modern Communication. No. 22, pp. 94–96 (In Chinese).

赵永华. 俄罗斯文学作品中的人名[J]. 俄语学习, 1996, (01): 45–47.

Zhao Yonghua. (1996) Eluosi wenxue zuopin zhong de renming = Personal Names in Russian Literary Works. Russian Language Learning, No. 1, pp. 45–47 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

У Вэньхуэй — аспирант факультета русского языка и литературы Школы иностранных языков Сучжоуского университета, ул. Шицзы, д. 1, р-н Гусу, г. Сучжоу, пров. Цзянсу, КНР; whye5618@163.com

Политова Анастасия Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка и литературы Школы иностранных языков Сучжоуского университета, ул. Шицзы, д. 1, р-н Гусу, г. Сучжоу, пров. Цзянсу, КНР; anastasia_politova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Wu Wenhui — Postgraduate Student at the School of Foreign Languages, Soochow University, No. 1 Shizi Street, Gusu District, Suzhou, Jiangsu Province, China; whye5618@163.com

Anastasia A. Politova — PhD (Philology), Lecturer at the Russian Language Department, School of Foreign Languages, Soochow University, No. 1 Shizi Street, Gusu District, Suzhou, Jiangsu Province, China; anastasia_politova@mail.ru

Вклад авторов:

У Вэньхуэй — идея исследования, сбор и анализ языкового материала, перевод литературных имён на китайский язык, написание первоначального текста статьи, редактирование статьи.

Политова А.А. — научное руководство, методология, концептуализация, редакторская правка.

Contribution of the authors:

Wu Wenhui — research concept development, collection and analysis of linguistic material, translation of literary proper names into Chinese, drafting the initial manuscript, and article revision.

Politova A.A. — academic supervision, methodology, conceptualization, and editorial revision.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА

УДК 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-180-185

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА НА XXXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛОМОНОСОВ»

Елена Михайловна Мешкова

Мария Александровна Тетендова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: MeshkovaEM@my.msu.ru, tetenova.mariia@gmail.com

THEORY, HISTORY AND METHODOLOGY OF TRANSLATION AT THE 33D INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF STUDENTS, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

Elena M. Meshkova

Maria A. Tetenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: MeshkovaEM@my.msu.ru, tetenova.mariia@gmail.com

15 апреля 2026 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на факультете «Высшая школа перевода» состоялось заседание секции «Теория, история и методология перевода» в рамках XXXIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Конферен-

ции предшествовало торжественное открытие, состоявшееся 10 апреля в Фундаментальной библиотеке МГУ. В этот день для участников также были организованы выставка и квест Студенческого научного общества «Космос: Орбита единства», в ходе которого представители Студенческих научных обществ (СНО) различных факультетов знакомили гостей с открытиями в разных областях науки и проводили викторины. Квест от факультета Высшая школа перевода «Созвездие языков» организовали и провели студентки 2–4 курсов Абдулаева Зарема, Багдатьян Маргарита, Леванюк Виталина, Фёдорова Ирина, Френёва Софья, Щеголева Полина, Яковлева Мария.

Работа секции в Высшей школе перевода началась с открытия и приветствия директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова академика РАО Николая Константиновича Гарбовского и членов экспертного совета. В своём приветственном слове Николай Константинович отметил, что сегодня, вопреки распространённому мнению о скорой замене человека искусственным интеллектом, именно переводческая деятельность ставит перед наукой новые фундаментальные вопросы — уже не столько лингвистические, сколько философские, психологические и антропологические. Он подчеркнул, что ключевая проблема сегодня — это различие между значением и смыслом: если в области значений ИИ уже достиг успехов, то передача и восстановление смысла остаются человеческой зоной, и решать эти вопросы предстоит новому поколению исследователей.

Заместитель председателя оргкомитета секции, член экспертного совета доцент Ольга Игоревна Костикова, приветствовав участников, обратила внимание на то, что год от года секция собирает всё больше студентов, и это свидетельствует о живом интересе молодёжи к науке о переводе. Она призвала участников не ограничиваться пассивным слушанием, а активно включаться в обсуждение: задавать вопросы, спорить, предлагать свои аргументы. По её словам, именно в диалоге и дискуссии рождаются новые исследовательские идеи, и таким образом секция становится пространством живого научного общения, а не просто формальным заслушиванием докладов.

Далее в рамках научно-популярного лектория форума «Ломоносов» заместитель директора по учебной работе доцент кафедры теории и методологии перевода Ушаков Сергей Геннадиевич прочи-

тал лекцию на тему «Машинный перевод в 2026 году: возможности, ограничения, угрозы, потенциал», которая задала содержательный тон дальнейшему обсуждению актуальных вопросов переводоведения и цифровой коммуникации.

Работа секции «Теория, история и методология перевода» в Высшей школе перевода велась по следующим направлениям: общая теория, история и методология перевода; художественный перевод: методы и критика; цифровые технологии в многоязычной коммуникации; сравнительно-сопоставительная лингвистика и дискурсология. Пятая подсекция прошла в дистанционном формате и расширила научную повестку заседания актуальными вопросами в области перевода и лингвистики. Секция объединила 45 исследователей из 16 вузов, представлявших 11 городов России и 2 зарубежные страны (Китай, Туркменистан). Показательно распределение участников по категориям: 25 студентов (бакалавры, специалисты, магистры), 19 аспирантов и 1 молодой преподаватель-исследователь. Таким образом, доля студентов составила более половины от общего числа докладчиков, что свидетельствует о высоком интересе молодёжи к фундаментальным и прикладным вопросам науки о переводе. При этом существенное присутствие аспирантов (19 человек) подчёркивает преемственность научных школ и готовность молодых исследователей к самостоятельной академической работе.

В ходе заседания участники представили доклады, посвящённые широкому кругу вопросов современной переводческой науки, продемонстрировали высокий уровень исследовательской подготовки и заинтересованность в развитии переводоведения как междисциплинарной области знания. Особое внимание было уделено как классическим проблемам теории и практики перевода, так и новым вызовам, связанным с цифровизацией многоязычной коммуникации.

На подсекции 1 «Общая теория, история и методология перевода» обсуждались вопросы перевода медиатекстов, понимания личности переводчика, реинтерпретации философских понятий в переводе, истории перевода Священного писания на романские языки, переводческой и лингвистической интерференции в синхронном переводе, создания образа в переводе, принципы перевода и др. В рамках подсекции 2 «Художественный перевод: методы и критика» рассматривались проблемы перевода топонимов, лек-

сико-грамматических трансформаций в переводе юмористических текстов, классификации ошибок в любительских переводах, стратегии передачи лексических и стиливых особенностей художественных текстов и др.

В рамках подсекции 3 «Цифровые технологии в многоязычной коммуникации» поднимались вопросы качества нейронного машинного перевода, эффективности систем машинного перевода в интерпретации архаичной лексики, локализации компьютерных игр, ошибки и пути совершенствования нейронного аудиовизуального перевода, субтитрирования и др. Подсекция 4 «Сравнительно-сопоставительная лингвистика и дискурсология» была посвящена сопоставлению особенностей репрезентации концептов в русской и китайской фразеографии, дискурсивной специфике учебной и научной литературы, прагматической адаптации и сохранению культурных норм в переводе и др. В рамках дистанционной подсекции 5 «Актуальные вопросы перевода и лингвистики» обсуждалась эффективность нейросетевых переводчиков при чтении оцифрованных художественных текстов, терминология в сфере информационных технологий, переводческие стратегии и трансформации в переводе поэзии и эпоса и др.

По итогам работы секции были определены победители и лауреаты подсекций. В подсекции «Общая теория, история и методология перевода» первое место с докладом «“Крылья”, которые могут поднять к радости: реинтерпретация основных понятий первого суждения “Лунь юй” в переводах XIX–XX вв.» заняла Ожиганова Софья Дмитриевна (Россия, Москва), второе место — Гун Синъи (КНР), приз «Дебютант в науке» получила Погосян Амалия Аркадьевна (Россия, Москва).

В подсекции «Художественный перевод: методы и критика» первое место с докладом «Лексические повторы в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого: функции и стратегии передачи в англоязычных переводах» занял Махалов Артём Александрович (Россия, Москва), второе место — Параскун Иван Александрович (Россия, Москва), третье место — Хоу Ииди (Китайская народная республика).

В подсекции «Цифровые технологии в многоязычной коммуникации» первое место с докладом «Нейронный аудиовизуальный перевод: ошибки и пути совершенствования» заняла Сереброва Анастасия Вячеславовна (Россия, Санкт-Петербург), второе

место — Силкина Алина Максимовна (Россия, Москва), третье место разделили содокладчики Глинская Ольга Сергеевна и Алешихин Алексей Станиславович (Россия, Саратов).

В подсекции «Сравнительно-сопоставительная лингвистика и дискурсология» первое место с докладом «Сравнительный анализ концепта ЧЕЛОВЕК в русском и китайском фразеологических словарях» заняла Александрикова Лина Геннадьевна (Россия, Москва), второе место — Семёнова Елизавета Алексеевна (Россия, Москва), приз «Дебютант в науке» получила Мамедалиева Амалия Ильгаровна (Россия, Екатеринбург).

Среди дистанционных участников грамотой победителя отмечен доклад «Классификация лексики якутского героического эпоса олонхо, переданной на русский язык с помощью транскрипции и транслитерации» Семёновой Светланы Владимировны (Россия, Якутск).

По итогам конференции участники секции получили сертификаты, лауреаты — грамоты и памятные призы. Тезисы докладов участников подсекции будут опубликованы в электронном сборнике материалов конференции «Ломоносов-2026».

16 апреля 2026 года участники секции «Теория, история и методология перевода» преподаватель Кольцова Дарья Александровна и председатель Студенческого научного общества Высшей школы перевода (факультета) МГУ Леванюк Виталина Германовна приняли участие в работе дискуссионной площадки «Технологии ИИ в переводческой деятельности», организованной Студенческим научным обществом факультета иностранных языков и регионоведения и Студенческим научным обществом Высшей школы перевода.

Участники обсудили последние достижения в сфере искусственного интеллекта (ИИ) и их применение в переводе, а также поделились прогнозами о том, как будет меняться переводческая индустрия в ближайшие годы. Отдельное внимание было уделено новым профессиональным специальностям, востребованным навыкам и трансформации образования в современных условиях. Такие молодёжные дискуссии призваны стать пространством для активной междисциплинарной коммуникации и прямого диалога с молодыми экспертами, позволяя обсуждать использование ИИ в самых разных областях науки — от медицины и образования до гуманитарных исследований и сложных систем.

По итогам работы секции конференция «Ломоносов-2026» вновь подтвердила свою значимость как авторитетная площадка для научного общения, профессионального роста и обмена идеями. Разнообразие тем, высокий уровень представленных докладов, сочетание традиционных филологических подходов и современных цифровых исследований показали: сфера теории, истории и методологии перевода сегодня остается динамично развивающейся и по-настоящему многоплановой областью знания, открывающей широкие возможности для молодых исследователей.

Корректор *А. В. Игумнов*. Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 03.07.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 45 экз. Изд. № 13448. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;

e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru